

*Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии*

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
РАН (Кунсткамера)*

Г. Н. СИМАКОВ, А. Д. ХЕЦИЯ

ОЧЕРКИ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ У НАРОДОВ КAVKAZA

Сухум
2011

ББК 81.2 А6х-3
С 37

Редактор: Хагба Л.Р., доктор филологических наук, профессор.

Рецензенты: Ботяков Ю.М., кандидат исторических наук.

Емельяненко Т.Г., кандидат исторических наук.

Настоящая монография является результатом сотрудничества бывшего ведущего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), доктора исторических наук, ныне покойного Симакова Г.Н. (1942 – 2007 гг.) и ведущего научного сотрудника Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, кандидата филологических наук Хеция А.Д.

В книге рассматриваются различные аспекты практики соколиной охоты и связанные с ней религиозно-магические представления, а также лексика, относящаяся к ястребиной охоте абхазов XX–XXI вв.

Работа представляет собой первую попытку монографического изучения охоты с ловчими птицами на Кавказе вообще и в Абхазии, в частности. В основу исследования легли полевые материалы авторов и литературные данные.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

© Г. Н. Симаков, 2011

© А. Д. Хеция, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написанию этих кратких очерков о соколиной охоте на Кавказе предшествовали следующие обстоятельства. В 2002 году Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН посетил кандидат исторических наук, профессор Абхазского государственного университета Станислав Зосимович Лакоба, который приехал в Санкт-Петербург, в отдел этнографии народов Кавказа МАЭ РАН, для переговоров о создании этнографической выставки «Женщины Кавказа» на базе фотоколлекций, хранящихся и в этом музее. Во время бесед за чаепитием выяснилось, что один из авторов этих очерков (Г.Н. Симаков) уже около 30-ти лет занимается изучением охоты с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана и опубликовал уже две монографии на эту тему (см. список литературы в данной работе). Станислав Лакоба, посетовав на то, что своеобразная ястребиная охота, чрезвычайно популярная по сей день у сельского и отчасти городского населения Абхазии, слабо изучена, и что на эту тему до сих пор нет монографических исследований, предложил Г.Н. Симакову восполнить этот пробел. Кроме того, он любезно сообщил телефон и адрес в г. Сухуме ученого-лингвиста, кандидата филологических наук Анатолия Джотовича Хеция, который еще с семидесятых годов собирал термины по ястребиной охоте у абхазов, одновременно интересуясь ее этнографическими аспектами.

При личном знакомстве в 2003 г. с А.Д. Хеция (во время первой экспедиции в Абхазию Г.Н. Симакова) родилась идея совместно написать небольшую работу на тему ястребиной охоты у абхазов. При этом наши материалы (собранные в 70-х годах А.Д. Хеция и в начале нашего столетия Г.Н. Симаковым) могли бы представлять определенный интерес, освещая этот вид охоты на протяже-

нии последних 30-ти лет. Однако изучение литературы по охоте с ловчими птицами у народов Кавказа дало возможность кратко коснуться соколиной охоты у адыгейцев, армян, азербайджанцев, грузин и позволило озаглавить эту небольшую монографию несколько шире, как «Очерки соколиной охоты у народов Кавказа». Отметим при том, что сравнительно более подробные описания в литературе этой охоты у абхазов и наши полевые материалы, позволили уделить охоте с ловчими птицами именно у этого народа больше места и внимания. Так что названием книги могло быть «Ястребиная охота у абхазов».

Пользуясь представившейся возможностью, выражаем искреннюю признательность редактору, доктору филологических наук, профессору, зав. отделом языка АБИГИ им. Д. И. Гулиа АН РА Л. Р. Хагба, директору Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН РА, кандидату филологических наук, доценту В. Ш. Авидзба, прочитавшим рукопись и давшим ряд ценных рекомендаций по улучшению изложения материала, а также кандидату биологических наук, доценту Р.С. Дбару – начальнику Госэкологии Республики Абхазия за ценные сведения по соколиной охоте абхазов, проректору Абхазского государственного университета, кандидату биологических наук, доценту В. И. Маландзия за оказание практической помощи по составлению морфологии ловчей птицы и русской части терминологии к ней, которая приложена в конце настоящей работы.

Особо следует отметить рецензентов данной монографии – Ю.М. Ботякова, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела этнографии народов Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) и Т.Г. Емельяненко, кандидата исторических наук, зав. отделом этнографии Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея, прочитавшим рукопись и рекомендовавшим ее к печати.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ ПО СОКОЛИНОЙ ОХОТЕ НА КАВКАЗЕ

 Охота с ловчими птицами (или как принято ее называть в литературе – соколиная охота) в истории и этнографии Кавказа изучена неудовлетворительно. Сведения, касающиеся этого вида охоты (как, впрочем, и других способов охоты), в кавказоведческой литературе скудны. Поэтому на данном этапе изучения получить о ней сколько-нибудь глубокое представление было бы, на наш взгляд, невозможно, если бы один из авторов этой работы (Г.Н. Симаков) в течение более чем двух десятилетий не занимался исследованиями охоты с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана, где она по сей день сохранилась в традиционном виде. Это обстоятельство, а также знакомство с соколиной охотой других народов Европы и Азии дает некоторое представление об общих закономерностях возникновения, развития и бытования культа хищных птиц у разных народов мира и общих чертах практической стороны этого дела. Все это, как нам представляется, поможет нашей попытке рассмотреть немногочисленные и, порой, краткие сведения по охоте с ловчими птицами на Кавказе в свете этнографической интерпретации, имеющихся в нашем распоряжении данных.

Говоря более конкретно, в основу толкования немногочисленных фактов по соколиной охоте народов Кавказа положены три блока общих представлений, характеризующих ритуальную и практическую стороны охоты с ловчими птицами, если не у всех, то у большинства народов мира.

Первый из них был разработан Л.Я. Штернбергом в его известной работе «Культ орла у сибирских народов» [Л.Я. Штернберг, 1925, с.717–740], в которой, в частности, подчеркиваются нижеследующие моменты: а) Культ орла связан с культом солнца, повелителем и хозяином которого он является; б) Орел является хозяином огня; в) Орел является возродителем природы, а также богом плодородия и плодovitости; г) Орел – творец всего сущего; д) Орел – типичный тотем; е) Орел – родоначальник и творец шаманов, и, наконец, ж) Орел связан с так называемым мировым или шаманским деревом. При этом Л.Я. Штернберг отмечает, что: «Культ орла, как известно, один из наиболее универсальных. Мы находим его у народов самых различных культур и самых различных рас, наиболее удаленных друг от друга. Мы его находим у диких австралийцев, у индейцев Америки и у народов классической древности, при том почти в одинаковых формах. Эта универсальность культа орла легко объясняется, помимо той общей примитивной психологии, которая привела к созданию культа животных, специфическими особенностями этого исключительного пернатого, которое до сих пор сохраняет за собой эпитет царя птиц» [Он же, с. 718–719].

Со своей стороны нам важно добавить, что пристальное изучение культа хищных птиц в связи с соколиной охотой у народов Средней Азии и Казахстана и в иных регионах мира, привело нас к заключению о том, что вышеперечисленные особенности культа орла, в значительной своей части присущи и культу иных видов хищных птиц, в том числе ис-

пользуемых для охоты на промысловых животных. Поэтому есть все основания рассматривать в связи с изложенными моментами и культы ловчих ястребов и соколов.

Второй блок включает в себя важное наблюдение, сделанное тонким знатоком практики и истории охоты с ловчими птицами на Западе и на Востоке, членом-корреспондентом АН СССР, орнитологом Г.П. Дементьевым, который подчеркивал принципиальную общность технических приемов работы с ловчими птицами в различных, порой, значительно отдаленных, частях земного шара [Г.П. Дементьев, 1935, с. 8], что, на наш взгляд, также можно объяснить как единой биологической природой пернатых хищников, равно как и общими чертами, характерными для культа хищных птиц у различных народов Земли.

И, наконец, третий блок положений, который поможет пролить некоторый свет на ритуальную и практическую стороны соколиной охоты на Кавказе, был разработан Г.Н. Симаковым в его монографии 1998 года и в ряде статей. Суть их сводится к тому, что практическая сторона соколиной охоты возникла как результат длительного контакта человека с хищными птицами с исключительно культовыми целями, что отдельные технические приемы работы с ловчими птицами первоначально вызывались сугубо ритуально-магическими задачами (будь это тотемизм, культ плодородия и плодовитости, астральные и анимистические культы, шаманистская теория и практика и т.п.). По мере ослабления, а затем постепенного отмирания ритуально-магической практики, человеком все отчетливее осознавалась чисто практическая значимость хищных птиц, их эффективность использования в охоте на пернатых и иных промысловых животных.

Фактологическую основу настоящей работы составляют газетные, журнальные и литературные публикации на эту

тому и наиболее освещающие вопрос полевые материалы А.Д. Хеция (70-е гг.) и Г.Н. Симакова (полевые сезоны 1985, 2002, 2003 гг.). В сезон 1985 г. Г.Н. Симаков имел возможность присутствовать на всесоюзном слете сокольников, приуроченном к празднику сокольников Аджарии «Базие-ри», в котором участвовало значительное число охотников с ястребом из Абхазии, где техника охоты в значительной мере схожа с аджарской. Но большая часть сведений по соколиной охоте на Кавказе в целом была почерпнута нами из дореволюционных и советских публикаций, ссылки на которые будут делаться по мере изложения материалов и этнографических комментариев к ним.

Собранные нами материалы не охватывают всего Кавказа и даже большей его части. В нашем распоряжении имеются отрывочные сведения только по соколиной охоте адыгейцев, азербайджанцев, армян и грузин. Наиболее полными сведениями мы обладаем по охоте с ястребом-перепелятником у абхазов. Поэтому об охоте с ловчими птицами у этого народа нами предлагается отдельный, наиболее обстоятельный и разносторонний очерк, который в отличие от других описаний, дает достаточно полное, хотя и недостаточное, представление о ритуальной и практической сторонах этого вида традиционной охоты.

Таким образом, основной задачей представленных читателю очерков является впервые в монографическом виде опубликовать имеющиеся сведения по соколиной охоте на Кавказе, а также дать этнографический комментарий к ритуальным и практическим аспектам этой охоты в регионе.

* * *

Начнем с описания и комментариев праздника сокольников, имевшем место в г. Батуми в 1985 г. В официальном

приглашении на праздник, любезно присланном Г.Н. Симмакову его организаторами, он именовался как Всесоюзный съезд-соревнование сокольников-любителей СССР. В то время шел процесс активного возрождения охоты с ловчими птицами в тех регионах Союза, где она традиционно существовала до революции, а затем была полностью или частично утрачена. В этой связи организовывались клубы сокольников в различных, в основном, крупных городах страны. Характерной стороной этого движения было то, что молодые люди (юноши и девушки) учились основам работы с ловчими птицами и охоты с ними, главным образом, по литературе, так как в большинстве регионов Союза этот вид охоты вышел из употребления или за годы Советской власти, или, по тем или иным причинам, значительно раньше. Живых людей, у которых можно было бы научиться этому делу, практически не осталось (исключение составляли Грузия, главным образом, входившие в нее тогда Абхазия и Аджария, а также территория Средней Азии и Казахстана, в основном, Киргизия, Казахстан и Туркмения, где охота с ловчими птицами продолжала существовать в традиционном виде, хотя и находилась в состоянии упадка). Кроме книг, молодые люди учились мастерству работы с ловчими птицами друг у друга (клубы сокольников находились в очном или заочном постоянном общении) и в редких случаях использовали живой опыт сокольников Кавказа и Средней Азии (что было затруднено возможностью контактов на больших расстояниях, которыми были отдалены друг от друга учителя и ученики). Поэтому большое значение в обмене опытом имели периодически устраиваемые всесоюзные слеты сокольников, подобные тому, о котором речь пойдет ниже. Кроме того, показательные выступления охотников с ловчими птицами периодически устраивались в городах, где имелись сокольниковские клубы. На одном из таких пока-

зательных выступлений в Санкт-Петербурге Г.Н. Симаков имел возможность присутствовать.

Второй характерной чертой этого движения было то, что молодые сокольники ограничивались показательными выступлениями в условиях крупных городов, не желая или не имея возможности выезжать в поле на «живую» охоту, превращая, таким образом, работу с ловчей птицей в своеобразное представление, тогда как только в полевых условиях, в ловле пернатым воспитанником добычи проявляется истинное мастерство сокольника и главная, конечная задача соколиной охоты.

Поэтому для этого движения, имевшего целью возрождение соколиной охоты в СССР, в условиях информационного голода, недостатка в источниках, по которым можно было бы приобрести необходимый для этого практический опыт, те редкие встречи с сокольниками Кавказа (абхазы, грузины-аджарцы) и Средней Азии (казахи, киргизы и туркмены), где охота эта в традиционных формах существует и поныне, имели первостепенное, исключительно важное значение. И это несмотря на то, что молодые сокольники в своей деятельности ориентировались, в основном, на средневековый и современный опыт западноевропейской и русской соколиных охот, который более подробно и обстоятельно освещен в литературных источниках и периодической печати.

Таким образом, праздник-слет сокольников (по-грузински «базиери»), каковым он явился взору наблюдателя (Г.Н. Симакова), имел своей целью и соревнование в мастерстве, и активный обмен опытом работы с ловчими птицами между его участниками.

Теперь перейдем к описанию самого праздника, каковым он был в 1985 году, и к этнографическому комментарию его практических и ритуальных аспектов.

Прежде всего, подчеркнем то обстоятельство, что этот праздник-слет имел в своей основе характер не столько общесоюзного мероприятия, сколько глубоко традиционного праздника состязания абхазских и грузинских сокольников, происхождение которого уходит вглубь веков.

По древней традиции он устраивался в осеннее время (сентябрь месяц), когда через этот регион Кавказа активно проходит миграция с Севера на Юг громадного количества перепелов, за которым следует и значительное число хищных птиц, главным образом, ястребов-перепелятников (по-грузински «нариди мимино») [Орлов В., 1992, с.16]. Среди них попадаются и ястребы-тетеревятники, а в прошлом встречались и разные виды соколов (ныне почти исчезнувшие в природе). Именно в это время идет активная добыча малых и больших ястребов, их обучение и крайне добычливая, в силу обилия перепелов, охота с ними. Эта сезонная охота и торжества, устраиваемые в связи с ней, являлись и являются характерной чертой не только у аджарцев, но и у абхазов и грузин (Мингрелии, Имеретии, Сванетии, Гурии, чему свидетельства имеются и в литературе) [Он же, с.16–17]. Такие же традиционные праздники сокольников ежегодно проводились и в Тбилиси, в связи с чем очевидец пишет следующее: «Мне пришлось побывать на одном из них. Приглашены были сокольники из многих городов России, а также из Германии. Каких только птиц я не увидел! Все было на этом соревновании: напуски на перепелок, подзывание на руку, напуски на кролика. Были и призы, которые достались совсем юным участникам. Но главного, из-за чего, признаться, приехал, так и не дождался.

Не выпускают сейчас птиц по окончании соревнования. Дороги нынче стали соколы. За хороших птиц большие деньги предлагают. А жаль, наши предки мудрее были. И уж если сохранять традиции, то все до единой» [Он же, с.16].

И действительно, характерной традиционной чертой этих праздников и самой охоты являлось то, что по окончании охоты и праздника ловчие ястребы отпускались на волю, поздним рациональным объяснением чему было – легче в новый сезон поймать нового ястреба и обучить его охоте, чем весь год до нового охотничьего сезона кормить уже пойманного и обученного и ухаживать за ним. В более отдаленные времена отпускание ловчих птиц на волю носило не столько практический, сколько ритуальный характер, суть которого состояла в пожелании во время отпускания ловчих птиц, освобожденных от путиков и бубенцов, на волю: «Живите и приносите потомство!» [Он же, с.16]. Однако в наши дни эта традиция соблюдается в полной мере уже редко, что объясняется и непомерной ценой ловчих птиц (в первую очередь, соколов, которых мало осталось в природе), и, главное, утратой древней традиции и забвением ее ритуального, обрядового смысла, суть которого заключалась в магических действиях, направленных на стимулирование всяческого плодородия, плодовитости пастбищ и скота, самих ловчих птиц и в семьях сокольников. Что касается Средней Азии и Казахстана, то там тоже существовала такая традиция, и в некоторых районах (например, вокруг высокогорного озера Иссык-Куль в Киргизии) она существует применительно к ловчим орлам-беркутам и по сей день.

Характерным для праздника-соревнования в г. Батуми в 1985 году было и то, что на нем собралось громадное количество местных сокольников аджарцев и абхазов с ловчими птицами на руке. Соревнования и показательные выступления (для участников-гостей) проходили на современном стадионе, трибуны которого были заполнены участниками и зрителями, из которых у каждого третьего был обученный малый или большой ястреб. При этом, люди всех возрастов с ловчими птицами на руках буквально роились вокруг ста-

диона и часто встречались на улицах Батуми вдали от места торжества. Аналогичную картину наблюдал очевидец в 30-х годах прошлого века и в Абхазии в сезон охоты с ястребами, который об этом пишет следующее: «Я попал в Гудауты в самом начале сентября – промысел только начинался. Но и в это уже время на улицах стали попадаться охотники с прирученными ястребами, носимыми на руке. В половине сентября, пожалуй, каждый десятый попадался мне на встречу с этой птицей. На базаре я даже видел с ястребом милиционера, хотя не уверен, стоял ли последний на посту. Ручного ястреба я также видел в одном из совучреждений, случайно заглянув в последнее» [Беляев М., 1930, с. 85]. Примечательно и то, что на стадионе в Батуми и повсюду в городе, где собирались группами сокольники, царило оживление, приподнятое настроение и некоторое азартное возбуждение. Сами же выступления участников сопровождались темпераментными выкриками с трибун людей, которые сопереживали соревнованиям, болели за своих знакомых, близких и родственников. При этом не наблюдалось четкой грани между зрителями и участниками. Те и другие появлялись на поле стадиона по ходу состязаний, оспаривая решения судей, или просто желая покрасоваться с птицей на руке перед многочисленной публикой. Характерно и то, что судейская коллегия принимала решения, исходя порой из клановых, групповых, родственных соображений, отдавая дань кавказской вежливости и гостеприимства лишь гостям (все приезжие сокольники получали грамоты победителей и подарки, часто независимо от достигнутых в соревнованиях успехов). Решения судей оспаривались не согласными с ними людьми из числа зрителей и участников так горячо, что споры несколько раз переходили в легкие потасовки, которые, впрочем, быстро разрешались старейшинами и милицией. Вообще для этого праздника был характерен

элемент стихийности, некоего то сгущавшегося, то таявшего хаоса, типичного для традиционных народных торжеств, как отмечали этнографы у многих народов мира.

Сама же программа праздника крайне проста. Открывался он парадом участников с ловчими птицами на руке, которые шагом делали круг по гаревой дорожке стадиона. Таким же парадом после вручения призов победителям и заканчивался праздник. Между этими парадами проходили выступления сокольников, которые включали в себя два главных элемента работы с ловчей птицей: хождение ловчей птицы на руку и напуск ее на добычу (главным образом, на перепелов). Характерной чертой парадов участников состязаний было то, что в них участвовали не только сокольники, выступавшие на состязаниях, но также многие из тех, кто сидел с ловчей птицей на руке на трибунах и болел за тех или иных участников.

Первый элемент состязаний состоял в следующем: очередной участник соревнования, имя которого называлось по громкоговорителю, выходил с ловчей птицей на руке на поле стадиона. Затем он подходил к сооруженной на поле конструкции в виде двух деревянных столбов, соединенных наверху деревянной же перекладиной на высоте чуть более человеческого роста. Это сооружение представляло собой не что иное, как присаду (стул) для ловчей птицы (аналогичные конструкции присад для нескольких ловчих птиц – ястребов, соколов, беркутов – широко используются по сей день киргизскими и казахскими охотниками с ловчими птицами). Подойдя вплотную к присаде, охотник сажал своего ястреба или сокола на горизонтальную перекладину, а сам отдалялся от нее на расстояние 50–60 метров на то место, которое было обозначено флажком. По достижении его, сокольник, вытянув горизонтально с зажатым в ней куском мяса правую руку в перчатке или без оной в сторону сидя-

щего на насесте ястреба, начинал присвистывать и цокать языком (сокольники из Москвы и Петербурга вместо этого свистели в свистки), призывая ловчую птицу прилететь и сесть на руку хозяина. При этом сокольники старались не глядеть на птицу, так как среди сокольников, как в Европе, так и в Азии и на Кавказе, бытует древнее поверье, что ловчую птицу, даже ручную, страшат взгляд, глаза человека.

Некоторые ястребы и соколы (недостаточно обученные) не обращали на эти призывы никакого внимания, и его хозяин не получал за этот элемент состязания никаких очков. Другие птицы прилетали на руку охотнику лишь после многократных, длительных подзываний, что было лучше, но также свидетельствовало о не вполне хорошей выучке их питомцев. В этом случае сокольнику давалось некоторое количество баллов. И лишь немногие птицы по первому зову стремительно летели и садились на руку хозяина. Такое поведение птицы считалось высшим достижением в ее выучке и оценивалось высшим количеством баллов. Случалось и так, что не успевал охотник еще дойти до флажка и подать сигнал птице, как она самовольно устремлялась за ним, садясь ему на плечо, голову или подставленную охотником руку, что, в целом, оценивалось положительно, но свидетельствовало одновременно и о «своеволии» птицы и об ошибках в ее обучении. Соревнование по этому виду программы длилось около 2–3 часов, так как в ней принимало участие большое количество желающих. Те, кому в этом упражнении птица не подчинялась вовсе или улетала с присады прочь (что было худшим вариантом, позором для сокольника, ибо это было свидетельством отсутствия выучки или неумением подчинить своей воле пернатого питомца), тот выбывал из состязаний, не имея уже возможности выступить в следующем, главном номере программы. Состязание в хождении на руку сопровождалось в случае успеха

аплодисментами и радостными выкриками зрителей, а в случае неудачи – смехом и освистыванием.

После некоторой паузы переходили ко второму наиважнейшему элементу соревнований, который, несомненно, являлся «гвоздем» программы, тем, ради чего устраивалось само торжество – к напуску ловчих птиц на добычу. Выглядело это таким образом: в центр поля выносили ящики-клетки с живыми перепелками, которые накануне были пойманы в ночное время сачками при свете ручных фонарей (один из способов добычи перепелов, бытующий в Абхазии и Аджарии). Один человек садился около такого ящика-клетки на корточки, а недалеко от него (метров 5–6) становился охотник с ловчей птицей на руке. По первой команде судьи (старейшины), человек, находившийся около ящика-клетки, доставал из него через маленькое дверце рукой перепела. По второй команде перепелка выпускалась из сжатой кисти руки на свободу и в страхе от близости ястреба, стадиона с людьми и клетки, стремительно бросалась в полет, чтобы скорее улететь прочь от «этого кошмара». И мгновенно в след ей сокольник отпускал ловчую птицу, в задачу которой входило как можно быстрее поймать добычу. Однако в реальности это происходило по-разному.

Идеальный вариант: птица стремительно срывалась с руки охотника, который помогал ей удачно стартовать коротким взмахом руки в сторону улетающей добычи, и в считанные секунды перепелка оказывалась в ее когтях. Захват добычи происходил в воздухе, после чего ястреб опускался с ней на землю. Иногда от страха перепел пытался спрятаться в траву футбольного поля, но это лишь облегчало задачу ловчей птице. Такой поворот событий оценивался высшим количеством баллов. В некоторых случаях (при неудачном старте) преследование затягивалось, и ястреб ловил перепелку где-нибудь над трибунами, и возбужденные азартным

зрелищем зрители, среди которых, как уже говорилось, было много опытных сокольников, возвращали ястреба с пойманной добычей его хозяину на поле стадиона. Одна перепелка была поймана большим ястребом-тетеревятником прямо над головой сидевшего на трибунах одного из авторов данной работы Г.Н. Симакова характерным для ястреба приемом: он подлетел под перепела и молниеносным движением перевернулся в полете вверх лапами и в таком положении схватил когтями настигнутого перепела, после чего восстановил положение нормального полета и с добычей в когтях улетел за пределы стадиона. Но тому, что ястреб все-таки поймал добычу, было множество свидетелей. Подобные ситуации считались сравнительно удачными, но оценивались меньшим количеством баллов, так как ястреб улетел с добычей прочь, не дав хозяину завладеть добычей.

Наконец, преследование ястребом добычи в некоторых случаях продолжалось за пределами стадиона, что доставляло хозяину наименьшее количество очков и хлопоты по поиску улетевшего ястреба, на которые, чтобы не потерять птицу, он вынужден был отправляться тотчас же, покинув место состязаний и выбыв из дальнейшей борьбы.

Но бывали случаи, когда ястреб не обращал никакого внимания на отпущенного перед его носом перепела и оставался неподвижным на руке сокольника или, что еще хуже, срывался с руки и летел прочь в противоположную сторону от улетевшей перепелки. Такой поворот событий расценивался как проигрыш, как полное неумение работать с птицей, и не давало сокольнику никаких очков, и он выбывал из состязаний.

Заметим, что поимкой ястребом добычи еще не заканчивался этот номер программы. Важно было взять из когтей ястреба добычу так, чтобы он не успел ее растерзать, и так, чтобы птица не улетела прочь при приближении к ней хо-

зяина. Для этого, по испытанному методу всех сокольников, хозяин птицы должен был спокойной походкой приблизиться к ней, сидящей на пойманной добыче, со стороны головы, чтобы птица видела своего хозяина и не пугалась. Приближение к ястребу, поймавшему добычу, сзади, со стороны хвоста, чревато тем, что птица может испугаться и улететь. Добычу спокойными, нерезкими движениями высвобождают из когтей птицы, отвлекая ее от перепелки кусочком мяса, лучше всего от мозга пойманной перепелки. Это также поддерживает в птице азарт для продолжения охоты. Если этого не делать, то птица может отказаться от продолжения охоты («обидеться», как говорят сокольники).

Успешное выполнение этих действий давало хозяину дополнительные очки. Если же ястреб при приближении хозяина улетал прочь, унеся в когтях добычу – это свидетельство ошибок или недоработок в его воспитании, что снижало шансы сокольника на победу [Г. Н. Симаков. Полевые материалы, 1985, с. 1–6].

Что, прежде всего, обращает на себя внимание этнографов, изучающих традиционные черты охоты с ловчими птицами на Кавказе в приведенном выше описании праздника «Базieri», имевшем место в 1985 году в г. Батуми?

Во-первых, для дальнейших рассуждений и оценок следует вычленить в контексте праздника те моменты, которые всецело принадлежат современности. Это: современный стадион в качестве места его проведения; система начисления баллов, количеством которых оценивается то или иное выступление; ведущая роль в организации праздника советских, партийных властей и руководства Охотсоюза; награждение победителей грамотами и современными подарками; отсутствие (кроме, как у старшего поколения, национальных головных уборов) традиционной кавказской одежды у участников состязаний; наличие на торжестве других совре-

менных аксессуаров: громкоговорителей, фотоаппаратов, биноклей и т.п., свойственных такому крупному, современному городу, каким является г. Батуми.

Во-вторых, попробуем выделить те моменты, которые характеризуют этот праздник как глубоко традиционный: время его устройства – осень, когда по традиции осуществляется отлов хищных птиц, их обучение и интенсивная охота с ними на перепелов, фазанов, зайцев и т.п.; большое количество народа (от мальчиков до стариков) с ловчими птицами на руках, как на самом празднике, так и повсюду в городе; неформально приподнятое, оживленное, даже слегка возбужденное, воистину праздничное состояние духа всех участников и зрителей на торжестве; горячее, неформальное участие в судействе, в выдаче призов, в разрешении возникавших в процессе конфликтов, наряду с чиновниками Охотсоюза, старейшин из народа, знатоков традиционных правил устройства подобных торжеств и тонкостей охоты с ловчими птицами; клановые, этнические, межрегиональные противоречия, столь явно и открыто проявлявшие себя в судействе, в процессе выявления победителей, столь явное предпочтение судей, отдаваемое «своим», и горячий открытый протест «обиженных», доходивший до легких потасовок; включение в программу напуска ловчих птиц на живую добычу; парады участников в начале и в конце праздника; способы и приемы работы с ловчими птицами, снаряжение соколиной охоты; суеверия, воспринимаемые как рациональные действия, способствующие, по мнению охотников, успешной работе с ловчими птицами; присутствие на празднике и участие в нем иноэтнических гостей, что также было традиционным на торжествах у многих народов мира. В частности, представители иных этносов часто приглашались на крупные праздники сокольников в Киргизии и Казахстане, а также принимали участие в состязаниях наравне

с устроителями торжеств; бурная непосредственная реакция зрителей, грань между которыми и непосредственными участниками состязаний была весьма относительной; элементы стихийности в празднике, бурная реакция зрителей в пользу «своих»; и, наконец, отмеченное в литературе бытование подобных торжеств в различных районах Абхазии, Аджарии и даже в г. Тбилиси.

Все эти материальные, поведенческие, социальные, этнопсихологические черты праздника дают достаточно оснований для того, чтобы считать подобные торжества сокольников глубоко традиционными, имеющими свои рациональные и ритуальные истоки во временах, весьма отдаленных от современности. Такого же мнения придерживаются и некоторые другие авторы, писавшие на эту тему. Например, уже неоднократно цитированный нами автор В. Орлов, в частности, отмечает, что подобные праздники ежегодно по традиции проводились «когда заканчивался перелет перепелок, где-нибудь в поле, в долине, где подбрасывали перепелок, за ними ястреба – чем больше он взять успеет, того хозяина награждали призом» [Орлов В., 1992, с. 16].

Аналогичные праздники сокольников и соколиной охоты существовали в дореволюционном быту и в советское время в Средней Азии. Наиболее масштабно и ярко они были представлены у киргизов и казахов. Традиционно их проводили поздней осенью или в начале зимы, когда скот возвращался с летних пастбищ на зимовку, и когда уже были убраны зерновые. Подобные торжества устраивались отдельно или приурочивались к свадьбе или годовым поминкам по богатому знатному человеку. Часто праздником сокольников отмечалась годовщина смерти выдающегося при жизни сокольника или охотника с беркутом. Программа торжеств включала в себя только один номер: напуск ловчей птицы на живую добычу. При этом в состязаниях принимали участие

охотники с разного вида соколами, большими ястребами-тетеревятниками и орлами-беркутами. Соответственно для напуска предварительно отлавливались и содержались в деревянных клетках лисицы (и даже волки) – для испытания беркутов; фазаны, утки, гуси, зайцы, горные куропатки и т.п. для напуска соколов и ястребов-тетеревятников. В народе существовало множество легенд и преданий о чудодейственных ловчих качествах и уме различных пернатых охотников, о необыкновенных свойствах млекопитающих и птиц, которых они отлавливали. Сверхъестественными чертами наделяли и самих сокольников, в казахской среде их приписывали казахам; в киргизской соответственно – киргизским охотникам с ловчими птицами.

* * *

Истоки таких и подобных торжеств у народов, имеющих соколиную охоту, на наш взгляд, лежат в глубокой древности, когда существовал еще в развитом виде культ хищных птиц-тотемов, которые на ранних этапах формирования и развития соколиной охоты содержались в неволе с религиозно-магической целью, в частности, для ритуальных напусков птиц-тотемов с целью обеспечить плодородие скота, пастбищ и плодовитость самого человека, так как почитание хищных птиц, как уже говорилось, было, прежде всего, связано с магией всяческого плодородия и плодовитости. С этими же представлениями связывалось и пролитие крови жертвы, пойманной ловчей птицей. Не случайно и то, что такие праздники приурочивались к сезону, когда созрел урожай, нагулял жир домашний скот, подросло и окрепло новое его поголовье и т.п. Момент напуска, таким образом, по нашему мнению, являлся актом благодарности высшим силам, которыми «заведовали» хищные птицы за плодородие

дие и плодovitость и одновременно – магическим актом, который мог обеспечить плодородие и плодovitость, и всяческое процветание тому или иному сообществу в будущем. Подобные напуски, по-видимому, на ранних стадиях культа хищных птиц и формирования соколиной охоты осуществлялись людьми, непосредственно причастными к обрядовой, ритуальной стороне культа хищных птиц, которые накопили большой опыт обращения с ними. По мере отмирания культа именно из этого круга людей формировались первые охотники с ловчими птицами. Недаром у многих народов и в последующие времена к сокольникам сохранилось особое отношение: они считались и считаются до сих пор людьми необыкновенными, порой окруженные ореолом святости, их особо почитали и сохраняли к ним особо уважительное отношение [См. подробнее Г.Н. Симаков, 1998, Глава IV]. Нечто подобное, на наш взгляд, присутствует и в народном представлении абхазов, грузин-аджарцев. Так, у того же В. Орлова мы читаем: «Слабохарактерный и нервный человек никогда не сможет как следует обучить ястреба. Это дело требует труда и особенного терпения. Но, если обучит, значит ястреб вылечил хозяина навсегда, и из этого охотника будет толк» [Орлов В., 1992, с.17]. В этом убеждении в пережиточном, завуалированном виде сохранилась идея о том, что, по-видимому, в своих необыкновенных свойствах ловчая птица и охотник составляют сверхъестественное, единое, неразрывное целое и способны влиять друг на друга, в чем главенство явно принадлежит ловчей птице, бывшей некогда тотемом.

И тот факт, что в дни таких торжеств (особенно ярко это видно из кавказских материалов) с ловчими птицами на руке было на празднике громадное количество народа, что помимо чисто практических и экологических причин (обилие ястребов и перепелов в сезон охоты) являлось, на наш

взгляд, пережитком магии плодородия: чем больше ловчих птиц и сокольников, чем больше напусков, тем больше гарантии того, что будущий год будет обильным на скот, на урожай зерновых и фруктов, на рождение детей у участников праздника сокольников и всего народа.

* * *

Говоря о ритуальных истоках соколиной охоты и отдельных ее элементов, следует прокомментировать еще один древний обычай, бытовавший на Кавказе, а также в Средней Азии и Казахстане. Это – отпускание ловчих птиц на волю после окончания сезона охоты. На Кавказе это было принято делать сразу после окончания праздника сокольников и сезона охоты. В Средней Азии – после некоторого, часто долгого периода верной и плодотворной службы ловчей птицы охотнику. В основе этого обычая в обоих регионах лежали, на наш взгляд, две древние религиозно-магические идеи. Первая – лечение больных с помощью хищной птицы-тотема: птицу сначала обносили вокруг больного три раза, после чего считалось, что болезнь перешла от человека к птице. Затем птицу отпускали на свободу, и болезнь «улетала» прочь вместе с птицей [Зеленин Д.К., 1936, с.28 и др.].

Вторая идея – более общего характера: первоначально птицу было принято отпускать после выполнения с ее участием ряда религиозно-магических действий в знак благодарности за оказанную помощь, будь это лечение больных, обеспечение плодородия и плодовитости или выполнение иных культовых задач, для чего, собственно говоря, и содержали птицу в неволе [Г. Н. Симаков, 1998, Глава IV].

Религиозно-магические идеи спортивных состязаний и связанные с ними ритуальные действия, о которых речь шла

выше, в течение столетий утратили свое первоначальное культовое значение и дожили до наших дней в форме чисто модернизированных спортивных состязаний, торжеств, обычаев, первоначальный смысл которых был давно утрачен, забыт или переосмыслен и уже не создавался охотниками с ловчими птицами.

А теперь мы коснемся материалов, которые проливают свет на то, как древние культы и идеи, а также социальные воззрения, связанные с культом хищных птиц и с соколиной охотой, преломлялись в некоторых фольклорных материалах Кавказа, а также в некоторых верованиях и обычаях. При этом, если выше речь шла о работе, главным образом, с ястребами, то сейчас основное внимание будет уделено соколу и орлу.

* * *

Начнем с цитаты из источника XVIII века, в котором об охоте с ловчими птицами в Грузии (Имеретия, Мингрелия, Гурия) говорится следующее: «Телесные упражнения сего народа состоят в охотах, наипаче ястребиной: они содержат ястребов, соколов, кречетов, *но не орлов* (курсив наш – Г.С., А.Х.); всех сих пушают за зайцами, журавлями и другими птицами; но оленей, коз и других крупных зверей преследуют на лошадях и убивают из луков, либо из ружей; вообще дичина из горных мест весьма похваляется» [Зуев Василий, 1790, с.33].

И, действительно, нам не удалось встретить ни одного упоминания о том, что на Кавказе существовала охота с ловчими орлами, которая была столь ярко представлена у казахов, киргизов и туркмен в Средней Азии и Казахстане (кроме того, в Батуми на празднике сокольников мы не видели ни одного местного охотника ни с орлом, ни с

соколом. С соколами выступали лишь гости из России и Средней Азии). Это, на наш взгляд, представляется весьма загадочным для такой высокогорной страны, какой является Кавказ, где в небесах можно часто видеть, как парит эта сильная и гордая птица, которая по праву носит титул «царя птиц». Тем более это кажется непонятным в связи с тем, что следы древнего культа орла, о которых речь пойдет ниже, сохранились в верованиях и обычаях народов Кавказа и в их фольклоре. Заметим при этом, что далеко не у всех народов Земли, где существовал культ хищных птиц и орла, в частности, со временем возникла охота с ловчими птицами. Ярким примером этого является сибирский регион, где культ орла и других хищных птиц был чрезвычайно развит и существует в пережиточных формах и в наши дни. Возможно, что в Сибири этот культ не породил охоты с ловчими птицами, в частности, по причине сурового климата или своеобразного пути формирования и развития культа хищных птиц.

Вопрос о путях развития охоты с ловчими птицами у народов Кавказа достаточно сложен и требует специального исследования, для которого в наши дни явно не хватает и материалов, и внимания исследователей. Поэтому не будем спешить с окончательными выводами и, оставив пока эту проблему в стороне, коснемся некоторых единичных сведений, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что культ орла в отдаленном прошлом существовал у народов Кавказа.

* * *

Так, среди гвелетцев, народа, по мнению автора сообщения, относящегося к «чеченскому племени», проживающего в ауле Гвелет, попавшего туда в свою очередь из Гвелетско-

го ущелья, существовал культ горы Бешлам-Корт (гора в районе Казбека), которая охраняется злым духом по имени Мягкинен. Пребывание людей на этой горе было невозможным, так как это было чревато смертью от горных лавин, камнепадов, падения с круч и т.п. Кроме того, этому духу приносились регулярно жертвы, чтобы он не сбрасывал снег и лед в долины, где живут люди. Злого духа никогда никто не видел, но многие слышали его петушиный крик, им он пугал людей, приблизившихся к очерченному вокруг горы запретному кругу, за который переступать простым людям под страхом смерти было не дозволено [Висковатов В., 1865, с.414–415]. Кроме того, автором сообщения о гвелетцах говорится следующее: «Бешлам-Корт, как видно по всему, есть средоточье туземной мифологии. Не мало можно услышать о нем чудесных рассказов. Невдалеке от Бешлама есть таинственная пещера, в которой лежит юноша, прикованный к скале за какое-то преступление. Он стонет от боли, потому что хищная птица клюет ему сердце» [там же, с.414].

В этой легенде прежде всего обращает на себя внимание то, что она чрезвычайно схожа по фабуле с известной античной легендой о Прометее. Однако в деталях она отличается от последней прежде всего тем, что нет объяснений, за какие грехи юноша прикован в пещере, и какая именно хищная птица причиняет ему страдания. Кроме того, в античной версии птица клевала Прометею не сердце, а печень.

Таким образом, эта легенда в свое время могла быть перенесена на Кавказ из Древней Греции и в процессе бытования в местной среде могла видоизмениться в соответствии с воззрениями местных народов. Не исключено, тем не менее, что она могла возникнуть на Кавказе и самостоятельно, так как культ орла и других хищных птиц, как уже говорилось выше, явление глобальное.

Таким образом, хищной птицей в рассматриваемой легенде скорее всего был орел или некая мифическая хищная птица, прабразом которой могла быть она. Это предположение представится более правдоподобным, если вспомнить, что орел был хозяином огня, и что культ его был тесно связан с культом солнца, как это отчетливо просматривается в древнегреческом мифе. В этой связи обращает на себя внимание и то, что киргизы и казахи приписывают ловчим птицам и, прежде всего, орлу, способность обижаться на человека и даже мстить за нанесенные обиды. Это нашло свое отражение и в охотничьих рассказах, а также в различных легендах этих двух народов о мести, осуществляемой по отношению к своему хозяину ловчим беркутом, которая иногда заканчивалась даже гибелью охотника от когтей этой ловчей птицы.

Другой факт имеет прямое отношение к религиозным воззрениям грузин, имеющих отношение к орлу: «Если разбить яйцо, снесенное петухом, то в нем окажется или орел, или змея, или ягненок; первый и второй случаи предвещают хозяину несчастье, а последний – благоденствие» [Семенов И., 1894, с.100]. В этом поверье обращает на себя внимание то, что мы снова (как и в случае с ястребом-перепелятником) имеем дело с яйцом, но не обыкновенным куриным, с тем, которое снес петух, т.е. небывалым. Этот факт, как нам представляется, есть далекий отзвук культа плодородия и плодovitости, связанного с яйцом птиц и хищных птиц, в частности. Однако, как и в случае с рассмотренной выше легендой, орел в этом поверье выступает в своей неблагоприятной ипостаси: его появление из петушиного яйца является предвестием несчастья, беды.

Негативное отношение к орлу просматривается и в таком бытовом факте из дореволюционной жизни абхазов: «Во время охоты на куниц и диких коз рекомендуется всег-

да брать неустрашимых пастухов, от меткой пули которых не может спастись ни один зверь, ни одна птица. Недавно одним из этих пастухов был убит орел с сажеными крыльями» [Мачавариани К.Д., 1900, с.100]. Этот факт из жизни абхазских пастухов обратил на себя наше внимание в той связи, что подобное не могло ни в коем случае иметь место в Средней Азии и Казахстане. Орел-беркут и любая другая ловчая птица, по воззрениям среднеазиатских охотников с ловчими птицами, равна человеку, являясь одновременно его предком, другом и помощником. Убить ее – большой грех, это все равно, что убить человека. Ловчие птицы – существа благодатные в религиозном и практическом смысле. Существовали, правда, случаи ритуального убийства ловчих птиц (чаще всего орлов), однако традиционно они осуществлялись путем удушения ловчей птицы ременной петлей. Отмеченный у абхазов факт, таким образом, можно, по-видимому, трактовать как негативное отношение к орлу и в религиозно-магическом смысле, или как отсутствие у абхазов культа орла, или как то, что этот культ к XIX веку был уже утрачен.

Однако у кавказских народов существовали некоторые иррациональные представления, в которых орел выступал как сила благодатная, способная помочь человеку в борьбе со злом и даже отметить счастливым знаком его самого и его жизненный путь. Так: «Зейтунские армяне покрывали позолотой когти орла и привешивали его к голове ребенка, чтобы предохранить его от влияния дурного глаза» [Чурсин Г.Ф., 1929, с.41]. Такой же обычай повсеместно бытовал и в Средней Азии, где с той же целью подвешивали когти беркута или другой хищной птицы на колыбель маленького ребенка над его головой. В приведенном факте обращает на себя внимание деталь, которую мы встречаем впервые – когти орла при этом армяне покрывали позолотой, что на наш

взгляд, может быть отражением идеи о том, что орел представлялся некогда верховным божеством, царем птиц (такие титулы, как хан, падишах, мурза, султан из всех хищных птиц часто даются ловчим соколам, ястребам и, в особенности, беркутам в Средней Азии и на мусульманском Востоке в целом). Кроме того, в этом факте можно при желании видеть и отражение социальных моментов, а именно того, что на определенном этапе своего исторического развития охота с ловчими птицами являлась исключительной привилегией верховного правителя и его ближайшего окружения и, более того – одним из символов самой верховной власти.

В этой связи обращает на себя внимание свидетельство Марко Поло, в котором, в частности, сообщается: «В Грузии царь всегда называется Даву-Мелик, что по-французски значит царь Давид; подчинен он татарам. Все здешние цари рождаются со знаком орла на правом плече» [Поло Марко, 1902, с.29]. Здесь мы имеем основание говорить об отзвуках древней идеи, распространенной также среди народов Сибири и Средней Азии, согласно которой от орла родился первый шаман. Далее с развитием сословного общества от хищной птицы стал рождаться верховный правитель, позже этого удостоивался любой человек, занимавший высокое социальное положение, и к XIX веку от хищной птицы могли родиться люди с выдающимися способностями в какой-либо сфере человеческой деятельности. Таким образом, в данном примере орел есть родитель царя, он же осеняет его царское достоинство правом на власть и наделяет его качествами, присущими самому орлу – силой, ловкостью, смелостью, стремительностью, грозным характером и т.п., которыми должен был обладать верховный правитель и первый воин в государстве.

Таковы факты и наше их толкование, относящиеся к культу орла у некоторых народов Кавказа.

* * *

Теперь перейдем к материалам, проливающим некоторый свет на охоту с ловчим соколом и на специфические черты культа этого вида хищных птиц.

О том, что на Кавказе была развита охота с соколами и что она носила, прежде всего, элитарный, аристократический характер, в отличие от охоты ястребиной, которую, на основании вышеизложенных данных, мы склонны считать демократической (существование этих двух видов охот было распространено у многих народов Европы и Азии), свидетельствуют некоторые факты исторического, этнографического и фольклорного характера.

В первую очередь, приведем материалы, найденные нами в журнале «Этнографическое обозрение», автор которых А.С. Хаханов, ссылаясь на историка Вахушти, так описывает празднование Нового года у грузин в эпоху средневековья: «Празднование Нового года, по словам Вахушти, начиналось задолго до восхода утренней зари. После того, как трижды пропели петухи, весь высший и гражданский синклит являлся во дворец к царю в строгом иерархическом порядке с поздравлениями и приличными царскому званию подарками. Амилахор, т.е. коннетабль, обязан был привести из своего табуна лучшего по красоте коня с золотой сбруей; Базиерт-Ухуцесс, старший распорядитель царской охоты, подносил позолоченную голову дикого кабана, приводил в клетке быстролетного сокола; за ним подходили штаб-офицеры и, поклонившись до земли своему повелителю, по требованию восточного этикета, в глубоком молчании отступали назад. Последними подносили поздравления эриставы, т.е. начальники областей, поднося царю натянутые стрелы, имеющие символическое значение. «Пусть эта стрела, – заканчивал каждый эристав свое приветствие, – пронзит бесплодное

сердце твоего изменника, всемогущий царь» [Хаханов А.С., 1889, с.29].

В связи с соколиной охотой, изложенный отрывок можно истолковать так: прежде всего, набор подарков, подносимый царю, как нам представляется, является царским не только по причине их большой ценности (материальной и практической), но также и по своему символическому, религиозно-магическому содержанию. Такой смысл дарения царю стрел достаточно ясно объяснен в отрывке. Об остальных дарах можно предположить, что они символизировали собой характерные атрибуты царской светской и военной власти: это лучший конь с золотой сбруей и позолоченная голова кабана. Охота загонная и облавная повсеместно являлась в средние века привилегией верховного правителя. Кроме того, она, наряду с соколиной, представляла собой одну из форм военной подготовки отдельных воинов и всего войска, выполняла роль своеобразных военных маневров. Масштабы этих охот свидетельствовали о военной и государственной мощи того или иного правителя, т.е. выполняли еще и пропагандистскую роль, устрашая внутренних и внешних врагов.

Дарение царю соколов в эпоху средневековья также представляет собой типичную черту быта правителей как на Западе, так и на Востоке. В основе этого обычая, по нашему мнению, лежала древняя идея, широко представленная в культе хищных птиц у народов мира. Согласно этой идее, сокол, и, в первую очередь, сокол с белым оперением, являлся двойником души хозяина, а после смерти последнего – материальным воплощением его души. С развитием сословного общества эта идея стала связываться, прежде всего, с аристократической и военной его верхушкой и, в первую очередь, с персоной верховного правителя. Дарение сокола означало также и то, что дарящий как бы вверял

свою душу суверену, что, в свою очередь, означало полную ему преданность, покорность и готовность беспрекословно подчиняться. По нашему убеждению, именно это древнее религиозно-магическое представление, наряду со значимостью соколиной охоты как военных маневров, азартного спорта и любимейшего в средневековье развлечения, сделало столь популярной и устойчивой традицию включать в число подарков верховному правителю ловчих птиц и, прежде всего, соколов со светлым или белым оперением [Г.Н. Симаков, 1998, Глава II].

В связи с княжеской (не царской) соколиной охотой в той же Грузии остановимся на сванской легенде, героем которой в действительности является ловчий сокол: «На каждом шагу со скал сбегает вниз водопады. Про одну из скал рассказали следующую легенду. На большой высоте в скале торчит длинная палка. Когда-то старый Отар Дадишкелиани отдыхал здесь со своими верными нукерами и увидел на скале сокола. Ему захотелось непременно поймать птицу; и вот один из его смелых горцев полез, с опасностью для жизни, по отвесной скале, хватаясь за небольшие уступы. Сокола поймал, но назад уже не смог спуститься. Тогда он воткнул в скалу свою палку, уцепился за нее и слетел вниз. А палка (посох) осталась торчать в скале» [Стоянов А.И., 1876, с.453].

В этой легенде, прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что дикого сокола в реальной жизни руками, да еще человеку, взбирающемуся по отвесному склону с опасностью для жизни, чьи руки и внимание заняты тяжелой работой, поймать никоим образом невозможно. Объяснение лежит в ирреальной чудодейственной сфере, в основе которой могло лежать такое обстоятельство: дикий сокол свыше был предназначен князю, как его прародитель, как двойник его души и как символ княжеского до-

стоинства Отара Дадишкелиани. Кроме того, остается непонятным с точки зрения здравого смысла, каким образом отважный нукер слетел с высокой скалы, не разбившись. Объяснение этому чудесному факту мы также склонны искать в благодатных, чудодейственных качествах сокола, двойника души князя, не без сверхъестественной помощи которого джигит благополучно с соколом в руках спустился на землю.

* * *

Продолжая тему охоты с соколом, коснемся вопроса женской охоты с ловчими птицами на Кавказе.

Какие данные имеются в этой связи в нашем распоряжении? Как и по остальным аспектам охоты с ловчими птицами – весьма скудные. Вот что, в частности, пишет об этом европейский путешественник по Кавказу в XIII веке: «...их женщины (адыгов – Г.С., А.Х.) были такими же хорошими всадниками, как и они; подобно им, женщины ходили на охоту и не менее ловко стреляли из лука, что татарки были не в состоянии делать.

Этот рассказ, казалось мне, достаточно подтверждал истинную или ложную историю амазонок, которых некоторые писатели помещали в этой стране; действительно, я в дальнейшем видел множество всадниц с колчанами за плечами и с луком в руке или с хищными птицами на руке, которые мчались галопом, сидя верхом, как мужчины» [Адыги, балкарцы, ... 1974, с.136].

А вот суждение по этому же поводу, относящееся к концу XIX – началу XX века: «В недалеком прошлом мимино (ястреба-перепелятника – Г.С., А.Х.) промышляли не только мужчины, но и женщины, девушки, даже дети» [Орлов В., 1992, с.16].

Заметим, что охота с ловчими птицами в Средней Азии и в других регионах Запада и Востока традиционно считалась мужским занятием. Однако повсюду мы сталкиваемся с сравнительно редкими свидетельствами и о том, что охотой с ястребами и соколами занимались женщины, при этом, как мы видим из последней цитаты, не только самой охотой (напусками), но и отловом и, по-видимому, воспитанием ловчих птиц. Заметим, что подобные сведения касаются как демократической народной, так и элитарной, аристократической охот с ловчими птицами, свидетельством чему, например, является древняя грузинская легенда, главной героиней которой является царица Тамара.

Вот текст этой легенды: «Давно, давно это было, еще во времена прекрасной и мудрой царицы Тамары... долина, на которой стоит город Гори, была покрыта водою, и река Кура протекала по северной окраине. Царица Тамара жила в то время в замке Гориджвари. Она сильно любила соколиную охоту. Вот однажды, выйдя на охоту, она пустила своего любимого сокола за добычей, но он полетел совсем в противоположную сторону и сел на куст на острове, на том самом месте, где теперь стоит Горийская крепость. Как ни старались достать этого сокола, не могли. Много людей утонуло в озере. Наконец, Тамара созвала всех своих царедворцев и сказала им: «Отыщется ли из вас такой удалец, который достанет сокола?» Долго все молчали; но вот вышел один дьячок и сказал: «Я достану сокола, только с условием»... «С каким условием?» – спросила Тамара. «Дать мне, что попрошу», – отвечал дьячок. Тамара согласилась на это. Вот дьячок поплыл за соколом, поймал его, несет к замку, а царица Тамара стоит у замка, смотрит на него и думает: «А если он попросит у меня моей руки... Нет, Господи, – воззвала она к Богу, – если он имеет в сердце это, то лучше умертви его!» Как только она произнесла эти слова, дьячок

тот час же утонул, а сокол прилетел и сел на руку Тамары. Тамара была мудрая правительница, она придумала, как осушить долину. Увидев это место, лежащее около горы, на котором стоит Гориджвари, ниже того места, где протекает река Кура, она приказала прорыть канал из реки Куры до теперешнего русла ее и очистить это русло – тогда вся вода из реки Куры и Горийской долины устремилась в настоящее русло Куры. Осушив таким образом долину, Тамара развела на этом самом месте громадный виноградник. Для защиты от врагов на том самом месте, где пойман был сокол, она построила крепость, где и был похоронен дьячок. С тех пор здесь возник город Гори» [Грузинские предания..., 1890, Т.Х., с.45–46].

Попробуем вычленить некоторые древние религиозно-магические идеи, которые, по нашему мнению, могли лежать в основе этого внешне вполне светского повествования.

Выше говорилось о том, что ловчий сокол, и, прежде всего, любимый сокол, лучший по своим качествам и самый красивый (часто белой окраски), является двойником души верховного правителя, материальным воплощением его души после смерти и символом его царской власти.

Кроме того, на Востоке широко распространено поверье, согласно которому, царя на царствование выбирает хищная ловчая птица (иногда у нее есть признаки орла, иногда дикого сокола, иногда же – это явно ловчий сокол). Происходит примерно так. Эта птица на сборище народа, где присутствуют и все претенденты на царский престол, согласно поверью, садится на голову того, кто волею всевышних сил должен стать царем. У тюркских народов такая птица называется «Девлет Куши», «Довлат Гуши», что лучше перевести, как «Державная Птица». Такое поверье широко бытует у ираноязычных народов. В подавляющем большинстве случаев правителем выбирается ею мужчина. Однако кавказские ма-

териалы (фольклор азербайджанцев) дают пример того, как Довлят-Гуши выбирает на царствование девушку.

Приведем в этой связи отрывок из азербайджанской сказки «Джейрана», героиней которой является девушка с именем, обозначенным в названии этой сказки: «В городе на городской площади она увидела великое множество народу; оказалось, что царь этого города умер, и народ выбирает себе другого государя; избрание царя, по обычаю того времени, предоставлялось птице Довлят-Гуши, которая непременно опускалась на голову достойнейшего человека.

Джейрану все приняли за мужчину (она переоделась в мужскую одежду – Г.С., А.Х.), и потому она без боязни вмешалась в толпу и стала смотреть, на кого из горожан падет выбор в цари. Между тем пустили Довлят-Гуши, и она опустилась на голову Джейраны. Но народ не согласился принять царем избранного, ибо то был иноземец и посадил Джейрану в темницу. Потом пустили Довлят-Гуши в другой раз: она взвилась к небу, полетела к темнице и опустилась на крышу, как раз над той комнатой, в которой сидела Джейрана. Народ еще сильнее озлился на бедную Джейрану и выгнал ее из города. Довлят-Гуши, выпущенная в третий раз, полетела за город и нашла Джейрану. Тут один из справедливейших горожан сказал народу: «Горожане, если вы любите свой обычай и хотите поступить так же, как ваши деды и прадеды, то я считаю несправедливым ваш поступок относительно иноземца, избранного самой Довлят-Гуши! Если же вы не придаете никакого значения умнейшей в мире птице, то не лучше ли оставить ее в покое и избрать из нашей среды того, кого мы считаем лучшим!» Народ, признав справедливость этих слов и не желая изменять старинного обычая, избрал на престол Джейрану. Мудро и счастливо управляла царством Джейрана» [Казбек Н., 1890, т.6, с.93].

Сам этот эпизод, его перипетии требуют отдельного специального рассмотрения, которое мы надеемся сделать в другое время и в другом месте. Ибо этот эпизод из сказки приведен нами в связи с легендой о царице Тамаре, и он поможет нам высказать предположение, что идея о сакральной связи ловчего сокола с душой верховного правителя справедлива не только по отношению к правителям мужчинам, но и женщинам, что позволяет нам более уверенно продолжить комментарий контекста легенды о царице Тамаре.

Итак, сокол – двойник души царицы Тамары, будущее воплощение ее души после смерти.

Сюжет отлета сокола от хозяина и порой длительный поиск отбывшей птицы, во время которого сокольник страдает и мучается в связи с утратой любимой ловчей птицы, традиционен для фольклора народов Востока и, в частности, представлен во многих тюркоязычных эпосах. Мы склонны видеть в этом весьма жизненном сюжете (ловчие птицы часто отбывают во время охоты) по причине его традиционности и религиозно-магический подтекст: отбывшая птица, олицетворение души героя, символизирует утрату на время души сокольника-героя того или иного повествования. Именно этим объясняются его не вполне адекватные страдания при утрате ловчей птицы и те не вполне оправданные материальной стоимостью птицы усилия в ее поиске. Нахождение же сокола, возвращение его к хозяину вызывает соответственно небывалую радость, счастье, также не вполне равные практической ценности птицы.

Что-то подобное мы видим в легенде о царице Тамаре: тревога царицы; тщетные попытки добровольцев вернуть сокола, кончавшиеся их гибелью; государственный совет, созванный царицей; обсуждение на нем, как вернуть сокола; наконец, доброволец-дьячок (сменивший по нашему пред-

положению в легенде бывшего некогда на его месте лица, связанного с культом хищных птиц), которому ценой своей жизни удастся вернуть сокола Тамаре.

Есть некоторые основания полагать, что отлет сокола-души связан с его временным пребыванием в потустороннем мире, в мире мертвых, куда простым смертным вход запрещен, проникновение туда чревато смертью. Не поэтому ли все попытки волонтеров вернуть сокола кончались смертью? Заметим, что этот потусторонний мир, мир мертвых, ассоциировался у многих народов с водой, с водным пространством, что отчетливо, по нашему мнению, просматривается в легенде о царице Тамаре. В этой связи приведем устное сообщение ныне покойного известного фольклориста, доктора исторических наук Б.Н. Путилова, который в сербском фольклоре встречал такой эпизод: герой, у которого отбыл ловчий сокол, долго и мучительно искал его, и когда приобрел ловчую птицу, то увидел, что сокол вернулся к нему с поседевшей головой. Таким образом, и для сокола-души пребывание в потустороннем мире мертвых связано с тяжелыми переживаниями и потерями.

Присутствует в легенде и эпизод, связанный с женитьбой. В Средней Азии и Казахстане соколы, беркуты, ястребы часто фигурируют в свадебной обрядности. Некогда считалось обязательным включать их в состав калыма, так как они способствуют всяческому плодородию и плодовитости, будь то сам сокольник и его семья или домашний скот, пастбища, сельскохозяйственные культуры и т.п. Однако в легенде о Тамаре этот сюжет обрывается гибелью претендента на ее руку и сердце по просьбе самой Тамары и по воле Бога, что нам кажется более поздней коррективной реальей легенды. Кроме того, гибель дьячка связана, прежде всего, с только что рассмотренными выше идеями о ловчих птицах в связи с загробным миром.

Важным нам представляется и то, что гибель множества людей оправдывается созидательной деятельностью царицы Тамары: упорядочение водной стихии реки Куры, создание плодоносных виноградников, возведение крепости, основание города. Важно подчеркнуть, что крепость была возведена на том самом месте, где сидел сокол, и был затем похоронен дьячок, вернувший царице любимца.

В этих идеях мы склонны также видеть ту же древнюю идею плодородия, которая с течением времени перешла в идею благоденствия, материального благополучия человека, которые сверхъестественным путем могли дарить ему ловчие хищные птицы.

В целом легенда свидетельствует о том, что хищные птицы – существа двойственные, способные приносить человеку как благо, так и несчастье.

Таковыми нам видятся толкования наиболее древних, давно забытых идей, которые легли в основу легенды о царице Тамаре и ее любимом соколе.

Факты же участия женщин в охоте с ловчими птицами, возможно, связаны с тем, что в древности культом хищных птиц «заведовали» священнослужители шаманского толка, среди которых, как и в позднем шаманстве, почти на равных, выступали как женщины, так и мужчины, чему свидетельством является множество фактов из шаманской практики многих народов. В более поздние времена пережитком этого момента и было участие женщин в аристократических соколиных охотах Европы и Азии. Постепенно охота с ловчими птицами стала сугубо мужским занятием.

И на Кавказе к концу XIX – началу XX века охота с ловчими птицами являлась промыслом, спортом, любимейшим средством развлечения как знатных и богатых людей, так и простолюдинов мужского пола. Древние же идеи, определявшие некогда обращение с ловчими птицами и относив-

шиеся к некогда развитому древнему культу хищных птиц, в основном, были забыты, за исключением некоторых из них, которые с рациональной точки зрения оказались практичными и из обрядовой сферы перешли в технические приемы работы с пернатыми охотниками. Именно таким приемам мы и уделим ниже некоторое внимание.

* * *

Работа с ловчими птицами у разных народов в классическом варианте состоит из следующих этапов, грань между которыми весьма относительна: а) добыча хищных птиц с целями обучения их охоте с человеком; б) держание – первоначальный этап приручения хищной птицы, имеющий целью сломить ее сопротивление; в) вынашивание – следующий после держания этап приручения ловчей птицы, в процессе которого она, привыкнув к хозяину, постепенно привыкает к окружающей обстановке (к другим людям, к жизни в селении, к шуму, к домашним животным и т.п.); г) хождение на руку – упражнение, во время которого птица приучается по зову охотника прилететь к нему на руку, в которой зажат кусочек мяса в любых обстоятельствах и с больших расстояний, так как птица на охоте может улететь в сторону, не взяв добычи, хождение на руку необходимо, чтобы птицу в таких случаях вернуть обратно; д) притравливание – напуск обучаемой ловчей птицы на чучело промысловых животных, а затем, на ограниченных в действиях животных, чтобы убедиться, что ловчая птица уверенно берет добычу и не хочет улететь прочь (отбыть). Притравливание обычно осуществляется на длинном шнуре, привязанном к путикам ловчей птицы; е) напуск ловчей птицы на добычу без шнура во время настоящей охоты.

Некоторые из указанных этапов работы с ловчей птицей, в зависимости от наличия и полноты материалов, попытаемся рассмотреть ниже.

О добыче хищных птиц у грузин в нашем распоряжении имеется всего несколько строк: «Ловят их сетью на небольшого сорокопута. Затаившись в кустарнике, охотник держит сорокопута на шесте. Увидев в небе силуэт ястреба, сорокопут приходит в волнение, помогая охотнику приготовиться. Когда крылатый хищник стрелой падает с неба, ему выбрасывают навстречу сеть, и сокол сам становится желанной добычей» [Орлов В., 1992, с.16]. Описание крайне лаконичное и, по-видимому, не очень точное. Однако есть некоторые основания полагать, что этот способ добычи хищных птиц (неясно, ястребов или соколов) по некоторым деталям (использование сорокопута в качестве манной птицы, выбрасывание сети навстречу атакующей хищной птице) близок к тому, как ловили ястребом абхазы и аджарцы, о чем подробнее речь пойдет в разделе, посвященном охоте с ястребами у абхазов. Здесь же отметим, что в Аджарии, это нам сообщило несколько информантов-аджарцев разных возрастов, при поимке ястребов-перепелятников оставляют у себя только самых крупных и сильных, остальных же (за день можно поймать до 10-15 ястребов) убивают на месте, чтобы будущие их поколения рождались сильными и большими. От слабых и небольших ястребов этого, по мнению ловцов, произойти не может [Г.Н. Симаков. Полевые материалы, 1985, с.3].

А теперь несколько слов о добыче ястребов в Закавказье, точнее в Азербайджане: «В Закавказье ловят ястребов сетью осенью и весной, когда те следуют за перелетными птицами. Возле закидной сети привязывают на веревочку перепелку, турача или какую-либо птицу, на которую ястребы вообще охотно кидаются. Когда ястреб бросается на добычу, то сеть

затягивается посредством шнура охотником, сидящим поблизости в яме. Во-первых, смотрят глаза ястреба, черные ли они или желтые, потому что полагают, будто кара-гезляр, т.е. черноокий, не так остро видит. Лучшие породы ястребов по-татарски называются кизил гуш,... кегар,... тор бала,... и база» [Ястребиная охота..., 1846, с.3].

Последнее сообщение также слишком общо, чтобы можно было составить себе ясное представление об этом способе добычи ястребов.

Таковы обнаруженные нами в литературе и собранные в поле сведения по добыче хищных птиц у грузин-аджарцев и азербайджанцев.

О способах держания ловчих птиц у грузин нам известно несколько больше, чем о технике их добычи. Так, в Кахетии: «Охотник, поймав ястреба, тотчас завязывает (зашивает – Г.С., А.Х.) ему глаза бумажной ниткой (шелковая портит глаза), продев ее (с помощью швейной иглы – Г.С., А.Х.) через нежные веки и концы, связав позади головы; на ноги надевает бубенчики, нашитые на кожаные ноговицы, и привязав также шнуры к ногам, сажает птицу на руку. Ловчий целую ночь просиживает с ястребом, насвистывая над его головой и глядя его рукой, чтобы он привык к звону бубенчиков и голосу человека. В корм ястребу дают сырое мясо, моченое, несоленое, и при этом умеренно, и если ловчий, пощупав желудок, заметит, что ястреб поел много, то тотчас заставляет его проглотить кусок холста, что, как полагают, способствует скорейшему пищеварению (точнее отрыванию съеденного, что очищает желудок и способствует скорому обретению ястребом охотничьей формы – Г.С., А.Х.). Пока у ястреба глаза закрыты, мясо подносится к его ногам, и он, почуяв запах его, начинает клевать. На третий день, ночью, нитку снимают, и ястреб медленно открывает глаза, поднимает крылья и боязливо осматривается: то, слетев

с руки, повиснет на шнурке, привязанном к его ногам, то, уставши, сядет опять на руку, и это продолжается целую ночь – ловчий не спит и ястребу не дает спать, пока не перестанет дичиться, пугаться и не будет сидеть на руке спокойно» [Охота за фазанами..., 1992, с.30].

И, наконец, азербайджанский вариант держания: «Пойманному ястребу заклеивают глаза каким-то пластырем и в таком положении оставляют его три дня. Татары из опыта утверждают, что ястреб от этого делается домашним или, как они выражаются, забывает, что был диким. В это время обмывают его отваром растения, называемого по-татарски хумусур,... для уничтожения вшей, водящихся у диких ястребов. Скучный корм – первое средство к обучению подобного рода ловца. Потом на его ноги надевают железные кольца, от которых идет ремень, прикрепленный к бубенчику, и, наконец, открывают ему глаза» [Ястребиная охота..., 1846, с.3].

О вынашивании ловчих птиц для охоты у грузин-аджарцев, армян и азербайджанцев никаких сведений нам обнаружить не удалось, поэтому мы переходим сразу к этапу хождения на руку у грузин. В Кахетии это выглядело так: «После такой выдержки (держания – Г.С., А.Х.) на другой день вовсе не дают есть ястребу, чтобы он проголодался, а на третий сажают его на расстоянии 2-х аршин и манят мясом, насвистывая и прицокивая, пока он не прилетит на руку. Таким образом, ловчий продолжает обучение ястреба и через неделю делает его ручным до такой степени, что если пустить его на расстояние полверсты, то лишь свистнешь, и ястреб летит и садится на руку» [Охота за фазанами..., 1992, с.30].

У азербайджанцев хождение ловчих птиц на руку осуществлялось следующим образом: «Для обучения ястреба пускают его на длинном шнурке, позволяют сесть на дерево

и при криках «гу-гу!» приманивают сперва на курицу, потом на кусочек сырого мяса, который держат в руке, и как скоро он приучится, садится на руку, то повторяют это уже без мяса» [Ястребиная охота..., 1846, № 40, с.3].

Каким образом в Грузии кахетинские охотники осуществляют напуск ястреба на добычу (иначе говоря, охоту с ним) можно получить некоторое представление из нижеследующего описания охоты с ястребом-тетеревятником на фазанов: «С таким ястребом (научившимся ходить на руку – Г.С., А.Х.) отправляются на охоту в заросли колючек, где обыкновенно водятся фазаны, пускают собак, и они, всполохнув дичь, начинают лаять и визжать. Тогда охотник пускает с руки ястреба, и первая жертва принадлежит пернатому ловчему для его приманки к дичи; накормив ястреба пойманным фазаном, охотник идет домой и в этот день больше уже не охотится; зато на следующий день – не щадит ястреба, пока тот не измучится ловом донельзя. Соседние джаробелоканские лезгины, тоже большие охотники, когда кончают охоту, то пускают ястреба на дерево и привязывают его к суку на всю ночь до следующей охоты. Но обратимся к нашим кахетинским. Следующий день после первой пробы бывает радостным для охотника. Он отправляется на обычное место с несколькими людьми; ястреба пускают на высокое дерево, откуда он и наблюдает за собаками, ищущими фазана. Несколько человек входят в рощу и криками, и беспрерывными «апа, па, па! Ата, та, та!», «Адчь! Адчь!» понукают собак искать дичь. Вот и всполохнули фазана, и ястреб летит на него стрелой, еще один полет и фазан будет в его когтях, но фазан, испугавшись, садится на ближнее дерево, и ястреб тоже. Думаете, что в таком случае ястреб тронет свою жертву? Нет, никогда. Они сидят на расстоянии двух аршин друг от друга, но ястреб настолько горд, что лежащего не бьет, пожирает жертву глазами и ждет, когда он слетит,

но фазан не трогается, едва переводит дух. Между тем собаки прибежали на звук бубенчиков и, подняв кверху морды, визжат и лают. За ними следуют люди, пугают фазана, и лишь тот тронулся с места, ястреб в то же мгновение быстро слетает ему, как снег на голову, и повергает его на землю. Так, или почти так, продолжается охота далее.

Вы спросите, почему бы не подстрелить фазана, когда он сидит на дереве? – Охотник никогда на это не согласится, будучи уверен, что ястреб от того испортится и после того уже не тронет ни одной птицы» [Охота за фазанами..., 1992, с.30].

В Азербайджане в напуске ловчего ястреба-тетеревятника отмечаются такие характерные детали: «Собаки, поднимающие из зарослей фазанов и перепелов, одеты в войлочные рубашки, чтобы не пораниться о колючки кустарника. Отбившего (улетевшего после неудачного напуска ястреба) подзывают на рукавицу кусочком мяса, посредством междометия «гу-гу!», – хороший ястреб летит на зов хозяина с расстояния версты и более; в награду ястребу за пойманную добычу дают тут же поклевать мозг жертвы или ее глаза; отбившего совсем ястреба ищут иногда по несколько дней, ибо хорошо обученный ястреб-тетеревятник стоит от 25 до 50 рублей серебром (середина XIX века – Г.С., А.Х.); между ястребами и собаками иногда возникает «драка» за обладание добычей; в охоте также, как и повсюду, используются бубенцы, чтобы легче было найти в зарослях ловчую птицу» [Ястребиная охота..., 1846, № 40, с.3].

Таковы материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, которые дают некоторое представление о различных этапах работы с ловчими ястребами (перепелятником и тетеревятником) у разных народов Кавказа.

Попробуем прокомментировать эти материалы с точки зрения их происхождения, уходящего корнями в древний

культ хищных птиц. Эти комментарии, как и другие подобные, имеющие место в этой работе, носят гипотетический характер и представляют собой попытку реконструкции как самого культа хищных птиц, так и возникшей в его контексте соколиной охоты.

При этом мы уделим внимание как общим (универсальным) чертам техники работы с ловчими птицами, так и отметим особенности, характерные, на наш взгляд, только для кавказского региона.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных фактов, следует сказать о том, что, по-видимому, отдельные операции по поимке и обучению ловчих птиц и сама охота с ними, с религиозно-магической точки зрения, имели первоначально своей задачей силовыми методами «перевести» дикую хищную птицу из небесного мира, из мира божеств (где она выступала в двойственной роли благодетеля человека равно, как и вредоносной по отношению к человеку силы) в мир земной, где посредством часто крутых мер максимально лишить ее вредоносных качеств, оставив за ней лишь благодатные свойства, которые бы помогли человеку в его трудной земной жизни.

Приемы работы с ловчими птицами в древности имели и другие ритуально-магические причины, о которых речь еще пойдет ниже в связи с комментарием тех или иных моментов работы с ловчими птицами у абхазов и некоторых других народов Кавказа.

Начнем с добычи (отлова) хищных птиц. В этой связи несколько слов о сорокопуде, используемой грузинами и другими народами в качестве манной птицы.

В Средней Азии и Казахстане, насколько нам известно, сорокопут в этом качестве не использовался. В европейской и русской соколиной охоте его иногда использовали в этой роли. В кавказских материалах обращает на себя внимание

одно обстоятельство, а именно то, что в одном случае (абхазы и грузины-аджарцы) над глазами сорокопута наклеивают кожаные шоры или прикрепляют специально маленький кожаный колпачок с целью прикрыть сверху глаза сорокопута, чтобы он не видел в небе ястреба и не притворялся мертвым; в другом случае (грузины-кахетинцы) сорокопута в качестве манной птицы успешно используют без каких бы то ни было шор. Это наводит на мысль, что наклеивание шор на глаза сорокопугу в Абхазии и Аджарии имело своей целью не столько рациональные (птица якобы не видит ястреба в небе и хорошо «играет» крыльями, привлекая внимание появившегося в небе хищника), сколько иррациональные причины, а именно, у многих народов мира при появлении в небе священной хищной птицы все живое на земле прекращает свое движение и обретает от страха неподвижность. Подобные представления, по-видимому, существовали и у тех народов Кавказа, которые приклеивали сорокопугу шоры, в то время, как кахетинцы ловили ястреба на сорокопуга без их использования.

Подобные представления в свое время широко бытовали в Киргизии и Казахстане.

При ловле хищных птиц требует своего истолкования и доживший до наших дней обычай аджарцев (и редко абхазов) убивать на месте ястребов-перепелятников, которые покажутся ловцу слабосильными и некрасивыми. Объяснение такого варварского поведения следует также искать в глубокой древности, в частности, в запрете на убийство тотемного животного, и в одновременно существовавшем праве на ритуальное лишение его жизни с ритуально-магическими целями. Оба обычая просуществовали в Средней Азии и Казахстане до первой трети XX века. В случае же с аджарцами мы сталкиваемся с рецидивом древних верований, представленных односторонне и в наши дни.

Просматриваются в таком поведении и более конкретные мотивы – магические акты, хотя и в несколько измененном виде (направленные на плодородие и плодовитость самих хищных птиц, переосмысленные позже в сторону не столько количественном, сколько качественном): пусть на следующий год будет больше красивых и сильных ястребов, которые могут родиться только от себе подобных. Факты такого поведения обнаружены нами и в Киргизии, хотя они сохранились только в рассказах о прежних временах (XVIII–XX вв.).

Держание на Кавказе, как и в Средней Азии и в Европе, также сопровождалось зашиванием на время ястребам век глаз (в Средней Азии – всем видам ястребов, иногда и беркуту). Изначально эти действия имели сугубо ритуальные, религиозно-магические цели: во-первых, заставить ловчую птицу забыть небесный мир и по открытии глаз увидеть мир земной иными глазами. Не случайно азербайджанцы, зашивая или заклеивая хищной птице века глаз, говорили, что это помогает птице скорее забыть, что она была дикая, помогает ей скорее стать ручной.

Кроме того, таким путем стремились обезопасить самого человека от опасного взгляда еще не прирученной, дикой хищной птицы, которая еще не перешла полностью в земной мир, сохраняя свои опасные, вредоносные качества, не проявляя в неволе благодатных.

Важно подчеркнуть, что птицу с зашитыми или заклеенными веками у разных народов или составляющих их этнических групп держали разное количество времени: от двух-трех до девяти и более дней (киргизы Ошской области). Наконец, азербайджанцы использовали наиболее древние методы лишения на время хищной птицы зрения: опаливали веки огнем, накладывали на веки глаз специальный пластырь. Однако эти сугубо ритуальные меры обнаружили

со временем и свою рациональную пользу – хищная птица, на время лишенная зрения, быстрее, прочнее привыкает к человеку. Поэтому опасное для ее здоровья опаливание век со временем было заменено использованием специального пластыря, затем их зашиванием с помощью иглы и нити, а затем был изобретен кожаный клобучок, который решал те же ритуальные и практические задачи, совсем не подвергая глаза ловчей птицы опасности.

Заметим (что важно для наших дальнейших рассуждений на эту тему), что в Абхазии и Аджарии ловчим ястребам при держании глаз не зашивали, иначе говоря, ритуальный смысл этого действия был утрачен, а практически был не замечен или проигнорирован, что не мешало успешной работе с ловчими птицами.

В связи с этим сюжетом следует вспомнить предрассудок, о котором уже говорилось выше, согласно которому, ловчая птица, якобы, боится человеческого взгляда (см. выше). Тут мы имеем дело с переосмыслением со временем воззрений, о которых идет речь в противоположном смысле, по мере обретения власти человека над хищной птицей: не человек боится взгляда ловчей птицы (как это считалось в древности), но ловчая птица боится взгляда человека [см. подробнее: Симаков Г.Н., 1998, Глава IV].

В цитированных отрывках ни слова не сказано о технике вынашивания ловчих птиц, что можно объяснить недостатком описаний (их чрезмерной краткостью) или тем, что этому этапу работы с ловчей птицей не уделялось серьезного внимания, или даже отсутствием его в технике азербайджанской и грузинской соколиной охоты, о ритуальных причинах которых речь также пойдет ниже.

В кавказских материалах, описывающих напуски ловчих птиц на добычу, мы попробуем прокомментировать лишь два момента.

Первый – из соколиной охоты кахетинцев, отмечающий то, что при выходе на охоту сразу же по завершении обучения ловчей птицы, первая пойманная ею добыча принадлежит ей целиком, после чего охотник обязан вернуться домой и больше в этот день не охотиться. Первая добыча оставляется в пользу ястреба, по убеждению охотников, чтобы он охотился в дальнейшем с азартом и рвением (как говорят киргизы, чтобы не обиделся на своего хозяина). Мотив такого поведения охотника, учитывающий законы рефлекторного поведения птицы, рационален. Однако, как показывают дальнейшие выходы на охоту, для поддержания охотничьего рефлекса ловчей птицы и в первый день было бы достаточным дать поклевать ястребу часть добычи (мозг, глаза или небольшую часть тушки). Кроме того, например, в некоторых районах Средней Азии, право ловчей птицы на первую добычу осуществляется от первого дня охоты до 9-10 последующих. И лишь после этого охотники пускают ловчую птицу на добычу, как говорится в кахетинских материалах, «до нельзя». Вывод: и этот обычай имеет не столько рациональную, сколько ритуальную подоснову. На эту мысль наталкивает и то обстоятельство, что у некоторых народов, например, у якутов, добыча, пойманная орлом, считалась неприкосновенной, священной и принадлежащей целиком орлу [Штернберг Л.Я., 1925, с.417–440]. Аналогичные суждения у сибирских народов можно найти и в связи с другими видами хищных птиц. Кроме того, эти факты можно при желании оценивать как то, что в древности первоначальные напуски хищных птиц на добычу не имели охотничьих, меркантильных задач, а делались исключительно с ритуально-магическими целями, и добыча тогда считалась священной и полностью принадлежащей орлу, соколу, ястребу и т.п. Таким образом, вновь мы наблюдаем то, что некогда магические действия со временем обнаружили свою рациональ-

ную основу, пережиток чего мы, в частности, наблюдаем и в обычае отдавать первую добычу полностью в распоряжение ловчей птицы.

И, наконец, в заключении этого раздела очерков остановимся еще на одном моменте кавказской охоты с ловчими птицами, который встретился нам впервые в этом регионе. Мы имеем в виду технический прием лезгин оставлять после охоты на привязи до следующего утра ловчего ястреба на дереве, а также обыкновение кахетинцев сажать ловчего ястреба также на дерево, откуда он сам слетает на фазанов, поднимаемых в воздух охотничьими собаками.

Исходя из рациональных мотивов, и то, и другое неудобно, и небезопасно для ловчей птицы. Неудобно, так как лишает самого охотника возможности каким бы то ни было образом положительно влиять на ход событий (ястреб взлетает на добычу самостоятельно). Небезопасен такой прием, так как ловчий ястреб легко может зацепиться путиками за ветки дерева и, в лучшем случае, упустить добычу, в худшем же – покалечиться и даже погибнуть. Кроме того, оставлять ловчего ястреба свободно сидящим на дереве, в случае долгого отсутствия в поле его зрения добычи, это значит рисковать, что голодная птица отбудет, сама улетит прочь. Использовать же дерево в качестве стула (присады) в ночное время также неудобно и по отмеченным выше причинам небезопасно для здоровья птицы.

Итак, мы снова имеем дело с архаической традицией, чьи корни уходят в глубокую древность, когда будущие ловчие птицы содержались человеком исключительно с ритуальными целями.

Дело в том, что современные насесты (присады) для ловчих птиц, возможно, обязаны своим происхождением так называемому шаманскому или мировому дереву, пережитком которого они, по нашему предположению, являются.

Это довольно отчетливо просматривается на материалах по шаманству народов Сибири, а также Средней Азии и Казахстана, в которых божественным существом, сидящим на вершине дерева, является орел, ястреб, сокол или другого вида хищная птица (в более раннее время это была живая птица, позже на вершину шаманского дерева помещали уже ее изображение). Мы здесь не будем останавливаться подробно на том, как исторически шаманское дерево постепенно превратилось в присаду для охотничьей птицы [см. Симаков Г.Н., 1998, Глава IV]. Подчеркнем лишь то, что описанные выше приемы кахетинских и лезгинских охотников с ловчими птицами, впервые, не в письменных свидетельствах о шаманском ритуале, но в самой практике соколиной охоты, подтверждают в очередной раз положение Л.Я. Штернберга о связи орла (или другого вида хищной птицы) с шаманским (мировым) деревом и частично нашу гипотезу о том, что современный насест (присада) для ловчих птиц восходит генетически к сакральному дереву, а также позволяет сделать еще одно предположение (на основе материалов по кахетинской соколиной охоте), что первоначально ритуальные напуски хищных птиц на добычу осуществлялись не с руки человека, а с шаманского дерева, на которое с этой целью она сажалась перед напуском. Сначала это делалось на длинном шнуре (что мы наблюдаем и в наши дни в абхазской и аджарской охотах с ловчими птицами), а затем и без него, сменив его на короткие путики и переместив окончательно птицу на руку человека.

В заключение вниманию читателя предлагается очерк ястребиной охоты у абхазов, который содержит в себе как новые сведения, так и сводку того, что было опубликовано на эту тему ранее.

ОХОТА С ЯСТРЕБОМ-ПЕРЕПЕЛЯТНИКОМ У АБХАЗОВ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Ястребиная охота – *хьшьла ашэарыцара* – один из традиционных видов охоты абхазов – еще в недалеком прошлом была распространена по всей Абхазии. Прирученным ястребом – *ахьшь бжьса* они охотились на перепела – *ача*, коростеля – *амцяхьа*, дрозда – *ардэына*, голубя – *ахэыхэ*, горлицу – *акэараса*, вальдшнепа – *ацаблыкь*, фазана – *абнакэты*, водоплавающую птицу и даже на зайца – *ажьса*. В наши дни этим видом охоты заняты, в основном, жители приморских сел и ограничиваются преимущественно охотой на перепела – *ача*. Прибрежная зона большей частью равнинная, и по ней проходят миграционные трассы многих перелетных видов пернатых, в том числе перепела. По всей Абхазии известны села с наиболее интенсивным перелетом ястребов – это *Цандрыцшь* (Цандрыпш), *Ҳаицсы* (Хашпсы), *Лзаа* (Лдзаа), *Бзыцта* (Бзыпта), *Мгэызырхэа* (Мгудзырхуа), *Ашыцра* (Ашыцра), *Ацшьдэаны* (Апшдваны), *Жэандэрыцшь* (Звандрыпш), *Бамбора* (Бамбора), *Лыхны* (Лыхны), *Кэланырхэа* (Куланырхуа), *Тасракэа* (Тасракуа), *Аацы* (Аацы), *Псырзха* (Псырдзха), *Ешыра* (Ешыра), *Аз-фыбжьа* (Адзюбжа), *Кындыз* (Кындыг), *Тамшь* (Тамш), *Баслахэ* (Баслаху) и др.

Кроме того, наши информанты утверждали, что этот вид охоты испокон веков был наиболее сильно развит в приморских долинных селах и городах к западу от г. Сухум вплоть до реки Псоу на российско-абхазской границе. Из городов, которые являются своеобразными центрами этой охоты, назывались, в первую очередь, Гудаута и Гудаутский район (где и проходили, в основном, наши полевые исследования), затем Новый Афон, Пицунда и Гагра с прилегающими к ним равнинными приморскими территориями. Объяснение такому распространению охоты с перепелятником давалось следующее: перепела после длительного путешествия из южных районов России (Кубани и Краснодарского края) в Абхазии задерживаются в прибрежной кустарниковой зоне, на кукурузных полях и пастбищах, где в изобилии находят корм и набирают утраченный в длительных полетах вес и силы для дальнейшей миграции. За ними по пятам следуют и ястребы, для которых перепела в это время и в этом месте – наиболее легкая и изобильная добыча.

В горы перепела в массе своей не поднимаются, и ястребы, продолжая свою миграцию на юг, в горной местности летят высоко, и ставить там на них сети нецелесообразно. Таково объяснение тому обстоятельству, что ястребиная охота распространена преимущественно в названных выше местностях Абхазии [Г. Н. Симаков. Полевые материалы, 2002, с.2].

Однако в наиболее засушливые и знойные сентябрьские дни перелет перепелов и ястребов проходит по горам. Об этом сообщают информанты, с которыми мы имели беседы на эту тему. Приведем записанные нами (А.Х.) новые полевые материалы на языке оригинала с подстрочным переводом на русский язык:

Хьшькын Мгэызырхэа ахьшь анҳзымклагь, аҭың анҳ-моулагь, Хэаҭаа рышьха ҳцон хьшькра. Ахьшьцэа реҭы

ҳаангылон, ҳтҗыҗ ылҳхаанза. Ацыс ырхәмарны, ахышьқәа ҳкуан. Ауарбажәқәагы ҳкуан, ус баиша. – В сезон лова ястребов, если по тем или иным причинам нам не удавалось найти место для балагана и поймать ястреба в селе Мгудзырхуа, то мы отправлялись в горы к пастухам села Хуап и строили там шалаш и налаживали их ловлю. Иногда для забавы ловили коршунов (Со слов Конджария Ивана. Запись 13.12.1991).

Смыр Славик хышькра Ахра Шкәакәа, Ақардуаг ҳа иахашьтоу ашьхақәа рахь дцон акаҗи акариши иманы, уака ақьал қацаны иман, ахышькырҗа. – Смыр Славик отправлялся в горы, которые называются Белая Скала, Акардуаг со своей сетью и жуланом. Там он имел готовый шалаш для ловли ястребов (Со слов Апба Алёки. Запись 2.09.2006).

Ашьха акаҗ рыманы ицоит амии анбзиоу хышькра. Ақьал ргыланы, абра агаҗа ишыкарцо еиҗи, ртҗыҗ ылхны итәоит. Амии анбзиоу, ахышьқәа, ачақәа шьхала ицоит. Ашьха анхьтахаалагь, ачақәеи ахышьқәеи гаҗала ицо иалагоит. – В хорошую погоду отправляются в горы с сетью для ловли ястребов. Строят балаган, как здесь, на берегу, определяются с выбором места. В ясные хорошие дни перелет ястребов и перепелов идет по горам. С наступлением холодов в горах перепела и ястреба спускаются на побережье моря и отсюда продолжают свой путь (Со слов Дочия Акакия. Запись 15.09.2006).

Ҳашыг Роберт шьхалбаанишьтахь алақәа иманы ача-шәара дцон ашьхақа, ачақәа шәақьла ишыуан. – После окончания пастбы и спуска скота с гор Хашыг Роберт с собаками поднимался в горы для охоты на перепелок. Он охотился на перепелок с ружьем (Со слов Габлия-Харазия Розы. Запись 26.01.2007, г. Сухум, уроженка с. Отхара, жительница с. Хуап).

Абхазы занимались ловлей ястребов *а́хьшькра*, *а́хьшь-шэара*, приручением *а́хьшьбжьара* и охотой с ловчими птицами с древних времен. Это подтверждается письменными источниками. Одно из таких ранних упоминаний о ловчих птицах Абасгии мы находим в известной грекоязычной эпической поэме «Дигенис Акрит», в которой, в частности, повествуется:

*Двенадцать леопардов дал, испытанных в охоте,
Птиц ловчих из Абасгии – двенадцать белоснежных,
Двенадцать малых соколов и столько же обычных* [Памятники..., 1969, с.121].

Автор перевода на русский язык «Дигениса Акрита» А.Я. Сыркин в конце книги дает следующий комментарий: «Абасгия – современная Абхазия; соколы, поставляемые отсюда, особенно ценились» (с.434). Позднее тот же А.Я. Сыркин в своей капитальной монографии под названием «Поэма о Дигенисе Акрите», вышедшей в 1964 году в Москве в издательстве «Наука», приводит греческие эквиваленты названий этих ловчих птиц:

Стратиг дарит жениху ... двенадцать охотничьих гепардов (παρδοκυνήγοις), двенадцать белоснежных ловчих птиц (τέρακας) из Абасгии, по двенадцати малых (φαλκωνάρια) и обычных (φάλκωνας) соколов, ... [С.182, 184].

В книге турецкого историка Фахреттина Кирзиоглу приводится ряд важных для нас данных о закупке в XVI веке ловчих птиц на рынках Абхазии для султанского двора. Один из документов, в частности, гласит: *Достопочтенный хан сообщил о желании послать судно в Сухумский край для закупки соколов, беркутов, горностаев...* [KIRZIOĞLU, 1976, с.14]. Ниже читаем: *Когда прибудете в вилайет абазийцев и черкесов, кади, расположенных по дороге портов, будет сообщено, что для закупки и до-*

ставки соколов из указанного вилайета посланы сокольничие султана Фестан и Дауд [там же, с.16].

Итальянский миссионер XVII века Жан де Люк сообщает:

У них (у абхазов – А.Х.) встречается несметное количество кобчиков и соколов, которых они выучивают в восемь дней. Константинополь, Персия, Грузия здесь снабжаются ими. Эти птицы выдержаны так хорошо, что возвращаются (к хозяину) со своей добычей по звуку колокольчика [Жан де Люк, 1879, с.493].

Сведения о наличии у абхазов дрессированных ловчих птиц дают и другие очевидцы XVII века, как, например, итальянец Арканджело Ламберти и голландец Н. Витсен. На их материалы ссылаются в своих работах известные абхазские ученые Г.А. Дзидзария [Дзидзария, 1958, с. 51; 1986, сс. 47–48] и Ш. Д. Инал-ипа [Инал-ипа, 1965, с. 189].

Этнолог О.В. Маан приводит такие сведения:

Абхазские охотничьи птицы – соколы, беркуты служили предметом международной торговли. В XVII веке, например, их вывозили в Трапезунд и Крым. Более того, абхазские ловчие в ту пору попадали даже на берега далекого Инда. Об этом свидетельствует афганский поэт-классик и полководец Хуихальхан Хаттак (1613–1689). В 25-й главе «Баз-нама», посвященной соколиной охоте, он воспевает замечательные охотничьи свойства «абхазского сокола» («абхази шахин») [Маан, 2006, с.237].

Тут следует заметить, что к названиям видов ловчих птиц в подобных сообщениях следует относиться осторожно, так как и авторы, и, в особенности, переводчики, порой имели о них смутное представление. Поэтому речь в цитированных отрывках идет скорее всего, в первую очередь, о ястребах-перепелятниках и тетеревятниках. Характерно, что сами абхазы ястребом считают лишь перепелятника, а тетеревятника по отмеченной причине повсеместно называ-

ют соколом. Кроме того, авторы часто склонны приводить в своих материалах мифологические сведения, как то, что ловчую птицу можно обучить так, что она будет сама приносить добычу хозяину. Повсеместная практика охоты с ловчими птицами говорит о том, что подобной дрессировке ловчие птицы не поддаются.

Но подобные мифы, воплощая мечту охотников об идеальной ловчей птице, бытовали и в Азии, и в Европе, и, как мы убедились, на Кавказе.

Говоря об истории развития охоты с ловчими птицами в Абхазии, следует отметить, что анализ собранного нами полевого лингвистического и этнографического материала убеждает нас в том, что абхазами накоплен большой опыт по ловле, приручению и уходу за ловчими птицами. Следует отметить и то, что абхазский язык выработал специальную терминологию по этой отрасли, и она базируется на исконном материале. Имеется незначительная часть заимствований из турецкого языка, главным образом, в местах языковой контактной зоны. Это *с.Лыхны, Тасракэа, Баслахэ, Ешыра* и др. Для иллюстрации приведем несколько образцов: *бос кызыл // боз гезил, боиаз бос кызыл, чам гезил // чам кызыл, чича кара, кара бууук, кара кызыл, сари, чич сари, еспир...*

Очевидно турцизмы проникали в абхазский язык и закреплялись при торговых сделках по закупу соколов турками у абхазов [см.: KIRZIOGLU, выше].

Данный пласт лексики начал проникать и в абхазскую художественную литературу благодаря произведениям, посвященным охоте с ловчими птицами (А. Возба, Г. Гублия, И. Тарба, И. Хварцкия и др.).

На территории современной Абхазии встречаются также археологические находки с изображением ястреба.

Следует отметить тот факт, что в 1993 году, в разгар грузино-абхазской войны, была выпущена первая почтовая

марка Абхазии с изображением ястреба-перепелятника. Об этом событии сообщала позднее газета «Ецџаџьаа» – «Созвездие», которая выходит на абхазском и русском языках:

«... 25 июня 1993 г. – дата рождения абхазской марки. До победы оставалось 97 дней.

Непосредственное участие в появлении этих марок принимал участник Эдуард Константинович Пилия, ныне Генеральный директор Госкомпании «Апсныеимадара» («Абхаз-связь»). Рассказывает:

– Возможно кому-то тогда, да и сейчас, покажется странным, что в самый разгар войны мы задумали, а главное, начали выпускать свои марки.

Этим делом занимался коллектив энтузиастов нашего Управления. 10 июня окончательно утвердили сюжеты.

Первую серию марок получили из Днепропетровска. Там был изображен ястреб-перепелятник (цена 5 и 10 руб.). Вторая серия – карта Абхазии (цена 50 и 200 руб). Цены, конечно, того времени» [«Ецџаџьаа» – «Созвездие» №3, 2007, с.7].

А теперь мы переходим к описанию и этнографическим комментариям техники ястребиной охоты у абхазов в XX – начале XXI веков, каковой она предстает перед нами в существующих описаниях и из наших скромных полевых материалов. При этом мы будем опираться на первое, сравнительно подробное описание техники работы с ловчим ястребом-перепелятником, которое было сделано в 1930 г. очевидцем и участником этого процесса М.Беляевым, затем хронологически следуют наши (А. Х.) полевые материалы и, наконец, сведения, собранные в поле в 2002–2004 гг., главным образом, в Гудаутском районе Абхазии Г.Н. Симаковым.

При этом нами взяты во внимание и публикации на эту тему абхазских и других авторов 1980-1990 гг.

* * *

Свое описание охоты с ястребом М.Беляев начинает с небольшой преамбулы, которая содержит некоторые общие сведения об этом виде промысла у абхазов в начале 30-х годов прошлого века: «Охота с ловчими ястребами-перепелятниками (*Accipiter nisus*) – своеобразный национальный промысел Абхазии, проводимый примерно в течение сентября и октября.

В этот сезон неисчислимые стаи перепелов, откормившихся на хлебных полях Кубани, появляются в ССР Абхазии, готовясь к дальнейшему перелету на зимовку. Центром промысла является Гудаутский район» [М.Беляев, 1930, с.85].

Добыче ястребов-перепелятников в Абхазии предшествует поимка манной птицы – упоминавшегося выше сорокопута, которая и в наши дни осуществляется часто таким традиционным способом: «Уже на другое утро мы ловили с т. К. (местный сокольник – Г.С., А.Х.) сорокопута-жулана (*Lanius collorio*), служащего приманкой при ловле ястреба.

– Почему же именно сорокопута? – полюбопытствовал я.

– Он лучше играет, – несколько загадочно ответил мне мой компаньон.

Взяв бамбуковый шест высотой в 2 м и толщиной в 3 см, т. К. расщепил его в верхней трети. В середину расщепы поставил палочку-распорку, привязав концы ее к сторонам расщепы. Концы последнего он соединил веревочкой, а из середины ее протянул вертикальную бечевку до соединения с распоркой. Вдоль этой вертикальной бечевки он укрепил десятка два силков – захлестывающихся волосяных петель, а в середине ее привязал две-три штуки крупных кузнечиков.

Описанное орудие лова, привязанное стоймя в кустарниковых зарослях, действует быстро и без отказа. Через

какой-нибудь час в одну из петель попался сорокопут, позарившийся на вкусную приманку.

Привязав пленника за ножку коротким поводком на жердочку (длиной 1 м), т. К. демонстрировал высокие качества сорокопута как «манной» птицы. При встряхивании жердочки с одного конца птичка взлетала и долго трепетала крыльями в тщетной попытке освободиться от привязи.

Приручение сорокопута пошло удивительно быстро. К вечеру проголодавшаяся птица уже брала из наших рук кузнечиков и кобылок. На другой день под вечер мы пошли ловить ястреба» [Беляев М., 1930, с.85].

Теперь подробно остановимся на особенностях кузнечиков – *а́рцу*, с помощью которых ловят жуланов и кормят их в неволе.

* * *

Разновидностей кузнечиков много. Нами записано около семи видов. В разных селах каждый вид кузнечика называют по-своему, вследствие чего имеется большое количество вариантов. Эти названия устанавливаются, в основном, по внешним признакам или же издаваемым ими звукам.

1. Самца *turrita* (акрида) называют *ацырцыр*, *ацыррыт*, *ацахцах* – по звуку, издаваемому в полете. Он бывает зеленым или коричневым, в зависимости от среды обитания;

2. *Адаидыхэ*, *акаидыхэ*, *абаида*, *амажара*, *адаха*, *turrita* (акрида-самка);

3. *Амаца* (букв. саранча);

4. *Апаэ*, *ахампаэ*, *ахпаэ*, *ахампач* (букв. толстоголовый), *анышэшитэы* (букв. цвет земли), *акэарарцу* (букв. береговой кузнечик) – кобылка;

5. *Аңацакьацэ*, *аңацакьакьа* (букв. торчащие усы);

6. *Амгэацапыжэ* (букв. брюхатый, толстопузый) или *амчаагага* (букв. восстанавливающий силу).

Используется также богомол, который называется *абылтых, алатых* (букв. выкалывающий глаз) с вариантами *арцу шхам* (букв. ядовитый кузнечик), *адерцъ*.

Для ловли жуланов употребляют и медведку – *аиш* с вариантами *аишхы, аңиш*.

К 15-20 числам августа эти виды кузнечиков вступают в пору зрелости, т.е. начинают летать. К этому времени жуланы-сеголетки уже самостоятельно добывают себе пищу – ловят кузнечиков.

Жулана по-абхазски называют *акаршы́* с вариантом *акарашы́*. Жуланов различают, в основном, по окраске. Мы записали такие виды:

1. *акар(а)шы шкэакэа* – белый жулан;
2. *акар(а)шаңиш* – рыжий (букв. красный) жулан;
3. *акар(а)шихэа* – серый (букв. пепельный, зольный) жулан;
4. *акар(а)шеиқэацэа* – черный жулан с вариантом *араң кар(а)шы* (араң – негр);
5. *акар(а)ш џежъ* – желтый жулан;
6. *азаамбал, азаандал кар(а)шы, ахамызра, алым?* (бзыб. диал.), *аңаңуған* (абж. диал.) – так называют сорокопуга, который известен в специальной литературе под названием серого или чернолобого сорокопуга.

По месту обитания они различаются на *амџаду кар(а)шы* (букв. дорожный жулан), *арха кар(а)шы* (букв. луговой жулан), *ақэаца кар(а)шы* (букв. лесной жулан), *атэарта кар(а)шы* (букв. сенокосный жулан). Первые два вида больше ценятся за их легкость и игривость. В речи ловцов вместо *акар(а)шы* часто употребляется *ацыс* – птичка. Из всех перечисленных жуланов предпочтение отдается белому жулану, так как он замечен с большого расстояния, а *азаамбал* размером больше жулана, он прожорлив, капризен, поэтому его обучают, когда нет выбора.

Ястреба ловят, в основном, на жулана, появившегося на свет в этом году. Молодого узнают по краю рта и клюва. У него край рта желтый. Жулана с такой каемкой называют *аҭара* (уздечка), *арҭза* (полоса, линия), *аҭааҭа* (пленка), *аҭаҭа зәоу аҭар(а)шы* (букв. жулан с намордником) и т.д. Старого, прошлогоднего узнают по цвету клюва и оперенью. Его клюв черный и оперенье темных тонов. Он тяжело поддается дрессировке. Его называют *акапет*, *аҭар(а)шы капет*, *анаҭыа* (абж. диал.).

Если ловец по какой-либо причине не смог поймать жулана, то вместо него приручает воробья – *абаҭыр*, трясогузку – *адырганҭыхә(а)* или же пользуется цыпленком – *акәчышь*. Но самой удобной приманкой при ловле ястребов, по общему признанию информантов, является жулан. Он неприхотлив и легко приручается. Кормом ему служат кузнечики. Для него не нужно брать специально воду. Ему достаточна та влага, которая содержится в кузнечиках. Другие же птицы потребляют много воды. Без воды они не выдерживают августовского зноя и часто погибают от жажды. В последнее время жулана стали кормить вареным яйцом или свежим тощим мясом, пропущенным через мясорубку. Замечено, что от потребления мяса его окраска становится темной и, к тому же, он становится тяжелым и ленивым. Поэтому мясом жулана кормят при безвыходных случаях.

* * *

Средств ловли жулана очень много. Остановимся на наиболее распространенных.

Берут нитку темного цвета, длиной в 50-70 см, на одном конце привязывают палочку длиной в 5-6 см, на другом конце – кузнечика *turrita* или кобылку-самку (самки крупнее самцов) и подкидывают жулану, сидящему на ветке. Жулан

слетает и проглатывает кузнечика. Палочка тяжела, жулан не в силах поднять и унести ее. Ловец подбегает, берет птичку, отрезает нитку у клюва и забирает ее. Это приспособление называется *акáришэ*, *амцáришэ* (букв. подброшенное), с вариантами *ахэларха* (букв. застревающий в горле) или *акəуқан* (букв. кукан).

Другое приспособление *ацəкья́* – силок. Встречаются всевозможные варианты его конструкции: *ахыраынтэ цəкья* (букв. силок-рогатка), *адаңа цəкья* (букв. силок-дуга), *аиьтəхə́* (букв. силок на земле), *áқəхə* (букв. силок, поставленный на поверхности чего-либо), *абжьындахə́* (букв. поставленный на проходе), *ахы́наа* (букв. наклоненный), *аңы́раха* (букв. вправленный в отверстие) и пр.

Известны самолеты различных конструкций: *аиқəаха*, *аңкья*, *ары́ңкья*, *ачалт* и др.

Жулана ловят также круглой сетью с отверстием с живой, привязанной внутри медведкой. Увидев медведку, жулан проникает внутрь сети, чтобы полакомиться ею, однако выбраться из нее ему не хватает сообразительности. Для этой же цели используется трехлитровый стеклянный баллон с той же медведкой внутри него.

Каждую лапку пойманного жулана привязывают ниткой по отдельности незатягивающейся петлей к концу палочки-насеста *акар(а)и лаба* (букв. палка жулана), длина которой 1,5–1,7 м, а толщина такая, чтобы птичка могла свободно обхватывать ее пальцами лап. Эту палочку-насест делают из лещины – *араса*, крушины – *алакəымхə*, облепихи – *акəадац* (абж. диал.), *атəымыз* (бзыб. диал.). Считается, что эти растения обладают магическими свойствами, предохраняя жулана от сглаза. К этой же палочке-насесту привязывают пучок кузнечиков на таком расстоянии, чтобы жулан мог клювом достать их и при этом не пачкать кузнечиков своим пометом.

Палочку-насест – *акар(а)ш лаба* с птичкой днем устраивают на людном месте во дворе высоко, чтобы кошка не могла достать. В первую ночь голову птички продевают через листок бумаги из школьной тетради – *атетрад бгъыц* с отверстием в середине, чтобы она не смогла заснуть (ночью птичка спит, спрятав голову под крылом). Затем ее заносят в безопасное для нее помещение и оставляют там, включив на всю ночь свет. Утром, сняв листок бумаги с шеи, птичку с насестом выносят на прежнее место. Она от бессонницы чувствует себя вяло, подавлена и сидит спокойно, изредка поклевывая еду. В последующие дни эта процедура повторяется. По прошествии 4-5 суток птичку с насестом в руке слегка подбрасывают. Если она повисла на палочке-насесте, ее отпускают – для приманки не годится. Если же после недолгого парения села опять на насест, то она считается готовой для ловли ястреба. Тогда на ее веки наклеивают кожаные шоры – *аблатъагъа* для ограничения поля зрения сверху.

Шоры бывают двух видов. Первый прикрепляется к веку посредством клея БФ. Раньше крепили сосновой смолой или гудроном. Второй вид называется *ахтарча* (башлык) с вариантами *ахыл(а)ча* (шапка), *ахыл(а)чарч* (папах) и действительно имеет форму остроконечной шапочки, которая крепится к голове жулана с помощью нити, продеваемой сквозь ноздри птички. Вместо кожаных шор раньше иногда пользовались половинками скорлупы ореха-фундука – *арасаца*.

Как сообщают информанты, был известен и способ, когда верхние веки глаз прошивали конским волосом и, стянув веки вниз, связывали концы конского волоса под подбородком, чтобы глаза у птицы были постоянно закрыты. Заклеивали глаза также прополисом – *абыцэамсá* (вариант *абыцэамсá*, *абыглацэамсá*). Если не прикрыть глаза жула-

на, то при виде ястреба он повиснет неподвижно и будет издавать отпугивающие его звуки, и тот пролетит мимо.

К сказанному выше следует добавить некоторые подробности, полученные от информантов в 2002–2003 гг.:

«Так, главными качествами сорокопута, которого местные охотники называют «сорокопуткой» или просто «птичкой» являются энергичность и подвижность, а также умение быстро махать крылышками, издавая характерный звук «ф-р-р-р-р-р», когда охотник мягким, но энергичным движением поднимает палочку-насест – *акаришаба́* вверх, чуть подбрасывая сорокопута, а затем опускает палочку резко вниз, лишая манную птицу опоры и заставляя парить ее в воздухе на одном месте.

Отлов сорокопутов начинается за 10–15 дней до начала добычи ястребов, чтобы успеть до этого как следует выдрессировать манных птиц. Ловят их больше десятка, но отбирают самых способных (энергичных), остальных или отпускают на волю, или дарят детям для забавы. На палочке-насесте делают две зарубки *аёакэара*. Одну – на конце, к которой привязывают сорокопута (жулана) с помощью плотной нити темного цвета длиной 15–20 см, которая называется должиком. Должник, в свою очередь, привязывается одним концом к маленькому шарниру (вертлюгу), с другой стороны которого привязываются, в свою очередь, две короткие ниточки, которые другими концами крепятся к кожаным манжетикам шириной в 7–8 мм. Эти манжетики и две короткие ниточки позволяют держать манную птицу на привязи, не лишая ее движения, а шарнир не дает всему этому запутаться и лишит птичку свободы движений. Все это называется, как и у ловчих птиц, опутёнками – *аиьантáзгақда*.

Вторую зарубку делают на палочке-насесте ниже на длину опутенок и должика (на 20–25 см). К ней привязывается корм для сорокопута (кусочки мяса, фарша или чаще пучок

кузнечиков, богомолов, медведок и т.п.). Таким образом, птичка имеет возможность сама поддерживать свои силы кормом. Иногда корм к палочке не привязывается, а хозяин дает по 2–3 кузнечика сорокопугу каждые 15–20 мин, вынимая их из специального мешочка – *арцутра*.

Активное приручение сорокопуга продолжается 7–8 дней, во время которого птичку учат садиться на кончик палочки, парить в воздухе, хлопая крылышками, когда этого требуют ситуация и хозяин. Когда птичка кажется готовой к выполнению своих задач, ее испытывают следующим образом: кладут палочку-насеет на землю, и, если сорокопуг сядет при этом на поверхность палочки, то он привык к ней и готов к добыче ястребов. Если сядет на землю, то дрессировки продолжают до положительного результата.

В этот же период сорокопуга приучают к наглазникам – *аблаџаџаџа*, которые (как уже говорилось) в данном случае представляют собой два одинаковых полукруга, вырезанных из тонкой кожи. Внутреннюю (ворсистую) часть их обжигают на пламени свечи, отчего они становятся выпуклыми, затем округлые края смазывают клеем и приклеивают поверх глаз сорокопуга к ближайшему к глазам оперенью. Прямая нижняя часть полукруга клеем не смазывается и образует щель, сквозь которую птичка видит только то, что внизу, т.е. палочку и привязанный к ней корм.

Иногда сорокопуга подкармливают круто сваренным куриным яйцом – *акџаџа*, для чего используют специальные деревянные чашечки диаметром с куриное яйцо и с деревянной ручкой-палочкой длиной 30–35 см. Часто для добычи ястребов готовят 2–3 сорокопуга, так как во время ловли ястреб может, залетев с противоположной стороны сети, схватить и убить манную птицу. То же может сделать и ястреб, попавший в сеть, если держать манную птицу близко к сетке. В этих случаях сорокопугу для продолжения до-

бычи ястребов необходима замена» [Г.Н. Симаков. Полевые материалы, 2002, с.3-4].

* * *

Теперь остановимся подробно (насколько позволяют наши материалы) на процессе ловли (добычи) ястребов.

Вот, что об этом сообщает М. Беляев: «Ловля ястреба производится из шалаша. Нам, впрочем, не пришлось трудиться над его постройкой. В обширных кустарниковых зарослях, расположенных между Гудаутами и подгорным селом Бамборой, имелось уже много таких шалашных построек, возведенных туземными охотниками. По обычному неписаному праву каждый шалаш является как бы общим достоянием, хотя приоритет пользования сохранялся за его строителем... Подобные заросли служат местом обильного вода разнообразных птиц (в том числе сорокопутов), за которыми охотятся не менее разнообразные пернатые хищники.

Шалаш – примитивное сооружение из кольев, переплетенных ветками, в рост человека высотой. Две его стенки идут под углом друг к другу. Принесенная нами треугольная сеть была растянута таким образом, что образовывала продолжение одной из стенок. Именно вертикальный шест около 2 и ½ м высотой, на котором был натянут один конец сети, был прислонен к концу этой стенки и слабо прикреплен к нему бечевкой. Другой шест, на котором был натянут другой конец сети, мы положили на землю.

Наблюдение за ястребом было предоставлено вести мне через широкие щели в стенках шалаша. Среди многочисленных хищников, реющих над зарослями, я быстро узнал по относительно небольшой величине, длинному хвосту и сравнительно коротким крыльям приближающегося к нам ястреба-перепелятника.

– Летит, – сказал я. Мой спутник ловко подкинул на жердочке привязанного сорокопута, и тот, как всегда, «заиграл», трепеща крыльями.

Все дальнейшее произошло с невероятной быстротой. Как буря, бросился ястреб на нашего «сорокопутку» и ударился о растянутую сеть. Одновременно т. К. толкнул вертикальный шест, и тот повалился на землю. Ястреб оказался в мотне. Несмотря на его отчаянное сопротивление и клювом, и когтями, уже через несколько минут он лежал в наших руках, спеленатый платком, как младенец свивальником» [М.Беляев, 1930, с.85].

Прежде чем перейти к описанию ловли ястреба, уделим некоторое внимание технологии изготовления сети. Пока приручают сорокопута, плетут сеть – *а́хышька́та* (букв. сеть для ястреба) для ловли ястреба, которая имеет форму прямоугольного треугольника. Она состоит из глазков – *а́бла* (варианты *а́блара*, *абларта́*) размером с ладонь каждый глазок. Таких глазков имеется от 40 до 90 по гипотенузе, в зависимости от желаемого размера сети. Сети раньше плели из шелковых или хлопчатобумажных нитей. Позже пользовались двойными скрученными нитями № 10 фабричного изготовления. В абжуйской Абхазии (с. Баслаху) были известны разновидности нитей – *акьы́ң рахэ́ыц*, а также *амакариа́ рахэ́ыц*, из которых изготавливались сети. Их покупали у мелочных торговцев – *акацкэ́ы́руаа*, *акацкэ́ы́рцаа*. Сейчас применяют зеленые капроновые нити, которые приобретаются в охотничьих магазинах.

Ловец ястребов изготавливал сеть сам. Если нити были светлых тонов, их перекрашивали в темные. Красителями служили различные отвары из растений: листья или плоды грецкого ореха (*арабзъы*, *ара́ча*), незрелый виноград (*акэ́ыхь*), кора ольхи (*ал а́цаа*), шкурки репчатого лука (*ацъымышьцаа*). Пользовались также зрелыми плодами ла-

коноса (*аишамашэыга*), бузины (*амцырбгъы*) и т.п. С этой же целью сеть иногда клали в сажу, разведенную в воде – *ақэабшэшэы, арацэазы*.

Полотнище сети называется *ақатғэы* (букв. сердце сети). Сеть крепится к двум бамбуковым шестам *ақатлабақэа* (букв. палки сети). Стоящий вертикально шест называется *ағыла*, а лежащий горизонтально – *аиштариа*. Шесты раньше изготавливались из лещины. Они бывают длиной от 2,5 до 4 м, в зависимости от размера сети. По всеобщему признанию ловцов шест из бамбука – *акалам* намного легче, он долговечен и удобен в обращении, поэтому почти вытеснил из употребления шест из лещины. Кромка сети, служащая гипотенузой, нанизывается на шнур – *ахырда* (варианты *ахда*, *ахырхха*, *арххага*, *ақатеицыхга*) и прикрепляется к вершинам – *ақэцэқэа* обоих шестов и к основаниям – *аишапы, аишапта*.

Традиционно на ловлю охотничьих птиц уходили тайно после полуночи следующего дня после праздника Успения Богородицы (*Наһхэа, Нанхэа аныхэа*), который отмечается 28 августа. К этому времени начинается интенсивный перелет ястребов. Пойманный в этот период ястреб считается вполне зрелым. Он легко поддается обучению. Уходили на ловлю на несколько дней, пока не отловят нужного ястреба. С собой брали все необходимое снаряжение, сорокопутов, еду и воду. По прибытии на место перелета строили из веток шалаш – *ақбал(а), ахышқьал(а)* для укрытия. Все это традиционно сохраняется и в наши дни.

Шалаши для ловли ястребов делают двух видов: на земле и на дереве. На деревьях делают в лесистой местности. Об этом сообщается: «Типичное место для лова располагается на дереве с усеченной вершиной, где устраивается шалаш из зеленых ветвей на настиле из прочных жердей» [Дбар, 1992, с.99]. К сказанному нужно добавить, что длина насти-

ла вместе с шалашом достигает 5 метров, а ширина его – до трех метров. Вся конструкция располагается на высоте 4–5 метров от земли. К шалашу – *ақбал(а)*, *ахышьқбал(а)* прикреплена лестница.

Шалаш обычно строят с входом с северной стороны (*аиьхагыларак ағы рханы*). С запада имеется смотровое окно для наблюдения – *акылтишырта*, *ахыиэ* за перелетом. Перелет ястребов обычно идет с северо-запада. Если поблизости имеются деревья, с них срубают лишние ветви, оставляя при этом две верхушечные ветви для тени, а также два или три коротких зубца от веток, на которые кладут жерди – *аскыёньц* (с вариантами *аскёёньц*, *ацкёёньц*) по горизонтали, чтобы на них садились уставшие от длительного полета ястребы, оттуда им удобно обозревать местность. Впереди шалаша забивают кол около 1,5 м высотой. К нему привязывают вертикальный шест сети – *агыла*, *аргыла*, укладывается горизонтально другой шест – *аиьтариа*, который закрепляют неподвижно на земле, и сеть для ловли готова. Западная сторона сети считается лицевой – *аҭхьа*, а восточная – тыльной – *аиьтахь*. С целью маскировки шалаш делают из свежесрезанных ветвей, по мере необходимости они обновляются. По рассказам информантов, если на территории ловли ястребов среди других древесных растений произрастает граб – *ахьаца*, то шалашу из этого материала отдается предпочтение, так как по поверью абхазов, это дерево является «добрым» (*ахьаца аиьта бзиоун*), «божественным» (*ахьаца Аицэа ицлоун*), «граб не подвержен удару молнии» (*ахьаца амацэыс асзом*).

При обнаружении приближающегося ястреба ловец прячется в шалаше, левой рукой придерживает стояк сети, правой рукой держит с тыльной стороны сети жулана с насестом. При этом, посвистывая по-птичьи, начинает медленно подкручивать насест, слегка подбрасывая птичку

вверх. И птичка поднимается на крыло и начинает парить в воздухе, что называется «*ацыс хгыланы ихэмаруеит*» (букв. птичка играет в парении). Ястреб, увидев добычу, бросается камнем на жулана и попадает в сеть, а ловец мгновенно накрывает ястреба сетью. Уместно отметить, что ловцы ястребов очень энергичные и темпераментные люди. Они никогда не суетятся, их движения отточены. От этого, конечно, зависит и несомненный успех.

Попав в сеть, ястреб отчаянно бьется, хочет вырваться на свободу. Из сети ястреба выбирают осторожно, дабы не повредить его. Сначала отыскивают лапы – *ашьапқәа* и держат за обе цевки, потом придерживают крылья – *ажәәақәа*, *амцәыжәәақәа*. Вытащив ястреба из сети, расправляют ему крылья, перья – *ахызқәа́* (ед. ч. *ахзы́*) и тут же проверяют, нет ли у него травм. Определяют разновидность пойманной птицы, а затем ее туго пеленают обыкновенным носовым платком – *ачавра*, *ачабра илархәоит* или куском тонкой ткани того же размера. Узлы завязывают на спине и кладут на землю или настил спиной. Восстанавливают сеть и готовятся к ловле следующего ястреба.

По рассказам ловцов, при хорошем и интенсивном перелете за день можно наловить до тридцати ястребов. К вечеру, если удачно прошел день, отпускают непригодных к охоте птиц, остальных складывают на растянутой сети так, чтобы они не касались и не поранили друг друга, затем сеть скатывается, и ноша готова для транспортировки.

Дома лишние экземпляры раздариваются знакомым. После завершения сезона отлова ястребов с отслужившего свою службу прирученного жулана снимают шоры и, накормив досыта, отпускают на волю.

Известен и другой способ ловли ястреба. Он заключается в том, что ловец находит гнездо ястреба и привязывает к нему лучшего из птенцов. Как только птенец подрастет, он

его забирает. Этот способ в настоящее время используется редко.

«Кроме того, среди абхазских сокольников бытует представление о том, что ястребы, зимующие в Абхазии, мало-сильные и непригодные к охоте, так как у них якобы не хватает сил лететь дальше на юг. Поэтому они в охоте используются редко, и способы их добычи из гнезда птенцами почти полностью утрачены в современной охоте с ловчими птицами у абхазов» [Г.Н. Симаков. Полевые материалы, 2002, с.6].

Выше у М.Беляева мы читали, что для поимки ястребов строился двустенный скрад («балаганчик», как называют его местные охотники). Любопытные сведения об одностороннем скраде в тех же местах мы находим у В.Е. Флинта и А.Г. Сорокина: «А дальше базирер отправляется в предгорья и, облюбовав открытую вершинку с хорошим обзором, строит легкую стенку-укрытие из сухих стеблей кукурузы, рядом с которой натягивает ловчую сеть. Эта треугольная сеть, сделанная из тончайшей прочной нити (сейчас часто используют японские паутинные сети), крепится на небольшой, вертикально поставленной мачте и отходящей от нее перпендикулярно «рее», образуя нечто вроде косо́го кливера. А дальше все просто: стоя за стенкой укрытия, базирер внимательно осматривает небосвод, а когда видит летящего вдали перепелятника, выдвигает к сети палочку с привязанным жуланом и заставляет его перепархивать, резко подергивая палочку. Достойна удивления острота зрения ястреба: с расстояния чуть ли не в километр он уже видит вожака добычи и стремительно бросается на жулана. А вот сеть он как-то не замечает, а может быть не придает ей просто значения. Не чует он и опасности. Как правило, все кончается в несколько секунд: жулан еще перепархивает беззаботно на жердочке, а перепелятник уже повис в сетке. Распутать его и «спеленать» — дело минутное.

Конечно, легко сказка сказывается, да нелегко дело делается. Чтобы без осечки ловить перепелятников этим способом, нужен огромный опыт, особые навыки, пожалуй, даже искусство. И умение выбрать правильное место (такие места, как правило, чуть ли не передаются по наследству), вместе с тем, несмотря на всю кажущуюся примитивность такого способа ловли, опытный базиери в подходящую погоду и правильно выбранный день добывает иногда более десятка ястребов» [В.Е. Флинт, А.Г. Сорокин, 1999, с.304-305].

* * *

Итак, выше мы рассмотрели четыре вида скрадов (балаганчиков). Это одностенный, двустенный, четырехстенный (все наземные) и один, располагаемый на дереве, четырехстенный.

Однако нам встретились еще два вида скрада, один из которых располагается на помосте, насланном на специально вбитых в землю столбах, и сеть при этом располагается на помосте, другой строится также на столбах, но без помоста для сети. Сеть устраивается вплотную к скраду – на земле. Остановимся более подробно на каждом из этих видов, основываясь на полевых наблюдениях 2002 года.

Начнем с последнего, который также, как все остальные, был расположен в низинной части в кустарниковом, в основном, лесу, метров 200–300 от берега моря. Он включал в себя скрад, пол которого располагался на шести столбах, врытых в землю длиной более 2,5 метра. Пол скрада был сделан из плотно пригнанных друг к другу кругляков диаметром 6–8 см. Поверхность пола была застлана толстым слоем папоротника (орляка), чтобы на нем было удобней сидеть и можно было лежа отдохнуть. На полу были

возведены стены скрада из таких же деревянных кругляков. В целом, скрад представлял собой прямоугольную будочку со слегка скошенной крышей (уклон – вниз от того направления, откуда летели ястребы). Стены строятся, в основном, из вбитых в землю жердей, плетенных хворостом. Площадь пола равна площади всего скрада. В скрад имеется два входа – по одному с каждой торцевой стороны, куда соответственно ведут две деревянные лестницы. Крыша также сделана из редко расположенных кругляков, переплетенных кустарниковыми ветвями. Фронтальная сторона скрада имеет окошечко прямоугольной формы, слегка прикрытое ветвями, которое предназначено для наблюдения за полетом ястреба. Нижний край окошечка проходит чуть ниже лица ловчего, который сидит на скамеечке, сделанной вдоль задней стены скрада. Завидев ястреба, охотник наклоном головы прячет свое лицо за кромкой окошечка и начинает действовать. С правой стороны будочки-скрада (если сесть лицом к окошку) вплотную к ней и на одной линии с передней стенкой прилаживается сеть, имеющая, как во всех других случаях, форму прямоугольного треугольника. Однако, шесты, на которых располагается треугольник сети для скрада на высоких столбах, соответственно тоже длиннее, чем в наземных скрадах. Вертикальный бамбуковый шест достигает длины 5–5,5 м. Горизонтальный, лежащий на земле – несколько короче. Вертикально стоящий шест сети слегка крепится к передней сетке скрада у самого входа. Обычно для закрепления вертикально стоящего шеста используется такой прием: в месте крепления к шесту привязывается тонкий прочный шпагат, концы которого длиной в 25–30 см, висят свободно, когда шест не закреплен. Когда же он готов к ловле, свободные кончики зажимаются в горизонтальном надрезе ножом на крайней передней стойке входа в скрад. При попадании ястреба в сеть, ловец резким движением

толкает шест вперед, и концы шпагата-держателя легко высвобождаются из надреза-зажима, и сеть падает, накрывая собой ястреба и прижимая его плотно к земле.

Перед скрадом, на расстоянии до 100 метров в радиусе, имеется свободное, открытое от деревьев пространство частично естественного происхождения, частично сделанное таковым путем вырубок кустарников и некоторых деревьев. На нескольких деревьях, на расстоянии 70–80 метров от скрада, вырубается только ветки и вместо них к оголенным стволам горизонтально закрепляются шесты – *аскьынць* длиной от 1 до 2,5 м, чтобы ястреб, видимый охотнику, мог присесть, отдохнуть и заметить, в конце концов, сорокопута-приманку, трепещущего крылышками. Это открытое пространство, на котором скрад – самая высокая точка, помогает ловцу и вовремя заметить перепелятника, и успеть совершить все действия, необходимые для его поимки.

Однако, несмотря на то, что скрад и сеть ориентированы навстречу маршруту пролета ястребов, хищник может пролететь мимо сети, а затем внезапно атаковать сорокопута с противоположной стороны, откуда тот не защищен сетью. В таком случае погибает сорокопут, на поимку и приручение которого было потрачено столько трудов и времени, да и ястреб улетает с добычей, минуя сеть. Такое случается редко, однако для предотвращения такой случайности, ставят вторую сеть параллельно первой и сорокопут-жулан «играет» *«ихэмаруеит»* между двумя сетями. Нападение ястреба с любой из двух сторон чревато для него быть пойманным. Но вторую сеть ставят крайне редко.

Другой вид сети вместе с помостом для сети целиком располагается на 10–12 столбах, высотой также более 2,5 метра. Он отличается от только что рассмотренного выше лишь тем, что сеть при поимке ястреба падает не на землю,

а на помост, что позволяет сократить длину шестов для сети и делает ее более удобной в употреблении.

Заметим, что современные скрады делаются часто из досок и крыши их покрыты или рубероидом, или шифером, внутри они имеют полочки и даже шкафчики для охотничьего инвентаря, еды, запасов воды, фруктов и т.п. Скамеечки внутри скрадов делаются двух- или трехместные – один охотник ловит ястребов, другой или другие помогают вовремя заметить летящего ястреба. Кроме того, день проходит веселее за разговорами и наблюдением за добычей.

Скрад с помостом или без одного сооружает кто-нибудь один. И это место ловли носит имя человека, его построившего. Он по адату имеет преимущественное право пользоваться им в сезон отлова ястребов. Но при этом, скрадом могут пользоваться все желающие, если он не занят в данный момент. Еще недавно, если человек, построивший скрад, находил место занятым, то он имел право освободить место в свою пользу. Скрад переходил по наследству из поколения в поколение и регулярно подновлялся близкими родственниками построившего его. В настоящее время скрады носят имена их строителей, однако пользуется ими тот, кто первый занял в нем поутру место. При этом, если приходит ловить ястребов его строитель, а место уже занято, то он вынужден удалиться ни с чем. Поэтому места в скрадах, когда много на них желающих, занимают с вечера. Иногда достаточно у входа оставить скрещенные палочки, чтоб дать знать пришедшим, что место уже занято. Но чаще такой знак не принимается во внимание, и пользоваться скрадом может лишь тот, кто к данному моменту его уже занял. Выгнать человека из занятого скрада – грех и позор. И, кроме того, в этом случае есть поверье, что выгнавший ничего не поймает.

Но прежде, чем построить скрад и помост на дереве или на земле, это место испытывают таким образом: «Су-

шествует специальный способ передачи информации друг другу. Обычно в сезон ловли на выбранной возвышенности из подручных материалов строится балаган. И как только охотник выловит ястреба, он наносит на колышке отметину, означающую количество пойманных птиц. Позже придет на это место другой ловец, в свою очередь, поймав ястреба, делает еще один нарез на палке. Таким образом, по количеству отметин передается информация о том, удачное ли это место для ловли ястребов» [Айба М.В., 2003, с. 222]. Таким путем подготавливается место для строительства стационарного, капитального скрада и помоста для сети.

Из обычаев, относящихся к ловле, отметим еще то, что 28 августа (в день Успения Богородицы) на ловлю выходят все ловцы, ибо он сулит не только удачу в поимке ястребов, но и ястребы, пойманные в этот день, будут легко приучаться к охоте и затем станут очень удачливыми охотниками.

«Кроме того, в некоторых селах Гудаутского района особо отмечается день открытия охоты – 15 августа, когда все сокольники того или иного села (мы слышали об этом от А.М. Дочия из села Звандрыпц) собирают по определенной сумме денег, покупают и режут бычка и, устроившись где-нибудь за селом, в тенистом красивом месте, недалеко от речки или ручья, проводят день в питье вина, угощениях мясом, в беседах, шутках, воспоминаниях о старине. Перед трапезой обращаются к Богу, чтобы он велел боже-ству охоты *Ажэеицъаа* обеспечить в охоте успех и удачу, множество перепелок и т.п. На это сборище собираются, в основном, пожилые сокольники с большим опытом, и разговоры и воспоминания продолжаются до захода солнца, после чего все расходятся по домам. Особого названия эти сборища не имеют, но на них собираются каждый год, как давно – информант не знает» [Г.Н. Симаков. Полевые материалы, 2002, с.8–11].

О поклонении ястребиных охотников божеству «Ажвейпщаа» подтверждают собранные нами (А.Х.) полевые материалы, тексты которых приводятся ниже:

Аоны уандэылцуа узбо: «Ажэеициһаа иуицааит!» – рхэоит аоны икоу, хышкра уанцо. – «Итабун», ухэоит уара. – Когда выходишь из дома на ловлю ястребов, видящие тебя домашние говорят: «Да даст тебе Ажвейпщаа!» А ты отвечаешь: – «Спасибо!» (Куарацхелия Тач. Запись 21.08.1986).

Ахыш Жэеициһ цыркьоун – иахьааиуагы убазом! – Ястреб от Ажвейпщ и не заметишь, как он подлетел! (Жиба Михаил. Запись 29.08.1986).

Анс еици иказ ахыш уахагь исымбацт дунеихаан. Цэгьала икациһын – агэыцгы акэакэгы нейбынеициһны. Анс еици икоу Ажэеициһаа иуицазом. – Отродясь я больше ни разу не видел подобного ястреба. Уж очень был он красным – и брюхо, и спина. Такого ястреба Ажвейпщ тебе и не даст (Дочия Акакий. Запись 28.08.2001).

Ажэеициһаа роуп ахышкэагы ачақэагы ирхылашу. – Ажвейпщаа являются покровителями ястребов и перепелок (Авидзба Георгий. Запись 05.09.1986).

Однако, по данным письменных источников, абхазам было известно также божество диких пернатых под названием «Анчакэынча» с орфографическими вариантами: *Анча-Кэынча, Анча-кэынча, Анчакэынча, анчакэынча, анча-хэынча* (последнее – по записям Н. Марра) и пр., которое забыто в настоящее время. Приведем иллюстративный материал:

Ажэйтэ офы аңцэақэа даара ирацэаны ихы иахасабуан. Уи арахэ, аңсаатэ, ашэарах ухэа зеггы нцэак-нцэак рызшаны иман, иаххэап: алақэа нцэахэыс дрыман – «Алышккынтыр», ажэқэа рынцэа – «Жэабран», ацьма ртэы – «Цэабран», аңсаатэқэа ртэы – «Анчакэынча», ашэарацацэа рынцэа – «Ажэеициһаа», ашэарахқэа –

«Аитар», ашьхақәа – «Анана-Гэында» убас ицегъы [Хрестоматия, с. 123. С. Басария]. – Древний человек придумывал очень много божеств. Он создал отдельно божества для скота, птицы, диких животных; так например, для собак создал «Алышькынтыр», для коров – «Жвабран», для коз – «Джабран», для птиц «Анчакунча», божество охотников «Ажвейпшаа», для диких животных – «Айтар», для пчел – «Анана-Гунда» и т.д.

Ара Анчакэынчеи Ажэеишьяаи рфункциақәа еикэытхоуп, хаз-хазуп, еиламашьартэ дара рхатэы рымоуп: Ажэеишьяа ашэарах дуқәа роуп нцэахэыс дызмоу, Анчакэынча дзынцэахэу аңсаатэқәа рымацара роуп [Аказара (Искусство), № 2, 2004, с. 13. С. Зухба]. – Здесь функции Анчакунчи и Ажвейпшаа разграничены, они разные, у них имеются свои отличительные особенности: Ажвейпшаа – это божество крупных диких животных, Анчакунча является божеством только птиц.

Итак, мы имели возможность описать шесть видов скрадов для ловли ястребов в Абхазии, которые бытуют в наше время. Это разнообразие дает возможность легче приспособиться к конкретным природным условиям добычи хищных птиц, равно как, возможно, и демонстрируют их эволюцию в историческом времени: от оборудования мест лова в виде примитивного одностенного или двустенного сооружения на земле до сравнительно сложных конструкций на деревьях и на столбах-опорах. При этом в разных областях, в зависимости от природных условий и традиционных маршрутов пролета перепелятников, отдается предпочтение тем или иным видам скрадов.

Можно предположить, что видов скрадов гораздо больше, так как в каждой местности есть свои ландшафтные особенности и свои традиции их сооружения.

* * *

Теперь проследим по возможности подробней, какие действия, приемы, материальные средства используют после попадания ястреба в сеть.

Таковы по этому поводу сообщения М.Беляева: «Дома, в комнате, через несколько часов ястребок был освобожден от пут и привязан лишь на следующее утро. Проголодавшаяся птица с жадностью поедала крутое вареное яйцо (обычный корм ручного ястреба – два таких яйца в день, отнюдь не мясо).

Дня через два этот корм птица уже брала из наших рук. Такая быстрая приручаемость свирепого хищника была для меня довольно удивительна.

Вскоре мы надели на пленную птицу ее полное охотничье снаряжение. Два поводка из тонкого ремешка были прикреплены к каждой из ног; к концу поводка присоединяли кожу такой же ременной петли, надетой на шею через одно крыло. На каждой из ног ястребка мы прикрепили по бубенчику (иногда третий бубенчик привязывается на подхвостье)» [М.Беляев, 1930, с.86].

Следует отметить, что М.Беляев описывает первые дни работы с перепелятником (держание) слишком общо. Кроме того, он столкнулся с легким случаем, когда птица оказалась покладистого нрава и легко поддавалась приручению.

Мы попытаемся детально описать этот этап работы с птицей. По возвращении домой начинается снаряжение или, как говорят, «одевание» ястреба – *ахъшь аилахъара, архиара, аиқэыришара*. На обе цевки надевают тренировочные путцы или опутенки – *аиъаптазгақэа*, сделанные из шпагата – *аиашэа*. Затем надевают лямку из мягкой прочной материи на правое плечо и пропускают поверх груди под левое крыло.

Лямка обычно красного цвета. Как полагают, этот цвет предохраняет ястреба от сглаза. Навешивают бубенцы – *ахьшьцэцэақә́* (варианты *ацьба́зцэцэа*, *ахьйцэцэа*; от *ацьбаз* – бронза, *ахьи* – златокузнец). Если ястреб малых размеров, то достаточен один колоколец на хвосте или на левой цевке. Считается, что ястреб хватает свою добычу правой лапой, поэтому, чтобы не сковывать движения лапы лишним грузом, она должна быть свободной. Если же это ястреб-тетеревятник, и он крупный, то на него навешивают все три – один на две средние хвостовые перья, другой на левой цевке, а третий – на груди к лямке. Бубенцы должны быть разноголосыми, мелодичными для слухового восприятия. Они изготавливаются из бронзы или латуни. Известны и деревянные, чаще всего их изготавливают из ясеня – *ажа цэцэа*. Внутри бубенца кладут кусочек граненой стальной проволоки для звучания. В абхазском языке имеется также термин *ахьцэцэ́а* – «золотой колоколец». Очевидно, представители высших сословий наряжали своих соколов подобными бубенцами. Ныне это слово употребляется только в переносном значении: «изделие высшей пробы», «совершенство».

После «одевания» ястреба его сажают на перекладину, насест – *ахьшьлаба́*, *аскъьй́нцъ* из дерева мягких пород (крушины – *алакэ́ымҳа*, лещины – *араса*, инжира – *алаҳа*, липы – *атэа́цла*, сосны – *аңса́цла*), которые предохраняют когти от деформации, поломки. Насест должен быть около трех метров в длину и не толще черенка лопаты. Его устанавливают в тени дерева, на высоте около двух метров, в людном месте двора, чтобы он привык к людям.

Если у хозяина есть охотничья собака, он ее привязывает вблизи насеста с ястребом, чтобы они привыкли друг к другу. Ястребиный помет – *ахьшьуа́ц* не убирают до конца охотничьего сезона, иначе, согласно поверью, охотника и ястреба ждут во время охоты неудачи. Вечером ястребу дают

с руки охлажденное до комнатной температуры круто сваренное куриное яйцо – *акэ́тазь жы́ны*. Температуру яйца кормящий ястреба обычно проверяет путем его прикладывания к своему глазу. Если ястреб набрасывается на еду со злостью и жадностью, то считается, что из него получится хороший охотник. Замечено, что чем злее и темпераментнее ястреб, тем он легче поддается приручению. Флегматичный и равнодушный ястреб – *ахышь шышьылаха* плохо приучается или вовсе не поддается обучению, его отпускают.

На ночь ястреба заносят в безопасное помещение, предварительно продев его голову через отверстие листа белой бумаги, обычно школьной тетради, сделанное посередине него, чтобы он ночью не смог заснуть. Его сажают на жердь, установленную горизонтально, не выше 60–70 см. от пола, чтобы во время охоты улетевший ястреб не садился высоко на дерево. На ночь включают свет. От бессонницы и света ястреб утомляется и становится податливым. Утром хозяин сажает ястреба на правую руку лицом к себе и предлагает ему вареное яйцо. Чтобы когти ястреба не поранили руку дрессировщика, на нее наматывают полотенце или специально для нее шьют кожаный чехол. После того, как ястреб поел, хозяин начинает гладить его по голове и брюху; приблизив к его уху свое лицо, часто произносит протяжное «ооооо». Эти действия называются *ахышь алымха атәаоора*.

По некоторым другим материалам, собранным нами в Гудаутском районе Абхазии в 2002-2003 гг., охотничий наряд на ястреба надевают тут же, на месте лова, сразу же после поимки хищной птицы. Надев наряд на совершенно дикого ястреба, его сажают в тени деревьев на длинную, не толстую жердь – *ахышьлаба́, аскы́нцъ*, укрепленную под деревьями горизонтально, и с первых минут жизни ловчей птицы в неволе ей приходится учиться сидеть на шесте самостоятельно, то повисая на путиках вверх ногами, то вновь

сядась правильно на жердь. Это делается с лучшими ястребами, остальных же, как и повсюду в Абхазии, пеленают в платки – *ачабра илархэоит* и держат в тени (в траве под деревьями). Транспортируют ястребов домой так, как это описано выше, с помощью сети, если же их немного, то несут в горсти (участников лова бывает обычно 2–3 человека, способных нести от четырех до шести пойманных ястребов).

Доставив ястребов домой (а это обычно происходит к вечеру), ловец при свете неяркой электрической лампочки или, что ранее было чаще, восковой свечи, начинал надевать на птицу охотничий наряд. Прежде всего, надевались путики (опутенки), для чего ловец, взяв спелёнутого ястребка в левую руку, правой надевал поочередно на цевку каждой лапы самозатягивающуюся манжетку путиков, которую раскрывал предварительно как можно шире. При этом надо было аккуратно собрать пальцы в кулачок, чтобы они свободно проходили через манжету.

Затем развязывали и снимали с птицы пеленку, и держа ее в горсти в левой руке, правой освободив одно крыло, продевали его вместе с головой в петлю перевязи *аишърха́* (вариант *ахэдырхха́*), которая таким образом охватывала туловище птицы наискосок, как португя, проходя через одно плечо. Левое или правое это крыло было не важно, так как в процессе дальнейшей работы с птицей плечо, через которое проходила перевязь, менялось, чтобы избежать натирания и порчи перьев ястреба.

Тогда же к перевязи прикрепляют амулет от дурного глаза – *алашишэкэы*. В провощенную тряпочку, размером приблизительно 4х4 см, кладут кусочек угля, щепотку соли, кусочек от домашнего веника и кусочек белого собачьего кала и все это завязывают ниткой в узелок, который и подвешивается к перевязи на грудь птицы и по возможности прячется в оперение так, чтобы он не мешал движениям птицы.

Считается, что тогда человек с дурным глазом — *а́лаиццэгъа* не сможет нанести птице никакого вреда.

Все эти и последующие процедуры осуществлялись без перчаток, которые абхазы, в отличие от аджарцев, использовали в охоте редко, держа птицу на первых порах на рукаве, потом, когда она становилась ручной, и на незащищенной руке.

Затем приступают к кормлению еще дикого ястреба — *ау́йра*, *ахышь у́йра* с рук. При этом ястреба держат в горсти, а сваренное вкрутую и очищенное яйцо подносят ястребу чуть ниже клюва на таком расстоянии, чтобы птице было удобно клевать. Если птица отказывается сразу принимать пищу, то повторяют попытку ее накормить и при этом двигают яйцо перед клювом птицы, затем касаются им оперения груди, пальцев лап, а затем опять оперения до тех пор, пока ястреб не заинтересуется предлагаемым ему в качестве еды объектом. Если же птица решительно отказывается от предлагаемой пищи, то оставляют ее на ночь в покое, посадив перед домом под деревьями на горизонтально закрепленный шест, где он и остается до утра. Считается, что ястреб, принявший корм с первой попытки, будет хорошим ловцом. Иногда на яйцо капают несколько капель крови, чтобы возбудить его аппетит. Однако бывают случаи, когда дикая птица не принимает пищу вовсе, и тогда охотнику ничего не остается сделать, как отпустить ее на волю.

Если же ястреб стал принимать корм, то его начинают учить сидеть на руке охотника, что птице дается не сразу. Сначала она в страхе рвется, чтобы улететь прочь и повисает в путиках, концы которых зажаты в кисти сокольника. Охотник подхватывает ее левой рукой под грудку и возвращает на руку или легким рывком и одновременно кругообразным движением делает то же самое. Через некоторое время птица привыкает сидеть на руке охотника и самостоя-

тельно возвращаться на место, когда она теряет вдруг по той или иной причине равновесие.

На мой вопрос: «Почему ястреба кормят яйцом, а не мясом?» ответ был таким: «Яйцо дает ястребу силы, но не дает чувства насыщения. Птица, питаясь яйцом, не слабеет, но испытывает постоянно нарастающее чувство голода, теряет лишний жир, обретает хорошую охотничью форму, что совершенно необходимо для будущей успешной охоты с ней» [Г. Н. Симаков. Полевые материалы, 2002, с.9-11].

Таким образом, нам приходилось наблюдать держание ловчих ястребов без воротничка из бумаги, без лишения птиц на ночь сна, и которое ограничивалось лишь кормлением птицы, ношением ее на руке, частым поглаживанием ее оперения, ношением ее в присутствии людей и домашних животных и в местах автомобильных дорог.

Следует подчеркнуть, что при воспитании ястреба-перепелятника, которое в умелых руках продолжается не более трех дней, держание и вынашивание сливаются в единый этап подготовки птицы и разделить их практически невозможно.

М.Беляев сообщает нам, например, что в период пролета ястребов множество людей бродит по улицам Гудауты с ловчим ястребом на руке для того, чтобы приучить птицу к необычной обстановке человеческой жизни – к машинам, толпе, звукам поселка или города, к домашним животным и т.п. При этом вынашивание осуществляется в полном охотничьем снаряжении: «В таком виде ловчая птица совершила несколько вышеописанных прогулок по городу, будучи прикреплена концом поводка (должика – Г. С., А. Х.) к предплечью т. К.» [М.Беляев, 1930, с.86].

По нашим полевым материалам этап держания-вынашивания проходит следующим образом: охотник с ловчей птицей на правой руке посещает людные места. Вечером с

рук дают ей вареное яйцо. Кроме того, кормят и мясом без жира. Жирное мясо желудок птицы переваривает плохо, и она его отрыгивает. Вечером опять сажают на прежнее место, но уже без бумаги на шее, но с включенным светом. Рядом с насестом ставят таз с водой, чтобы ястреб мог напиться.

* * *

В классическом варианте за этим следует этап подготовки, который называется «хождение на руку», т.е. зовом ястреба на руку охотника, который держит в этой руке кусочек мяса, сначала с малого, затем уже и с большого расстояния. Расстояние между охотником и птицей постепенно увеличивается.

Однако ни литературные источники, ни наши информанты о таком приеме работы с ловчей птицей ничего не сообщают, из чего правомерно сделать вывод, что такой элемент приручения хищной птицы или отсутствовал в традиционной охоте, или игнорировался, ибо был не нужен в силу особенностей напусков перепелятников на добычу.

После держания-вынашивания, когда птица привыкнет к хозяину и окружающей обстановке, сразу же переходят к притравливанию – тренировочным напускам ястреба на живую добычу. Делается это следующим образом: после 3–4 дней работы с птицей ее морят голодом, а затем привязывают к должику длинный шпагат – *аедыкъ* (варианты: *аиадыкъ*, *адакъа*, *ала́р*), и ястребу показывают убитую птицу – *аңсы арбара* (букв. показывать мертвую), а затем подбрасывают ее к нему. Если ястреб набросится на птицу, то его притравливают на живого перепела – *абза арбара* (букв. показывать живую), привязанного на длинном шнуре с подрезанными перьями крыльев. Ястреба морят голодом до тех пор, пока он не станет набрасываться на живую и мертвую

приманки. После успешных напусков ястреба на мертвую и ограниченную в движениях добычу выходят на охоту.

Очевидец и участник охоты на перепелов М. Беляев описывает ее так: «На охоту мы пошли через неделю после поимки ястреба. Местом охоты служила вышеназванная кустарниковая заросль. Наилучшим временем для охоты считается ясное утро после дождливой или обильной росы ночи: намокшие перепелки вспархивают тогда особенно тяжело. Впрочем, вообще перепелки в этот сезон настолько жирны, что летают плохо.

Охота с подручной собакой, выпугивающей перепелов, считается наиболее добычливой. Нам, за отсутствием собаки, пришлось действовать – как и большинству абхазских охотников – несколько иначе. Подойдя вплотную к кусту, мой компаньон ударял по нему левой рукой тонкой жердью и тем выпугивал перепела, а как только последний вылетал, охотник быстро бросал с правой руки ястреба, одетого в вышеописанное снаряжение. Обычно ястреба бросают свободно, прямо на волю. Лишь иногда ястреба (менее «надежного») кидают прикрепленным к руке на поводке, но тогда последний значительно удлиняется.

Все искусство охоты заключается в том, чтобы быстро бросить ястреба точно по направлению взлета дичи. При этих условиях ястреб действует почти как автомат и бьет без усталости и промаха. Поразив свою добычу, ястреб обычно «беспрекословно» уступает ее своему хозяину. Вообще на охоте ястреб не «капризничает». В редких случаях, когда он «заартачится» и взлетит куда-либо на дерево, охотник стаскивает его оттуда за поводок (не зовет на руку, как это принято в классическом варианте, ибо при подготовке не обучался «хождению на руку» – Г.С., А.Х.). Бубенцы на ногах ловчей птицы дают возможность обнаружить ее даже в густой заросли. По сравнению, например, с ружейной охо-

той, охота с ловчим ястребом гораздо добычливей. Как уже сказано, ястреб действует почти всегда наверняка, и все зависит исключительно от выносливости охотника. При благоприятных условиях с одним ястребом можно добыть до сотни перепелов в день, а то и больше... Имея в виду массовость перепелиного осеннего пролета и распространенность перепелиной охоты среди жителей Абхазии, можно поверить словам одного абхазского охотника, который говорил мне, что в течение всей осени «перепелами кормится чуть ли не все население, по крайней мере, Гудаутского района» [М.Беляев, 1930, с.87].

По поводу самой охоты с обученным ястребом отметим, что после напусков ястреба на мертвую, а затем живую перепелку, в тот же день, к 5–6 часам вечера, когда спадет жара, охотник с ястребом выходит на охоту по-прежнему с длинным шнуром, привязанным одним концом к должику. Шнур складывают в виде восьмерки и держат его в ладони, другой конец привязан к мизинцу. Складывание шнура восьмеркой называется *арыуара*. Охотник держит в левой руке палку размером около 1,8–2 метров – *ачашэага лаба*, *ачашэалаба*, которая служит инструментом поднятия перепела на крыло – *ача ацырҭраара*. Ее делают из кизила – *абгызыр лаба* или лещины – *араса лаба*. За спиной охотника висит *ачатра* или *аишы́ра* – сумка для трофея. Раньше ее плели из коры черешни, а сейчас охотничья сумка приобретается в охотничьем магазине или делают сами охотники из сетки. Когда поднявшийся перепел выходит на прямую, на него напускают ястреба – *ахышь агэдырҭоит*, *ахышь аишьтарҭоит*. Нагнав и поймав перепела, ястреб садится на землю. Охотник подходит осторожно к ястребу со стороны головы, поднимает его и, отрезав ножом голову у находящегося в лапах ястреба добычи, снимает с нее шкурку, раскалывает череп пополам, подносит к клюву ястреба мозги и

глаза (*ахбаулашеи аблақәеи*). Ястреб, поклевывая, съедает их. А тем временем охотник отнимает пойманного перепела у ястреба, отжав задний палец лапы, а остальные разжимаются сами. Через 4–5 пойманных птиц процедура повторяется. К вечеру он возвращается домой. Через 1–2 дня снимает длинный шнур и вместе с ним меняет тренировочные путцы из шпагата на кожаные. Они подбираются по цвету, соответствующему цвету ястреба. С этого момента ястреб считается прирученным – *ахышь касахеит*. Хороший охотник держал два ястреба, меняя их по очереди и давая каждому возможность отдохнуть. Обученного ястреба уже держат под открытым небом. Замечено, что у ястреба, долго находящегося в закрытом помещении, покров тускнеет, а перья становятся ломкими.

Ястреб любит купаться – он очень чистоплотен. Для этого идут с ястребом к речке, забивают кол вблизи нее, привязывают птицу длинным шнуром – *аедыкъ* к колу и оставляют ее наедине с речкой. В присутствии человека он не решается искупаться и делает это после ухода человека из поля его зрения. Хозяин же, наблюдая из укрытия, ждет до тех пор, пока ястреб не высушит оперенья. После этого охотник с ястребом на руке возвращается домой.

Наши полевые материалы дают возможность внести некоторые дополнения собственно к охоте с ловчим ястребом, а именно: шнур, который привязывается к нитяным путикам при выходе на первую охоту, по рассказам информантов, с первого раза может прикрепляться и к кожаным путикам, так что смены путиков в первом и последующих выходах не происходит. При этом длина шнура от 20–30 метров в первые охоты, по мере привыкания птицы к охоте в новых условиях, может быть сокращена до 4–5 метров. Шнур необходим на первых охотах для следующего: если ястреб не взял добычу (упустил ее), то он может сесть на

ближайший высокий куст или дерево, откуда его и стаскивают с помощью шнура вниз (как мы уже говорили, абхазы не учат ловчих птиц хождению на руку). Кроме того, без шнура ястреб может и улететь прочь, и все труды по работе с ним окажутся напрасными. Когда птица привыкнет к охоте с человеком, ее можно достать с дерева за короткий шнур или за путики с помощью палки с вырезанными на одном ее конце крючком, длина которой достигает 1,8–2 м (см. фото). С помощью этой же палки – *ачашага лаба* охотник поднимает спрятавшихся в траве или кустарнике перепелов на крыло.

Важно подчеркнуть, что в Абхазии охотники носят ястребов во время охоты в горсти, броском из горсти производится и напуск ловчей птицы на добычу, что позволяет давать ей первоначальное направление полета и, главное, стартовую скорость. Ястребу не надо тратить время и силы на набор первоначальной скорости самому, что является преимуществом такого способа напуска, одновременно этот способ отрицательно влияет, как замечают В.Е. Флинт и А.Г. Сорокин, на состояние оперенья птицы. Птицы, с которыми охотились таким способом, порою оказываются негодными для отпускания их обратно в природу [В.Е. Флинт, А.Г. Сорокин, 1999, с.300]. Однако дома и на прогулках в Абхазии носят ястребов, как и повсюду, на руке. Кроме того, перепелятников приучают иногда сидеть на голове охотника, это удобно, когда руки хозяина заняты. Иногда хорошо обученные ловчие птицы при приближении к дому сами срываются с головы охотника и прилетают к чашке с кормом, которая их ожидает к этому времени, подготовленная кем-нибудь из домашних. При охоте с собакой (сеттер, спаниель и т.п.) она не только выслеживает и поднимает перепелов, но и сама их ловит (до шести перепелок за охоту).

Чистопородных собак привозили из России, но в сельских условиях они постепенно теряли породу, скрещиваясь с дворняжками, и чистопородных уже почти не осталось.

На охоту выходят в одиночку или парами (с товарищем), или небольшими группами. При этом следует соблюдать одно важное условие: находиться друг от друга на почти-тельном расстоянии, чтобы ястреба не подрались из-за добычи и не искалечили друг друга. При возвращении домой важно соблюдать два обычая: с одной стороны, следует делиться добычей со встречными, с другой стороны, следует как можно больше добычи принести домой. С этим противоречием приходилось сталкиваться любому охотнику.

Уходить на охоту лучше тайком, чтобы никто не смог взглянуть охотника, в противном случае удачи не будет.

Человеку, идущему на охоту с ястребом, уступают дорогу, не пересекают ему путь, приветствуя при этом формулой:

– *Уа ауры укәуп!* (букв. *на тебе да лежит деяние!*)

– *Еицхақәуп!* – (букв. *на нас совместно лежит!*), отвечает охотник встречному, если тот тоже с ястребом. Если же встретившийся просто прохожий, то ответ охотника таков:

– *Уа бзиара убааит!* (букв. *чтобы ты увидел хорошее!*)

Женщина, как правило, не здоровается, а останавливается и дожидается, пока охотник не пройдет.

Этим же приветствием обмениваются ловцы при ловле ястребов.

* * *

Абхазские охотники, равно как и сокольники Средней Азии, уделяли исключительное значение экстерьеру ловчих птиц, и прежде всего, окрасу оперенья, связывая это, как и

их среднеазиатские коллеги, с охотничьими ловчими качествами птиц.

Ловцам известны около 50 различных видов ловчих птиц. Абхазы устанавливают виды, в основном, по окраске. Их делят на *ажэла цқьақэа* – чистопородные, *анаицқэа*, *абжьаратэқэа* – гибридные, полукровные, средние и *ажэ-ладақэа* – беспородные. К чистопородным относятся:

1. *аишэакэа цқьа* – чисто белый;
2. *аөежь цқьа* – чисто желтый;
3. *ацшь цқьа* – чисто рыжий;
4. *аиқэацэа цқьа* – чисто черный;
5. *абжьаөаишьа цқьа* (букв. чисто неопределенный) с

вариантом *ахьшь блы* (букв. ястреб горелый).

Редкими считаются чисто белый и чисто рыжий. Они очень красивы и горделивы. До революции, поймавший ястребов этих видов, обязан был преподнести их своему князю или владельцу. Чистопородных иногда называют *тауади-аамыстеи* (букв. князя и дворяне). Их узнают по наличию рисунка в подхвостье, который является продолжением пестрины, имеющейся на груди. Про такого ястреба говорят *ацыхэ лагзоуп* (букв. хвост доведен донизу). Если же в подхвостье отсутствует рисунок – *ацыхэ лагзам* (букв. хвост не доведен донизу) и такой меньше ценится. Среди чисто белых встречаются мохноногие особи. Про таких говорят *аи-қэа ашьоуп* – «на него надеты штаны», «он в штанах», или *аимсы ашьоуп* – «на него надеты ноговицы», и это считается самой высокой оценкой. За сезон по всему Гудаутскому району попадают не более одного-двух таких экземпляров. Владелец такого ястреба является удачником и счастливецом. К нему едут любители ястребиной охоты со всех концов, чтобы полюбоваться на такого красавца. Известен случай, когда такой ястреб обменяли на вороного скакуна с седлом. Следует отметить, что при отдавании или дарении,

хозяин ястреба, так же, как при продаже скота, снимает с него снаряжение, а принимающий приносит с собой свое или же забирает ястреба, запеленав его в свой платок.

Пестрины на груди ястреба называют *ацьоухар* – узор, *амаца* (букв. игральная карта), имеется в виду масть виней, *аоыра* – роспись, *ашет* – цветок.

К средним, рабочим, неприхотливым ястребам относятся *ашьнакмақа* – мещане или *анаишақа* – помеси, гибриды, межеумки, полукровки. Ими являются: *архыншитэла* (букв. цвет дерябы), *ахшитэла* (букв. золотистый цвет), *ашиь-шкэакэа* (букв. рыже-белый), *аежэ-шкэакэа* (букв. желто-белый), *акьяныш* (букв. белокурдючный, белоподхвостый), *ашиь-блы* (букв. рыже-горелый, рыже-палёный), *аежэ-блы* (букв. желто-горелый, желто-палёный) и пр.

Известны также очень редкие, но высоко ценящиеся виды ловчих птиц, как, например, *ахэыхэрыхыш* (букв. голубиный ястреб). С ним охотились на голубя – *ахэыхэ*, горлицу – *акэараса*, фазана – *абнакэты*, вальдшнепа – *ацаблыкь*. Приручали также ястреба-тетеревятника, пустельгу – *акэытрыхыш* (букв. куриный ястреб), с которым охотились на фазана, водоплавающую птицу, зайца, а также *араңхышы* или *алахэахышы* (букв. араң – негр, *алахэа* – ворон) – ястреб черного цвета, очевидно, карликовый орел, или *ашьхахышы* – сокол-сапсан с вариантами *акья*, *ашьауардын*.

Среди абхазских сокольников большой популярностью пользуются *ахэыхэрыхыш*/ *ахэыхэхышы*, *акья*/ *ашьхахышы*/ *ашьауардын*, *алахэ(а)хышы*/ *араңхышы*/ *арабхышы*. Приведем наиболее характерные особенности, отмечаемые знатоками ловчих птиц.

Ахэыхэрыхыш/ *ахэыхэхышы* (от *ахэыхэ* – голубь, *р* – притяж. афф. III л.мн.ч. со значением «их», -*хыш*/ *хышы* – от *ахыш* – ястреб, ловчая птица; букв. голубиный ястреб).

Ахэыхэрыхышь ахэыхэңири аманы икоуп, убри аз'оуп ахэыхэрыхышь з'ахъзу (Агумаа Кута. Запись 1983г.). – По внешнему виду голубиный ястреб похож на голубя, поэтому его называют голубиным ястребом.

Ахэыхэрыхышь ахэыхэ акуеит аз'оуп ахэыхэрыхышь з'ахъзу, абжъарагыи мариоуп. Ахэыхэрыхышь ахы хэыч-ны, азкэ ахэыхэ еиңиуп, акоуп икоу. Уи алоуп излоудыруа, ашэтқэа ануп, ацыхэ лагзоуп (Барцыц Алексей. Запись 1986г.). – Голубиный ястреб ловит голубей, поэтому его называют голубиным ястребом, он легко поддается дрессировке. У голубиногo ястреба голова маленькая, спина как у голубя, один вид. По этому признаку его опознают, разрисован цветочками (т.е. пестрины – А.Х.), хвост доведен.

Ахэыхэрыхышь еилых амазым, ачеи ацаблыкыи еилна-зом. Иабит – иакит. Аз'аз'а иаңешэазом. Ахахэда иаа-кэыришаны иикэакэоуп. Акэакэ ахэыхэ акэакэ еиңиуп. Ахы ақэңэ еиқэаңэоуп. Агэың аңыоухар иану еиқэа-ңэоуп, иантккыла, ңыоухарңсараха, ңыоухарркха ико-уп. Ахэыхэрыхышь акыр имачуп (Куарацхелия Тач. Запись 21.08.1986г.). – Голубиный ястреб не разборчив – ловит и перепелку, и вальдшнепа. Увидел – поймал. Не боится росы. Вокруг шеи белое кольцо. Спина как у голубя. Макушка черная. На его груди имеются черные пестрины. Они ярко выражены. Хвост доведен. Все брюхо разрисовано пестринами. Голубиный ястреб довольно редок.¹

Ахэыхэрыхышь акэакэ ахэыхэ акэакэ аңиштэы амоуп, аблақэа џежъакакараза икоуп. Ахэыхэрыхышь ақааңахэы акразы ианлеиуа, хахъынтэ шыапыла илеиуеит. Изкуазаа-лак иоурышьтјеуеит, абжъара цэгъоуп азы. Иуқаңалоит, улақэа тнахуеит. Анапағы иманишэалам (Авидзба Георгий. Запись 05.09.1986 г.) – Цвет спины голубиногo ястреба

¹ По объяснению Куарацхелия Тача это, очевидно, чеглок. У чеглока вокруг шеи белая полоска и голова у него черная (А.Х.)

похож на цвет спины голубя, его глаза ярко-желтые. Нападая на свою жертву, он идет на нее, выбросив вперед лапы. Кто бы его не поймал, отпускает из-за его строптивного нрава. Он тяжело приручается. Кидается в лицо, бьет в глаза. Неудобен на руке.

Ахэыхэхышыы, ахэыхэрыхышь ахэыхэ акойт. Ахэыхэхышыы хэа из'аиш'тоу уи аз'оуп. Хышыы бзиоуп. Егьырт ахышкэа рааста ахы поуп. Ианытыруа ахэыхэ еиши, ацэыртэырхэа ажэаа акьойт, иааңсазом. Ахэычы, аду хэа икоуп. (Инапха Алексей. Запись 11.09.1986г.) – Голубиный ястреб ловит голубя, поэтому его называют голубиным ястребом. Хороший ястреб. Его голова тоньше, чем у других ястребов. При полете он, подобно голубю, машет крыльями, не устает. Различаются большая и малая разновидности.

Ахэыхэрыхышь ыкоуп, акэыткэа акойт. Цэаанцэыка иц'аны икиоит (Акиртава Саша. Запись 1986г.) – Есть голубиный ястреб, ловит кур. Поднявшись ввысь, бьет свою добычу.

Акьа / аиш'хахышыы / аиш'ауардын – сокол-сапсан.

В одной нашей записи об *акьа*, в частности, говорится:

Акьа – хышыы жэлоуп. Цэгэала иласуп, иц'аруп, иц'ба-роуп. Амцыжэақэа паны иаууп, ианытыруа атыртыр-хэа иакьойт. Акьа иарбан ңсаатэзаалагь агэхэаа акым, ианыкишо ажэаа абжсы цэгьоуп. Ахеиши «еыжэжэ» хэа абжсы гоит. Шамаха иныкэацэазом. Амцыжэаа ақэ ырлакны итыруеит. Бзың Акэарбжсы хэа иахашытоу ирацэан ңса.

«*Акьа кылцэраа ислеуаз, аиш'абстэ амгэа инақэшэан, амгэа инкылууаа иц'еит*», – *рхэон ажэытэқэа. Убриака-ра иласуп, иц'бароуп акьа* (Хеция Джота. Запись 1985г.). – Акьа – из породы ястребов. Очень быстрый, энергичный, горячий. Крылья тонкие, длинные. При полете быстро машет. Акьа ни одной птице не уступит. Когда бьет, его крылья

издают страшный звук, напоминающий рикошет пули. При полете вершина его крыла согнута. Раньше их было много в местности долины реки Бзыбь, называемой Акэарбжъа.

«Однажды акъа, пролетая низко на предельной скорости, случайно ударилась о брюхо косули. Мгновенно пробив насквозь ее живот, она вылетела оттуда и продолжила дальше свой путь», – говорили старые люди. Вот такая быстрая и горячая птица акъа.

Название этой птицы используется и в художественной литературе в качестве метафоры, чтобы подчеркнуть темперамент героя:

– *Ахьшьыцба бхэахт... акъа бымбахъеи, акъа?*

– *Иишасымбац. Ақытағы саныказ ауп. Ёнак зны ажэ-
ван иалагырзуиэа еиқэацаза илацыришеит. Нас зегъы
фыртын шытыбжык хәхәит, аха ахатахәа акгъы ыка-
замызт... Сашьа иханы имаз ахьшкыга катә ахы итәр-
ңаны дырөггых ажэван агэы ианацоз ауп иангәахта*
(А. Цьсниа. «Анмирах – ыцъа рынцәахәы. Акәа, 1990. с.125).

– Ты говоришь ястреб, какой же это ястреб... сокола видела, сокола?

– Как не видела. Это было в ту пору, когда я была в селе. Черным пятном однажды что-то сорвалось с неба, словно слеза. Потом мы все слышали шум урагана, но не было видно его самого. Заметили мы его лишь тогда, когда он уже поднялся ввысь с сетью, которая была настрожена моим братом для ловли ястребов.

Имеется пословица со словом *акъа*:

Уага ачынча данакароу – уара акъа уафызаз (букв. Если твой враг размером с крапивник – ты будь соколом).

«Акъа» – сокол – птица своенравная, трудно поддается приручению, поэтому многие сокольники, поймав его, отпускают.

Абхазским сокольникам известны разновидности соколов *акъаџишь* (букв. рыжий сокол), *акъаџитѣала* (букв. цвета сокола), *акъарыхъишь* (букв. соколиный ястреб), *аишьха-хъишьы* (букв. горный ястреб), *аишьауардын*. Приведемлевой иллюстративный материал:

Акъаџишь, акъаџитѣала, аѣежь, аѣежь-ишкѣакѣа, аѣежь-блы, аџишь-блы, араџхъишьы – арт зегъы ахъишькѣа рыџитѣкѣа роуп (Цушба Валико. Запись 1990г.). – (букв.) Сокольно-рыжий, соколоцветый, желтый, желто-белый, желто-паленый, рыже-паленый, черный ястреб (букв. негр-ястреб) – это масти ястребов.

Акъаџитѣыла акоуп икоу, идууп, иѣежьишѣа илаишьтуп асахъа: аџвар, амаѣа анылазом ииѣтны (Барццц Алексей. Запись 1986г.). – (букв.) Соколоцветый только один вид имеется, он большой, рисунок (пестрина – А.Х.) желтоватый, опускается вниз по брюху, ни креста, ни вини у него в качестве цветка не бывает.

Акъаџитѣыла – хъишьуп, ирбжьоит, ача аларкоит (Дочия Акакий. Запись 20.08.2001г.). – (букв.) Соколоцветый – есть такой ястреб, его приручают, им ловят перепелок.

Акъарыхъишь хѣа икоуп, ибзиоуп. Акъеиџи еилаџсоуп иѣѣа-хѣаны, амаѣеиџи. Зѣыхѣ лагзоу ыкоуп, илагзам ыкоуп. Илагзам хѣѣуп (Куарацхелия Тач. Запись 21.08.1986 г.). – (букв.) Есть так называемый соколястреб, он хорош. Пестрины у него как у сокола, в линию, вини карточные. Есть с рисунком на подхвостье и без него. Последний маленького размера.

Алаџхъишьы / араџхъишьы – очевидно, это карликовый ястреб (*алаџхѣ* – ворон, *араџ* – негр, *хъишьы* от *ахъишь* – ястреб).

Сокольники этой хищной птице дают следующие определения:

Алаџхъишьы хѣа икоуп, алаџхѣ еиџи еиѣѣаѣѣоуп. Араџхъишьыгы рхѣоит – аѣбагы акоуп. Аѣѣардѣына еиџи икоуп аџитѣы. Аишьаны ахѣы аѣѣуп, хѣыѣла ихѣоуп,

аимсы ашьоуп. Ахэ иакэу ахьссы, еиқэацэоуп. Ашьацэа ахэы ақэуп, ашьапхыс'кэа убазом, ихнаоит. Аура кьаеуп ахьшь. Алаҳэхьшьы ахьшь икэакэа ацкьысгьы еиғьуп. Аңира цэгьоуп, азэы иурбар, иңхоушьап, аха ачакрағы ицьбароуп. Зверь ястреб (Инапха Алексей. Запись 11.09.1986г.) – Есть так называемый вороновый ястреб, он черный, как ворон. Его также называют негр-ястреб. По окрасу он похож на скворца. Цевка покрыта оперением, «надета ноговица». Оперение провисает, по цвету черное, пальцы ног ворсистые, когти покрыты, их не видно. Длина ястреба короткая. Черный ястреб лучше, чем белый ястреб. На вид страшный, стыдно кому-либо показывать, но на перепелиной охоте он очень темпераментен. Зверь ястреб.

Араңхьшьы ақэаб еиңи еиқэацэоуп, агэыц ацьоухар еиқэацэоуп, алақэа зроуп, акэакэ еиқэацэоуп, ацыхэ аакьаеуп, ибжэоит, ибзианы иакоит (Куарацхелия Тач. Запись 21.08.1986г.) – «Негровидный» ястреб черный, как медный котел, глаза светлые, спина черная, хвост коротковатый, приучается, хорошо ловит.

Араңхьшьы аламала уафы изыкзом. Агэыцгьы акэакэ-гьы еиқэацэоуп, аблеи ашьати уафы ис'имбац' еиңи икаңшьуп (Жиба Михаил (Макьыта). Запись 29.08.1986г.). – «Негровидного ястреба не так легко добыть. И брюхо, и спина черные. И глаза, и ноги слишком красные (Очевидно, из-за яркой желтизны – А.Х.). Из-за того, что он черный, его называют негроястребом.

Алаҳэхьшьы азқэ, агэыц, аңышэ – зегьы еиқэацэоуп, аңсы таны, ача узамхзом рхэоит (Псардия Алексей. Запись 15.08.1986 г.). – Спина, брюхо, клюв вороного ястреба – все черное. Говорят, пока он жив, не отдаст пойманную перепелку.

Араб хьшьы еиқэацэоуп, агалка ҳа иками, абанс икоуп, иаабац хьшьык иакароуп. Ашьапхыцкэа дууп, икаңшьуп

ашьаргэацэггы, ахабыцггы каңишун (Дочия Акакий. Запись 20.08.2001 г.). – Арабский ястреб – черный. По цвету подобен галке, размером как обычный ястреб. Когти большие, красные, цевка и клюв также красного цвета.

К ястребам, не пригодным для охоты, относятся *амылмыц* (с вариантом *амармалыц* в абжуйском диалекте абхазского языка), *аандрыхышь* (с вариантом *аандылас'* в бзыбском диалекте), *ахышьба́, ахышьра́н, акэты́бла* (с вариантом *акэтры́бла*), *аерыхышь* (осоед, с вариантом *арцуфа* букв. кузнечикоед) и др.

Помимо сведений по добыче ястребов, их воспитании и охоте с ними, в полевых материалах содержатся сведения, касающиеся и других сторон ястребиной охоты. Так, например, ястреб может заболеть. Наиболее распространенными болезнями, известными среди ястребиных охотников, являются *а́жэахъ* – болезнь крыла, *ачаркэа́кра* – судорога, *ашьапéилахэара* – сведéние пальцев, *ала́щи* – сглаз. Известны и способы их лечения.

Так, при болезни крыла «*а́жэахъ*» у ястреба крыло опущено, провисает, и он не может летать. Как объясняют знатоки, причиной болезни является повреждение подмышечного бугорка вследствие неосторожного сильного нажима на него. Эффективных средств лечения нет, ястреба отпускают.

При судороге «*ачаркэа́кра*» ястреба сажают на предвательно нагретый на костре теплый насест из свежесрубленного и ошкуренного инжирового дерева. Сеанс повторяют несколько раз до излечения ястреба.

При болезни «*ашьапéилахэара*» – сведéние пальцев – при полете и захвате жертвы пальцы ястреба преждевременно сжимаются в «кулак», и он не может взять добычу и наносит удар «кулаком» (*та́чкэымла иасуеит, икшоит*). В таких случаях к среднему выпрямленному пальцу ястреба по бокам накладывают две спичинки и перевязывают нитка-

ми или обматывают навощенной тряпкой, чтобы он не смог согнуть его, а оставшиеся свободные пальцы хватают перепела, и ястреб садится сразу же, боясь упустить добычу.

По убеждению большинства наших информантов, ловчая птица, как все красивые и нежные живые существа, их детеныши, а также и взрослые особи, в том числе и люди – подвержена сглазу «а́лаңи», «алаңи́кра́» (букв. ала – глаз, ңи – основа слова «аңира» – смотреть, «акра» – «поймать», «ловить», «держатъ»).

«Ахышь алаңи акит» (букв. ястреб поймал взгляд), «ахышь алаңи аахеит» (букв. ястреба ударил взгляд), «ахышь алаңи ачычоуп» (букв. к ястребу пристает взгляд) – ястреб подвержен сглазу, – говорят сокольники. Симптомы «сглаза» таковы: ястреб становится вялым, апатичным, сонливым, часто зевает, оперение взъерошено, крылья опущены, на пищу не реагирует. Для исцеления от этого недуга ястреба несут к целительнице «а́тә́хәа» (от глагола «а́тә́хәара» – дуть), которая проводит несколько сеансов «алаңи тә́хәа» (с вариантом «алаңи́шә́тә́хәа») утром, в обед и вечером – по три раза при каждом посещении. Так, по сообщению нашей информантки, к ней, как к целительнице, обращались многие сокольники со своими больными ястребами для совершения вышеназванного обряда исцеления (а́хәи́шә́тә́ра). Она любезно согласилась на мое желание записать текст этого заговора. Ниже приводится текст на абхазском языке с последующим нашим подстрочным переводом:

Аҳаша зыркәтәыз,

Абна ецыс зыркьыркьырыз,

Лаңишь цәаңишь тәст,

Лағра цәағра тәст.

Ашьха бгъыңи ага бгъыңи еиқәзыршәз

Абыжышьхак ирхысцан,

*Абыжыцэымызк ирхасцалт.
Нан лхьы гэыгэым каҳан, ибзалт,
Алаңишыцэҭа, аҭаңишыцэҭа,
Ила тҭкьоуп, иҭы тҭкьоуп,
Ила тҭыблаауп, иҭы тҭыблаауп!
Цффу, пффу, пффу.*

*Хьнтэ уатәҳәоит, хьнтэ иухәоит. Аены лымишиа-
разар, датәҳәазом. Алаңи ибааңсу ыкоуп. Ускан аҭыька
лнааҭы икны датәҳәоит, алаңи лара лахь имиасразы (со
слов Цкуа-Барцыц Дзабули (Венеры) Миктатовны. Роди-
лась 21.01.1925 г. в с. Звандрыпщ Гудаутского р-на. Записа-
но в феврале 2005 года в с. Блабырхуа Гудаутского района
Республики Абхазия).*

Заставивший белый камень замшеть,
Заставивший лесного (т.е. дикого – А.Х.) жеребенка за-
ржать,
В рыжий глаз – рыжую занозу,
В пестрый глаз – пеструю занозу.
Соединивший горный листок с приморским листком,
Прогнав через семь гор,
Насадил на семь гвоздей.
Золотой кувшин Богородицы упал и покатился.
У злогозлого, у зловзглядого,
Глаз выбит, рот разорван!
Глаз выжжен, рот выжжен!
Пффу, пффу, пффу!

«Трижды дуешь от головы к хвосту, трижды произно-
сишь текст. Есть злой взгляд, поэтому целительница держит
в руке щепотку поваренной соли и исполняет заговор, что-
бы сглаз не перешел к ней».

По сообщениям многих информантов был также специ-
альный заговор от сглаза только для ястребов, но, к сожале-
нию, пока не удалось зафиксировать его.

От чрезмерной эксплуатации ястреб может истощиться, ослабеть. В таком случае его закрывают в помещении и кормят свежим сыром, нежирной дичью или еще не прозревшими амбарными мышатами. Ястреб быстро поправляется и через 3–4 дня входит в форму.

После окончания сезона охоты на перепела (к 15 ноября) ястреба уносят в лес, накормив досыта и благословив его, прощаются с ним, сняв предварительно с него снаряжение – *ахьшь аилыхра*, букв. раздевание ястреба, отпускают на волю. Бывает и так, что ястреб возвращается домой и садится на свое привычное место под тенью дерева во дворе.

Если ястреб понравился хозяину, то оставляет птицу для следующего сезона. Для этого он сооружает специальный вольер из проволочной сетки с разновысотными насестами-перекладинами или держит ястреба в амбаре. Часть вольера при этом должна быть без крыши под открытым небом. Кормят птиц, свежей рыбой, тощим мясом, грызунами, свежим сыром, творогом. Соль и продукты из перца (аджика, например) смертельны для ястреба. Есть даже проклятие, обращенное к ястребу: «*Ацъыка, ацъыкацэацэа уазиахаа-ит*» – чтобы ты сдох (букв. чтобы ты был создан для соли, аджики). С наступлением нового охотничьего сезона его заново приручают.

У перезимовавшего в неволе ястреба, по рассказам знатоков, к концу лета заканчивается линька и меняется окрас. Такого ястреба называют *ахьшьжэйтэ*, *ахьшьрыжэ* – старый ястреб. А пойманного при перелете прошлогоднего или других лет дикого ястреба ловцы узнают по глазам, и он называется *акапéт* с вариантами *акапíт*, *акапы́т*. Он плохо или вовсе не поддается приручению, поэтому его отпускают в тот же день после окончания лова. Возраст ястреба определяется также по величине отметины на цевке лапы, которая имеется сзади.

Слово *ахышь* в абхазском языке употребляется в двух значениях. В более узком терминологическом – *Асциртер нисус* (ястреб-перепелятник) имеет варианты *а́чахышь*, *ачары́хышь*, *ахышьы́цба́*. В расширенном словоупотреблении – «ловчая птица», к которым относятся соколы и кобчики. Если необходима конкретизация, то для отдельных видов ловчих птиц имеются соответствующие термины: *акьа*, *акьарыхышь*, с заимствованием *ашьауардын*, *ахэыхэрыхышь*, *акэтрыхышь*, *аандрыхышь*, *ахышьран*, *ахышьца*, *ахышьба*, *алахэахышьы/араҭхышьы*, *ахахэхышьы*, *аккарахышьы*, *адэыхышь*, *ашьхахышьы*, *акэтыбла/акэтрыбла*, *амылмыц/амармалыц* и др.

В абхазском, как и во многих языках, лексема *ахышь* употребляется и переносно в нескольких значениях: *ахышь дафьзоуп* – подобен ястребу, т.е. быстр, энергичен, ловок, красив, статен, изящен, горд и пр.; *ахышь блақәа* – яркие, выразительные, горящие, живые, зоркие глаза; *ахышь ҟынца* – ястребиный нос, соответствует русскому «орлиный нос». В абхазском языке известно древнее женское имя *Хышьы*.

Ястребиная охота, использовавшаяся до революции, главным образом, для удовлетворения практических потребностей, в наше время превратилась в национальный вид спорта и как зрелищное мероприятие. Среди сокольников известны такие имена, как Чамба Митра (с. Куланыхуа), Куарацхелия Тач (с. Дурыпш), Барцыц Алексей, Дзидзария Михаил (с. Лыхны), Гумба Георгий (г. Гудаута), Инапха Сергей, Псардия Алексей, Псардия Люфа (с. Бзыбь), Жиба Николай (с. Мгудзырхуа) и многие другие.

До начала грузино-абхазской войны (1992–1993 гг.) при «Абхазском охотобществе» функционировала секция ястребиной охоты. Она выдавала лицензии на отлов птиц для спортивных целей. Лица, занимавшиеся ловлей птиц без

лицензии, считались браконьерами и привлекались к ответственности.

На народных праздниках «Лыхнашҭа» и «Мықәашҭа» проводятся выставки ловчих птиц, где демонстрируют свое искусство знатоки и мастера соколиной охоты. Здесь желающие могут получить квалифицированную консультацию.

* * *

В заключение описания ястребиной охоты у абхазов скажем несколько слов о некоторых признаках начинающегося упадка этого вида охоты в наши дни.

Во-первых, ястребиная охота на перепелов в Абхазии, как и повсюду, где была и есть соколиная охота, стала активно вытесняться ружейной охотой на ту же птицу. В сезон перелета ястребов и перепелов в окрестностях абхазских сел по утрам и вечерам раздается непрерывная стрельба из охотничьих ружей. Охота с ружьем требует гораздо меньше сил, знаний, навыков и времени, чем охота с ловчим ястребом. Кроме того, ружейная охота менее эффективна, чем охота с обученным ястребом. К тому же, при ястребиной охоте подранков не бывает, как при подружейной. На 10 человек охотников приблизительно 8–9 приходится тех, кто охотится с ружьем и только 1–2 с обученным ястребом. Замечено также, что мясо пойманной ястребом перепелки по качеству превосходит то, что добыто подружейной охотой. Об этом сказано так: *«Хьшьла иукуа ачеи шәақьла иушьуа ачеи еиҭшхом. Хьшьла иукуа ача ажьы кәымиәыиәза ик-алоит. Шәақьла иушьыз ача кьакьахоит, ажьыы еиқәац-әахоит»* [передача «Азыхь» АГТРК от 25.09.2006, автор Гарри Дбар]. – Есть разница между пойманной ястребом перепелкой и убитой ружьем перепелкой. Мясо пойманной

ястребом перепелки мягкое. Мясо убитой ружьем перепелки становится жесткой и цветом темной.

Во-вторых, следствием такого положения является некоторый упадок мастерства в вынашивании и обучении этой ловчей птицы.

В-третьих, признаком упадка ястребиной охоты у абхазов является и то, что в ловле ястребов принимает участие значительное количество людей, которые иногда отлавливают до 10, а то и 15 птиц. Но воспитанием их не занимаются и не охотятся с ними, а отпускают на волю или раздаривают родным и близким. Нам не раз приходилось видеть необученных ястребов-перепелятников, которые сидят в полном наряде на насестах в течение длительного времени, не подвергаясь вынашиванию, обучению и использованию в охоте по этой причине. По истечении времени этих птиц, в лучшем случае (так и не использовав в охоте), отпускают на свободу, после чего они несколько дней кружат у дома хозяина и затем уже улетают на юг. В худшем же случае ястребы погибают от неумелого с ними обращения.

В сезон охоты все, кому не лень, занимаются отловом перепелятников, ибо дело это несложное, азартное и дает оно массу острых ощущений. Но, увы, по отмеченным выше причинам, часто работа с ястребом на этом и заканчивается.

Природоохранная деятельность и, в частности, та ее часть, которая отвечает за охрану хищных (ловчих) птиц, поставлена в настоящее время в Абхазии крайне неудовлетворительно.

В целом же традиционная национальная охота с ястребом-перепелятником, как и в других регионах, где охота с ловчими птицами была традиционной, как нам представляется, находится в Абхазии уже под надвигающейся угрозой исчезновения, если на сохранение ее не будут затрачены время, усилия, средства и энтузиазм. Однако, справедливо

будет сказать и то, что традиционная ястребиная охота у абхазов, сравнительно с той же Средней Азией, пока еще хорошо сохранилась, что объясняется как природными условиями Абхазии, так и глубиной и устойчивостью ее охотничьих традиций.

* * *

В заключение повторим некоторые комментарии этнографического характера, касающиеся специфических черт ястребиной охоты у абхазов.

Новым для нас фактом было то, что в Абхазии ястреба-перепелятника кормят не мясом, как повсюду, а сваренным вкрутую яйцом. Тут вспоминаются следующие факты из соколиной охоты в Средней Азии и Казахстане. Яйцо любой птицы, и хищной ловчей, в первую очередь, рассматривалось как символ всяческого плодородия и плодовитости. Поэтому кормление перепелятника куриным яйцом также обнаружило свою практическую целесообразность лишь со временем, имея первоначально значение магического акта, способствовавшего, прежде всего, плодородию и плодовитости самой природы, зерновых и домашнего скота, а также промысловых животных и самих ловчих хищных птиц. Подобное действо, по-видимому, входило некогда в культ хищных птиц и существовало на определенной стадии повсюду, где существовал этот культ и возникшая на его основе соколиная охота, но сохранилось как пережиток лишь в соколиной охоте Абхазии.

Что касается хождения на руку, то отсутствие этого этапа работы с ловчей птицей в абхазской соколиной охоте, который чрезвычайно важен в соколиной охоте вообще, уже не предположение, а факт, который следует из описания, сделанного свидетелями, очевидцами и участниками тра-

диционной народной охоты у абхазов (по меньшей мере в районе г. Гудаута). Ястреб напускался и напускается в наши дни на перепелку или иную добычу на длинном поводке (шнуре), который одним концом крепится к руке охотника, а другим – к перевязи, которая проходит наискосок поверх груди и под крылом перепелятника, и за которой мы неоднократно имели возможность наблюдать в экипировке перепелятников в Абхазии и Аджарии. Если ловчая птица после неудачной атаки садилась на дерево или высокий куст, то за этот поводок (не зовом на руку с помощью кусочка мяса) она стаскивалась хозяином вниз. Этот факт впервые обнаружен нами в контексте соколиной охоты абхазов. Ничего подобного нам не встречалось в контексте ни азиатской, ни европейской соколиных охот.

Объяснение этому факту мы находим в следующем. Смысловым центром некогда существовавших напусков хищных птиц на живых животных являлся сам факт поимки ловчей птицей (культовой птицей) добычи. При этом не исключено, что сам напуск осуществлялся священнослужителями, ответственными за культ, с помощью длинной нити. Призывать же птицу на руку с помощью кусочка мяса человек научился позже, с развитием из культа хищных птиц, собственно, соколиной охоты.

Таким образом, в абхазском и аджарском вариантах подготовки ловчих птиц мы видим сохранение до наших дней наиболее архаичного неполного варианта работы с ловчей птицей (без хождения на руку), что, тем не менее, позволяет успешно охотиться с ней и в наше время. По тем же причинам в грузинской и азербайджанской соколиных охотах мог отсутствовать обязательный повсюду, где есть соколиная охота, этап вынашивания ловчей птицы.

Несколько слов об использовании сорокопута в качестве манной птицы. В Средней Азии и Казахстане, насколько

нам известно, сорокопут в этом качестве не использовался. В европейских соколиных охотах (в том числе в русской) его применяли в качестве манной птицы.

Обращает на себя внимание в кавказских материалах (абхазы, аджарцы-грузины) одно обстоятельство, а именно то, что в одном случае (абхазы и аджарцы) над глазами сорокопута наклеивают кожаные шоры, чтобы он не видел ястреба и не притворялся мертвым, в другом случае (кахетинцы) сорокопута используют без каких бы то ни было шор. Мы можем осторожно предположить, что наклеивание шор абхазами и аджарцами исторически имело в своей основе не только иррациональное представление о том, что при появлении в небе хищной (ловчей) птицы все живое на земле от страха и почтения замирает до тех пор, пока хищная птица не сядет на землю или дерево и т.п. Подобные представления широко бытовали, например, у народов Средней Азии и Казахстана, имевших сильно развитую и древнюю соколиную охоту.

Коснемся теперь конструкции сети для ловли ястребов в Абхазии и в Аджарии. Конструкция эта достаточно самобытна, хотя сам принцип накидной сети существовал как в европейской, так и в азиатской соколиных охотах. С ритуально-магической точки зрения обращает на себя наше внимание тот факт, что сеть перед поимкой ястреба составляет одно целое со стенкой шалаша-скрада, где прячется ловец. Дело в том, что многие конструкции сетей для добычи ловчих птиц в Средней Азии и Казахстане (у каракалпаков, казахов, киргизов) имеют вид, отдаленно напоминающий человеческое жилище, будь то юрта, землянка, дом и т.п. При этом подобное сходство не всегда имело только функционально оправданное значение. Из этого факта рождается предположение, что сам факт поимки означал магический и фактический переход хищной птицы из небесной сферы

в человеческое жилье, что должно было сверхъестественным путем способствовать процессу ее скорейшего одомашнивания, вхождения в земной человеческий мир. Именно по этой причине, как можно предположить, рабочая часть сети у абхазов и аджарцев составляет единое целое с шалашом (моделью примитивного человеческого жилища). Заметим в заключение, что скрад и сеть в большинстве современных приспособлений для ловли хищных птиц находятся на некотором расстоянии друг от друга.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на основании сравнительно скудных полевых и литературных данных, мы прокомментировали соколиную охоту на Кавказе с точки зрения охотничьей и ритуальной теории и практики. При этом наш комментарий основывался, прежде всего, на тех общих закономерностях, которые выявлены предшествующими исследователями и нами в культе хищных птиц в Сибири, в Средней Азии и Казахстане, на мусульманском Востоке и в Европе.

Нам явно не хватает ни полевых и ни литературных данных по Кавказу, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно выявить специфические черты кавказской соколиной охоты, своеобразие ее практического и ритуального развития. Однако некоторые черты (о которых подробно речь шла выше) нами были изучены, что дает основание предположить, что охота с ловчими птицами на Кавказе имела определенное своеобразие как в регионе в целом, так и у отдельных его народов.

Наиболее существенной частью предлагаемой читателю работы является то, что нам впервые удалось дать сводное описание ястребиной охоты у абхазов как на основании трудов предшественников (прежде всего Беляева М.), так и наших полевых материалов, которое дает представление о состоянии и особенностях этого вида охоты у абхазов с 30-х годов прошлого века по настоящее время.

Таким образом, эти очерки мы рассматриваем как первую попытку описать и прокомментировать с позиции этнолога и лингвиста охоту с ловчими птицами лишь у некоторых народов Кавказа (в основном, абхазов, адыгов, грузин, армян и азербайджанцев).

Из этого следует, что дальнейшая работа по изучению этого вида промысла и спорта на Кавказе, кем бы она не проводилась, без сомнения, внесет коррективы в рассмотренные выше материалы и в их оценке, как с точки зрения специфических черт, так и уточнения общих положений.

Основной задачей, таким образом, остается дальнейший сбор полевых и литературных данных, которые напрямую или косвенно относятся к этой, столь слабо изученной, но, несомненно, как мы это пытались показать, важной теме. Важной для изучения древних истоков религиозных воззрений, социальных и отчасти экономических отношений, народного права, военного дела, специальной лексики народов Кавказа, и, конечно же, с точки зрения и генезиса, и исторического развития соколиной охоты в самом кавказском регионе, а также как явления глобального.

ЛИТЕРАТУРА

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Айба М.В. Опосредованные (предметно-вещевые) средства общения у абхазов // Абхазоведение. Выпуск I. Сухум, 2003.

Аказара (Искусство) – орган Министерства культуры Республики Абхазия (на абхазском языке). Сухум, 2004.

Альбов Н. Ботанико-географическое исследование в Западном Закавказье // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1913.

Амичба Г. А. Соколы из Абхазии // газ. «Республика Абхазия», Сухуми, 6 июня, 1966.

Арджения Э. Ястребиная охота. Для охотника // газ. «Апсны капш», Сухуми, 25 октября, 1989 г. (на абхазском языке).

Бгажба М.Т. Дрозд поет песню. Сухуми, 1968 (на абхазском языке).

Беляев М. Охота с ловчими ястребами в Абхазской ССР // Естествознание в трудовой школе. 1930, № 8.

Висковатов А. С Казбека // Русский вестник. 1865, № 12.

Грузинские предания и сказки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1890.

Дбар Р.С. Ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*) в Абхазии: традиционное использование, методы отлова и приру-

чения // Кавказский орнитологический вестник, вып. 4, ч.1. Ставрополь, 1992.

Дбар Р.С. Охота с ястребом // Российская охотничья газета, № 7, 16 апреля 1997г.

Дементьев Г.П. Охота с ловчими птицами. М., 1935.

Дзидзария Г.А. Лыхны (очерк дореволюционного прошлого села). Сухуми, 1986.

Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958.

Жан де Люк. Описание перекопских и ногоайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена 1625 г. // Записки одесского общества истории и древностей. Одесса, 1879, т. XV.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. Л., 1936.

Зув Василий. Месяцеслов исторический и географический на 1787: Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов в разные годы. 6, 1790.

Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Второе переработанное, дополненное издание. Сухуми, 1965.

Казбек Н. Татарские (азербайджанские) сказки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 6. Тифлис, 1890, т.9.

Коллаутц А. Абазги; Абазгия. М., 1982.

Лавров Л.И. Земледелие на Северо-западном Кавказе // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952.

Маан О.В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчырского района Абхазии. Сухум, 2006.

Малия З. На выставке ловчих птиц // газ. «Бзыбь», № 132, г. Гудаута, 3 ноября 1987.

Мачавариани К.Д. Семь дней в горах Абхазии. Батум, 1900.

Орлов В. Базиери Грузии // Эхо Кавказа, № 1, 1992.

Охота за фазанами в Кахетии (страницы газеты «Кавказ») // Эхо Кавказа, № 1, 1992.

Памятники византийской литературы IX–XIV вв. М., 1969.

Поло Марко. Путешествие. Перевод // Записки ИРГО по отделу этнографии, т. XXVI. СПб., 1902.

Рудь Микола. Полювання з ловецькими птахами від найдавніших часів. Київ, 2003.

Семенов И. Приметы и поверья грузин Телавского уезда Тифлисской губернии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 19. 1894.

Симаков Г.Н. Полевые материалы. Абхазия, Гудаутский район, 2002–2003.

Симаков Г.Н. Полевые материалы. Аджария, Батуми, 1985.

Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб., 1998.

Симаков Г.Н. Соколиная охота в Средней Азии в XIX–XX вв. Бишкек, 1992.

Стоянов А.И. Путешествие по Сванетии // Записки Кавказского отдела РГО, т.10. 1876.

Сыркин А.Я. Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964.

Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Сокол на перчатке. М., 1999.

Хаханов А.С. Празднование Нового года у грузин // Этнографическое обозрение, т.3. 1899.

Хеция А.Д. О ястребиной охоте. Этнолингвистический аспект // газ. «Апсны капш», Сухуми, 8 сентября 1990 г. (на абхазском языке).

Хеция А.Д. Ястребиная охота у абхазов. Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988, с.235–236.

Хеция А.Д. Ястребиная охота у абхазов (рукопись статьи). 0,5 п.л.

Хрестоматия. 5 год обучения (4-ый класс). Абхазия. Сухум, 1932. Составлен бригадой (на абхазском языке).

Хутыз К.К. Охота у адыгов (эколого-этнографический аспект). Книга I. Издание второе, иллюстрированное. Майкоп, 2001.

Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.

Штернберг Л.Я. Культ орла у Сибирских народов, т.5. Сб., МАЭ. 1925.

Ястребиная охота в Армении // Лесной журнал, вып.6. 1845.

Ястребиная охота на Кавказе // Кавказ, № 40. 1846.

Kırzioğlu, Dr. M. Fahrettin Osmanlılar'ın Kafkas Elleri'ni Fethi (1451-1590). Doktora Tezi/ İki Haritalı / Ankara, 1976.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Гагрский район

Агумаа Кута, 1893 г.р., с. Лдзаа, пос. Ацыджкуа
Дбар Анатолий, 1934 – с. Лдзаа
Дбар Федор, 1918 – с. Лдзаа
Инал-ипа Сергей, 1925 – с. Бзыпта
Инапха Алексей, 1926 – с. Бзыпта
Псардия Алексей, 1929 – с. Бзыпта
Псардия Люфа, 1940 – с. Бзыпта
Хагуш Людвиг, 1937 – с. Бзыпта
Хагуш Миту, 1911 – с. Бзыпта
Хагуш Рудик, 1943 – г. Пицунда

Гудаутский район

Авидзба Георгий, 1936 – с. Аацы
Акиртава Александр (Саша), 1937 – с. Мгудзырхуа, г. Сухум
Апба Алёка, 1932 – с. Аацы
Аргун Сафер, 1902 – с. Куланыхуа
Барцыц Алексей, 1927 – с. Лыхны
Габлия-Харазия Роза, 1942 – с. Уатхара, с. Хуап
Гумба Алексей, 1930 – с. Лыхны

Дочия Акакий, 1934 – с. Звандрыпш
 Жиба Ларик, 1952 – с. Мгудзырхуа
 Жиба Михаил (Макыта), 1926 – с. Мгудзырхуа
 Конджария Иван, 1937 – с. Дурыпш
 Куарацхелия Тач, 1917 – с. Дурыпш
 Ладария Виктор, 1942 – с. Абгархыку, пос. Тасракуа
 Пния Асика, 1943 – с. Звандрыпш
 Хеция Джота, 1911 – с. Калдахуара
 Хеция Ктас, 1907 – с. Джырхуа
 Хондзия Зосим, 1944 – с. Куланырхуа, пос. Тасракуа
 Цкуа-Барцыц Дзабулиа (Венера), 1925 – с. Звандрыпш,
 с. Блабырхуа
 Цушба Валико, 1948 – с. Куланырхуа
 Чамба Митра, 1906 – с. Куланырхуа
 Шамба Тыщкуа, 1920 – с. Абгархыку, пос. Тасракуа

Очамчирский район

Барганджия Иван, 1932 – с. Тамщ
 Бганба Вячеслав, 1953 – с. Баслаху
 Зантария Топана, 1935 – с. Тамщ
 Камкия Шалико, 1933 – с. Адзюбжа
 Кацба Николай, 1948 – с. Баслаху
 Кацба Рауль, 1946 – с. Баслаху
 Чрыгба Уанчка, 1929 – с. Баслаху

Сухумский район

Корсантия Акакий, 1929 – с. Ешыра

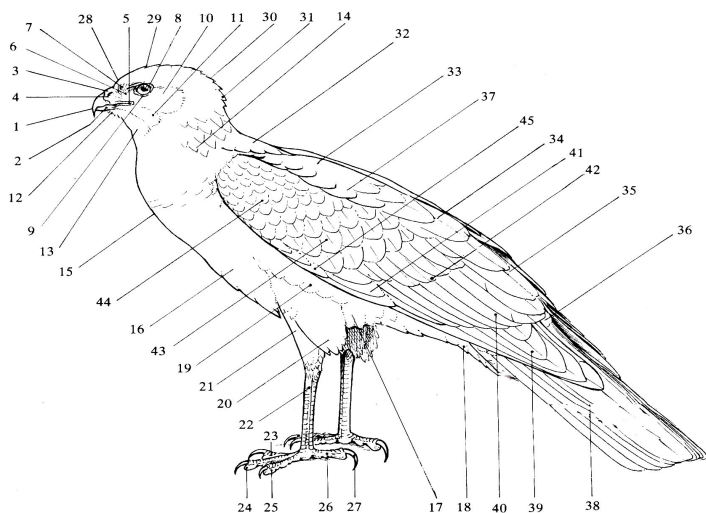

Морфология хищной птицы

Названия элементов внешней морфологии ястреба в абхазской охотничьей терминологии

Ахышь атҕеитыңи ахэҭақәа рыхьзқәа

аңсуаа рышэарыцаратэ жэархэҭаҕы

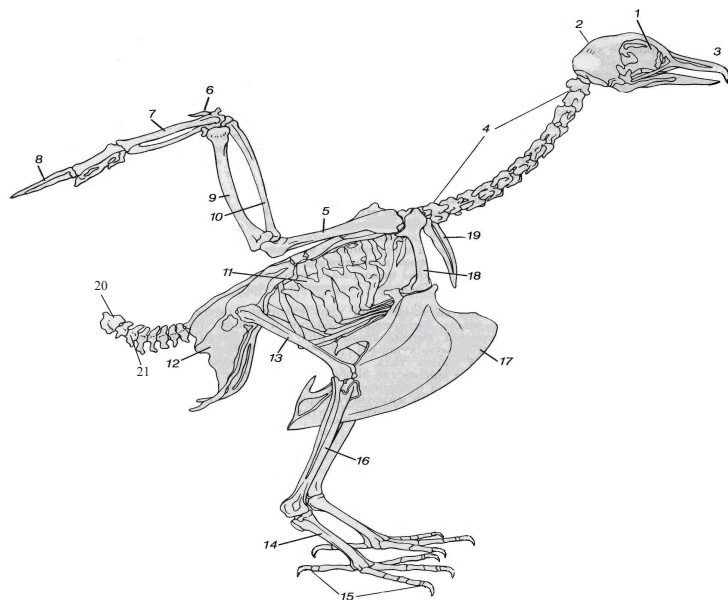
1. надклювье – аңыц ақә (аңыц ахцәыр), ажыса; 2. подклювье – аңыц апа; 3. восковица – аңыц асежра; 4. ноздря – аңынцарта; 5. угол рта – асы аган; 6. уздечка – агәра; 7. бровь – аңымшь; 8. глаз – абла; 9. окологлазное кольцо – абла мацәаз; 10. кроющие уха – алымха ахәышқәа, алымхахоагақәа; 11. щеки – азамоа(мн.ч. азамоақәа), азгы(мн.ч. азыгқәа); 12. подбородок – аңламхәаца (акаңцә); 13. горло – ахәда; 14. шея – ахәда аган; 15. зоб – ачыкә; 16. грудь – ахәцәы, ашцы, агәышпы; 17. брюхо – агәышпа, агәыца; 18. подхвостье – аңыхәчыда, акыацаца, аңыхә-

атца; 19 бока тела – авандыч, авардым, ахэамц аганкэа; 20. штаны – аймскэа, айкэа; 21. голень – амаха, ауатэа; 22. цевка – ашбахэар, ашбаргэацэ; 23. внутренний (2-й) палец – аонуткатэи (2-тэи) ашбацэа; 24. средний (3-й) палец – агэыбжышпацэа, (3-тэи ашбацэа); 25. наружный (4-й) палец – адэахьтэи (4-тэи) ашпацэа; 26. задний (1-й) палец – ашпахьтэи (1-тэи) ашпацэа; 27. коготь – ашпацхыц; 28. лоб – алахь; 29. верх головы – ахагэта; 30 темя – ахашыгэра; 31. затылок – ахашпахь; 32. зашеек – ахэдацбал; 33. передняя часть спины – азкэа апхьатэи ахэта; 34. задняя часть спины – азкэа ашпахьтэи ахэта; 35. крестец – агэчама; 36. надхвостье – ацыхэ ақэ (ацыхэахы); 37. плечевые перья – ажэоа хызкэа (ед. ахзы); 38. рулевые перья – акэарацага хызкэа; 39. первостепенные маховые перья – акьага (апрыга) хзы хадакэа; 40. второстепенные маховые перья – акьага, (апрыга) ихадам ахызкэа; 41. верхние кроющие первостепенных маховых – акьага (апрыга) ахзы хадакэа хыхьтэи рыхоагакэа; 42. большие верхние кроющие второстепенных маховых – ихадам акьагакэа (апрыгакэа) хыхьтэи рыхоага дукэа; 43. средние верхние кроющие второстепенных маховых – ихадам акьагакэа (апрыгакэа) агэыбжыанытэи хыхьтэи рыхоагакэа; 44. малые верхние кроющие маховых – акьагакэа (апрыгакэа) хыхьтэи рыхоага хэычкэа; 45. крылышко – ажэоачыда.

**Названия элементов скелета ястреба
в абхазской охотничьей лексике**
*Ахьшь абаџеибаркыра ахэџақәа рыхьзқәа
аңсуаа рышэарыцаратә жэархэџағы*

1. глазница – аблатра, абларта; 2. череп – ахыбаџ; 3. клюв – аңың; 4. шейные позвонки – ахэдабаџқәа; 5. плечо – аңыжэџа; 6. 2-й палец – ажэџачыда баџ; 7. пясть (пряжка) – ажэџабаџ; 8. 3-й палец – ажэџахы абаџ; 9. локтевая кость – амашьхэыльц баџ (амахэар баџ); 10. лучевая кость – ашэахэабаџ; 11. ребра – авахьыңқәа; 12. таз – агэчамабаџ; 13. бедро – аңылгыды баџ; 14. цевка – ашьяхэар, ашьяргэаң; 15. пальцы – ашьяаңэақәа; 16. голень – амахабаџ; 17. грудина – ашхэабаџ; 18. коракоид – арпыга, аңсынтыџа; 19. ключица – асендыс; 20. кость копчика – ахьяабаџ; 21. хвостовые позвонки – аңыхэа акэартэрабаџқәа.

ПРИЛОЖЕНИЕ – АЦШЫ

* * *

1986 шыкәса абжеихара хтысхьан. Амра нтагьалонны, Калдахэара автобус саатыцын, Аграа рзыхь хэа изышьтоу ацеиць иахагылоу амжәатла ацака итәаны ицәажәоз хгәблацәа снарыдгьлт. Ацспәа нарасхәан, хайцәажәо хаштәаз, хгәбла Ёыхьча-ица Валери даахатгыгәлеит.

– Икоузеи Цьота-ица, ухамбеижьтсеи! Ишәымоузеи Акәаа, бзиароума? – ихәан, снапы ааникылеит. Иарси сарси хайкәлацәоуп, ашколгы хайцтан, уажә даазкәылаз ирлафшәа абхзыла дсыпхьалоит.

– Уажәыпцәкьа Акәа салцны сыкоуп, сныкәаоуп. Ахышкьра иазкны материалкәак сизызгоит. Кәланыхрәа сыкан Чамица Митра иҕы. Уацәы Бзыц нырцә Алыкьсеи Лиуфеи Цсардиаа ркынза снабжьысп хәоуп, – схәан, сгәы итақәаз наиасхәсит.

– Лиуфеи сарси аус сицааусит. Уи сынтәа хышкьра дтыпхьсит. Цандрыпшь аоадахы Хашпсы ацърасы ацла ақәцәан ахышкьрта кацаны имоуп. Аус анимуа, убра дцаны дыкәтәоуп, аоны дузырбода! Цсардиаа ара иааигәоуп, дасазны унсиргы калоит. Сабхәагы ахышкәа иклоит. Жәац Дәрыпшь сыкан. Акаршы иххсит, икәыртәаны имоуп. Уаха уахь хнабжьысраны хәкоуп таацәала, ухацаала уаргы. Иарси уарси пәеицәажәап, иидыруа уеихәап, иугәапхо кыр калозар, иануцап. Уцо-

ны укалозар, хаоны уныдгыл хэылбыехан асаат быжь-
беи иеи реицп. Уажэ хэычык сыцдакусит, аоныка уааи
хэа ахьуасымхэо вба сумтан, – ихэан, днахцырцит.

Ахэылбыеха Валери игэапэ саннадгыла, иара аусу-
рахынтэ даахьан.

– Арахь уааи, абыста анцаны игылоуп, акы хнацхал,
хамоа хароуп, хэхьнеиуагы акраҳсарымтар калоит, –
ихэан, деикэлафха, аоныка сымнеир имуит...

Валери имашына аус ааирун, хантатэсит. Саатбжак
ашьтахь Дэрыцшь Кэарцхьиа Тач игэапэ хнадгылт.
Аштэ ситцхэа аназарағы хцаны сихагылоу аоны сихачаца
ду тагылоуп, ахэарақэа амзырха икэуп, аца, аказарма...
Ажэакала, абзанхаоы итзыштэ.

Ацшэмацэа ханырба, рхы-рқэа рхаччо, рсаархсит.
Ацшэақэа ааибыхэаны ханаатынчақэа, сара сызу-
стоу, сыззааз, сзышьтақэоу ухэа Валери иабхэа иниси-
лиркааит.

– Кох, асас дахь дахтазаап! Сара сандугы д-Хьациа-
цхан, шытрала д-Хэацтэын, уажэ уа уао дыкагэышьам
акэымзар, – ихэан, иаахирдырт. Идэылыргаз акэардэқэа
надыргылан, хааибарцшы, дасу иахьхэхэтаз хнатэсит.
Сара сызнейз аус ахь сниасын, ацшэма зпаарақэак наи-
стан, ацэажэара хацхаркит... Хшеицэажэоз, цытк аамта
аагеит. Ус, ацшэма дсагылан, дцан, икаршы ааигеит, уи
шыхэмаруаз хирбсит, деитацан, ихышьката аацэыриган,
иааицихит...

Аишэа идьрхиаз ханынахатэа, хрса дук, аразны
иалхуп ухэаратэы, идырцыруа асервант иаатигеит Тач.
Ацшэма итаауа асасцэа дахьқэа аоы аладиржэузаап
апатхь ацынхэрас. Ари ахраса 1977 шықэсазы Қырт-
тэыла имоапысуаз хышыла аицраблақэа раан Тач ихышь
ианаршыаз ахамта акэзаап, уака ихышь актэи атыц ага-
заап. Ахраса аоыра ануп ашэкэгы ануп. Ажэакала,

сшымгэыгзоз, ахәатәы рацәаны измоу, истаху акыр саз-
хәаша ауафы ситаазаап.

Кәарцхыа (паспортла – Кәарацхелиа) Тач Еснат-ица
диит 1917 шықәсазы (1989 шықәса кәыркәазы ицстазаа-
ра далтгәышьсит). Кәарцхыа Дацъ хәа Бзыцын сицыр-
дыруз алафхәа ду иашьсеица иакәын. Абжьаратә цара
иман, хауагәатафыс жәохә шықәса аус иухьан. Уахьихәа-
цшуаз шәагаала дмыцхәымызт, аха дахьыказ деинаалан.
Тынч-тынч дцәажәон, иажәахәа цшзаны иртәон, лафла
ихыркын. Атцхәтәантәи ашықәскәа рзы агәамбзиара
хәычык дыхтанакын акынтә, аоны дыкан.

Тач имахәи ицха Еммеи ауыха ихынхәуан, саргьы
тынч дасазны ситаап хәа сызбын, уи сналацәажәсит.

– Арт уаха имцар руам усгьы. Уара уаагыл. Уацәы
тынч хайдтәалап, хазхара хәицәажәап. Иухәо акыр сыз-
хәар, иуоып. Уаха уцсы шыа, – насабжьеигеит Тач. Сар-
гьы схәыцын, иихәаз сазааит.

Адырфәсны, шыбжьхәа ашьтахь хлатәан, иара ихәо,
сара ианысцо, иара ихәо, сара ианысцо, аамта кыр инаа-
геит.

– Сара сцәажәоит, уара иуоусит, унапгьы аацсеит.
Уаала, цытк хәаныкәап, хпшьапы неицаххып. Иацы
хәылбысхан Алхадәы (рынхарта иацәыхарам хкаарак
иахьзуп) ацәкьа ханы инсыжын, каршык асашәазаргьы
аабап, – ихәан, доагылсит. Хәхьнеиз, ацәкьа цкьаны
икан. Сара иаасцәымыгхсит, сымшьта цәгъазшәа схы
иаавызбеит. Иара дааччан:

– Абагыркәа ацәкьа ахы икәтәаны ианкарыжьо
ыкоуп, уажәадагьы ус сызрукәахьсит, – ихәан, арцу ыц
насеицан ацәкьа ааирхиахт.

– Цыхьсеицш акаршкәа рацәам, изыхкьаз сыздыр-
уам аха. Арцукәагьы ацасақәа реицш икам, акыр имац-
хсит. Дара ачақәа ракәзаргьы, рынасыц цсит. Кәбан

акомбаинкѣа рыла ачарыц таргалойт, ахэшэ акэтѣаны ирхэшѣтѣусит, зыссы тоу зегъ ндырцѣойт, ачақѣа злаеиои?! Напыла ачарыц атагалара иакѣыщхьейт... Уантѣ хпсеицѣажѣоз, аоны хаайт.

– Ахышкыкатагы ханы исымоуп, акры акызар аабап, – ихэан, хаицны аонаштыах шыказ амхырта аанда хнавалейт. Ахышкыката акаламкэа юба ирынцаны, ситцхны аанда иахыкэгылаз хнадгылейт, аха иширгылаз икан.

– Аката амацара ахышь злакуеи? – хәа снаизцааит.

– Имѡасны ишцо иалахар калоит, ус акыр скѡахѡсит. Ахѡшь ианакѡызаалакъ цѡбака ауп иахѡеихауа, шыта-хѡка ихѡацѡм. Знык акаѡа агѡы ианалаѡа, изѡо цѡышыѡа цѡбака иахалоит иааѡсаанза. Ахѡы акаѡа иалахѡны иа-кусит, акаѡа алгара еихѡ иуаѡаѡуп каршыла иуѡуа ааста, – ихѡан, иаассеипркааит.

Усынтөи хшааиуаз, хазы ихкааны иказ азахэарта хнадгылсит. Агэашэ ааиртын, уахь ханталт. Аихашашэа ианыз ахажь агырла аланаршэхьан. Иара цкэаны, ахэшэ акөтэан, напы адкыланы ирашэан.

– Сынтəа ажь бзианы ийт, аха раѳаак цуам ахəапа-
ра цнагеит, атыѳша схəсит, ацармакыа схəсит, аха акгы
амыхəсит, – ихəан, даахашшааит. Хгьежны ханааи,
шыбыжьхыа рхианы аишпə икəгылан.

Хәдсә аайтаһкын, адәаны ашәшыра иҗагылаз астал
хнадтәалахт...

– Ахышыкыраҕы зны сзыкәшәәкәахыоу хтысқәак уас-хәоит, ҕара иухәартахааша калозар, ухы иархәа. Исцәаг-хогы уара иреси. Иара лафшәа икоуп, аха агәра уабы игартә икоуп, – ихәан, аиҕахәара дналагәсит. Иихәазгы абра ҕака иану роуп. Сара сазхәыцын, иманшәалахап хәа зысгәахәуаз ахыызкәа рзысыпшааит. Итекст мыҕ-хәы саламкысит, стильтә риашарақәак алахамцозар.

РАЦХЪАТӘИ АХЫШЬ

Сынтәа ахышкәа заа итыцуа иалагесит. Ари хадубжьара уао хышкра дтымцзапт. Сара акаршы скхьсит, исыбжьахьсит. Иахьа шәахьоуп, хышкра споит. Мышьта бзиаала. Анцәа сырманшәал...

Ахаҕарра стың ылсхит. Ақьала касцеит, бгынцәла икәсыршеит. Акылцшырта астеит. Хыңсы стацшусит, нырцә Иашырхәоуп. Ахышкәа устәы иааусит, ирымәоуп.

Сыката еицыхсит, шьхагыларака асы рханы исыргылт. Скаршыхәа акаршлаба иныкәсыртәсит, акаршлаба ақьала иналасырсит. Ғатынк снахсит. Шьта сеикәшәоуп...

Соагылан, акылцшырта сынкылцшит, ахышь збеит – ихиааланы иааусит. Мыцхәы саагәырғьаңәан, сцыс аката инадкыланы соапасны, алаба иныкәсырцрааит. Иара хгыланы ахәмарра иналагесит. Ахышь аагаз-сазын, икәкәаза илталан, сцыс ахь аҕаанахесит!.. Иахьаанагаз сзымдырзо, акәарахәа сеипасны ацысра салагесит, сарыхьтшьит... Саргьа напы сыххәыцуам, иаку акаршлаба нахьхьы-аахьхьы ицоит, агьалара иаәуп... Сарма напы зынза иаапкзсит, аката аркәашпоит иахьаку... Исыхьыз сзеилкаауам!.. Ахышь шааиц иааиусит, ишпәазом. Аката иаадыххылт... Изулак сыката аартрысны илеикәсыжыт. Ахышь ласхууаан, саахьахәаанза иахьцашаз ицахьан!

«Уажәада хышыкра сымтәацшәа, ас шпасыхыи, аф сы-
сааит?!» – схәан, цөгъашәа игәнызгәсит, аха икалапаз
калахъан. Схы снапәсы иаазган, сәаикқәыскит.

Сәаартынчны, сыката насыргылахт. Акатлаба агәа-
шәа инадыхәалт. Саахъын, ажәоан сәапацшит ахышь-
қәа раартала. Дәәа хышыкы снахыцшит, ихаракны ихуп
ихыгәежәауа сладахы. Саалаган, сарма напы аасы-
дыршәыланы иәсәхәсит – изымтысуа икасцит. Сар-
гъа напала скаршы ааныскылт. Ахышь апыс насырбейт.
Итрысны, аеилкәыцәаа инталт, аблақәа амца рхуп,
итыблаауейт. Ашыц аалгәсит сыката – икшәит ахышь!..
Сыката камхәит, ахышь анцаны иңсит – сарма напы
сыдәахәалан, аката злеикәсыжъуазей! Агәашәа иахәад-
хәалаз иңзыртлодаз! Уигъы цәсит, афаст!..

Сахтәоу иамариашаны Хыцсы нырцә, Иашырхәа
ацъ хоаа ду икәгылоу ақәңәан кәраанк ыкәтәоуп, ихә-
цәырххо, сыхъз хәаны, асытра иәәуп:

– Тааац! Тааац! Тааац!...

«Абри ак абозар калап» хәа сшыцшуаз, ашшагъыч
амитә кацо, снаәсан ладахышәа игылаз ацла амахә иаа-
қәххит, аәазейкәкуам:

– Тац абаацсы! Тац абаацсы! Тац абаацсы!...

«Абарт ахышь рымбакәа икам», – схәан, ақяла схы
нкылсрыхәхәазар, Хыцсы ахышь тагәежъуейт. Скаршы
аката инадкыланы, иаасырхәмархт. Ахышь аагаз-сазын,
апыжәоахқәа ахы ларыбжәацаланы, аеикәацсаны, спыс
ахъ аәаанахәсит... Ашшагъыч абжыы слымха цнахуейт –
сылабжъара иәәуп:

– Тац ашышыхәа! Тац ашышыхәа! Тац ашышыхәа!...

Ахышь ажыжә арған, сыката иаадсылт – сыката
ашыоқәа илеикәсыжыт. Ахышь нацпраан, иңсит иәа-
схууаан... Исызмырласит, схәалахәсит – сыката хышыы
азымкит.

Амаахырцыс ахыкэтəу, агəы иалсны, ахы акьоит:
– Ныхх Тац! Ныхх Тац! Ныхх Тац!...

Исымкыз ахышь инаскьаганы игылаз аларыхьаца
инавалсит – асаорадагыгы сикəпата иахьтəаз абжы
аацəырнагеит:

– Тац гəак! Тац гəак Тац гəак! ...

Исыхьыз гəынганы, сеикəшышы слатəсит... Стəо-
уп...

– Иааит! Иааит! Иааит! – ахəан, ааацара хыла инаст
ацысгра.

«Иааиз закəу силыскаап» схəан, ажəоан сəацацшит.
Ихаракзаны, хшык атыр-тырхəа ажəоакəа кьо, мра-
цəырпрака ахы рханы, ажəоан иацаланы ицоит. Ус,
сшазыцшуаз, иаатгылан, ахагьжьра иналагеит.

– Ицəиит! Ицəиит! Ицəиит! – хəа азтəсгы лиакьсит
азыхтəа итаршəны, азкəа иацəаза.

Ишцəииз саргы избоит уара иумхəаргы! Акатла-
ба сарма напала иааныскылахт, саргьала скаршлаба
аасырмыншəалан, иаасырцысит... Ахышь сазыцшуеит.
Ахагьжьра иаакəыцын, иаха-иаха цəоанцəыка асы-
шьтыхуа, ахалара иналагеит. Сыла иамбо жəоанцəы
ихалт. Ус, сшыцшуаз, асеикəархəны хагəцəы италаны
аьыланахсит... Абар, абар, абар!.. Стыс ақьала ацаршə-
ра сахьзеит – сыката ажыц аалгеит! Сеипамхакəа, абыр-
саатк аката леикəсыжьт!.. Иалахəит!!! Илалагəа искит!
Анцəа сирманшəалт! Уф, гəышья!.. Сааилышшеит. Сыц-
сы ааивызгеит...

Аката азхык аацраны снапы напасцеит. Ашьяп-
хыцкəа ссыдмырхəыкəа, ахышь ашьяпкəа ааныскылеит.
Иара аснатом, асакьоит ицырцыруа.

Аката нхьасыршəтит. Напыцпқала иаалызгеит. Иа-
хьыску асарххоит. Агəы тыцны ицоит, алақəа кылцаны
исыхəацшуеит, аьы раханы иакуп, сыблақəа ирхыслар

атахызарггы калап! Асы аганкәа ҫежбуп, ағәра аҫоуп, сынтәатәи хыхроуп. Уажәы-уажә ицырцырусит, исымпыцпәрааны ицар атахуп. Знык уанысцыхәашәа, цсеи уышпытып, баша уеураапсоит амцхә!

Слахәацшит. Агәышпа ауразоуроу ашәыртәтеицшипашәакаараза, силыбзааусит. Азкәа ацәыхәареи ацәацшырси симаркусит. Ажәәәкәа рганкәа рсы ишкәәкәаза ацәахәа пазаны иалдоуп. Алакәа, ашәацәкьаракәа ҫежбуп, ашәапхыцкәа, ацыц ахцәыр сиқәацәоуп, ицырцырусит, ашәаргәацә ахьҫаку иларкны, ашындырзаа аҫынза ахәы ақәуп, аимсы ашыоуп. Арт рыжәла ауп аимсы зшыоу. Аикәа ашыоуп хәаггы рхәоит. Уаха даҫа хышыжәлак иаиузом. Ацыхәа лагзоуп, ицьоухарыркуп. Быжь-цәахәсиқәацәак алдоуп нада-аада... Зегь рыла сиқәшәоуп, акзапәык агым. Ахышь шкәәкәа цкьа! Арт рыжәла мацзоуп. Хышы ыырбақәоуп дара. Ашыкәсан аки-әбеи иреиханы уафы ицыхәашәом хә-Бзыцын. Ари аоыза ахышь зкәашьхаз избәхә анраҳалак, ицаны ирбоит ахышкәа ртәы здыруа. Арт рыжәла акара лацшы акы иачычам, иаахом.

Ахышь ахы кылсратәы, амҳацәкәа әба сиқәхәаланы заа исырмазсихьаз ачавра сдыба иаатызгсит, ахышь ахы нкылызгсит. Иоужьыз амҳацәкәа ааршаны, ацыхәа ахьҫакыз ашәаҫа илацыркьаны, азкәаҫы силаршәны иаархханы, ахышь зымцысуа, сиқәкаца иааҫасхәсит.

Ашпаггыч уажәы-уажә сыхышь силахәаны иахышьтастаз ахы ларкәны иназкылцшусит ажәәкәа авара иаанкьо, амахә иқәцрааны акәашара иаҫуп, амыргәыргьа ахы иҫоуп:

– Иреиғьаз укит! Иреиғьаз укит! Иукит аха, иукупәкьсит! Иукит аха, иукупәкьсит!..

Ажәпыс абжы аасықәнарған, иниякьсит:

– Иукуз узхоит! Иукуз узхоит! Иукуз узхоит!..

Ачынча абард иахылатәаз абжы ныхнаңсит:

– Шьта уцала! Шьта уцала! Шьта уцала!..

Асаорадагьгы урт инарыцнаргызит:

– Аоныка Тач! Аоныка Тач! Аоныка Тач!..

Арт ирхәо бапа ирхәом, ирхәо иашоуп, аңсыпәгъара акгы иаңсам. Ус аламала уа ицыхьамшәоз ахышь соуит, шьта аоныка сагыцап хәа аасызбан, скаршы кәйтза акаршлаба иахыкәтәаз снесин, блатазгас иахаз «ахтырца» аахысхын, алаба изладхәалаз ашпаптазгакәа аац-ыртланы, «уааңсара сзыбзиахааит, машәыр уқәымзааит» – схәан, акаршы саргъа напсыргәыца иныкәсыртәан, снапы ааиңысхит. Ахақәитра шаиуз аңсилнакаа, снапы иныкәпраан, «кышшыт, кышшыт, кышшыт» ахәан, абардра аеныланаршәит. Сыката ааилахәаны, скаршлаба иадхәалаз арцукәа аамхны, сыхышь ахышьтаз иаа-шьтысхит. Ғааны уажәаанынза абзиараз, сқала...

Сыхышькәтеи скаршлабеи сыжәоахыр иныкәсцан, сшыаңкәа сыцпрауа, аоныка сәасхеит сгәыргәацәа...

АШЬАУАРДЫН АТАХАРА

Ахышкрасы сзықәшәахыоу хтыск уасхәап уажәы. Сычкәынразоуп ари аныкала. Лыхны акалтан Цшъандра хәа иахыашытоу амшын ахықәан стәан хышкра – ахышкра иаамтан. Стәан ахышкырта ақала қацаны. Сычкәынамзи, хәычыкгы спәон сымацара уа-хынла аангылар, аиаша уасхәап, аха уаанымгыларгы, ахышкқәа атыц тацәны ирбар, иуцәыргоит, ихчатәын. Настгы хышкра уанца, ашәара уаиааироуп. Ахышкра ҫкуп.

Цшъаха-цшъымш цейт уа спыказ, аха хышы зхылахәоу акәым, цъара уарбажәк ма кәраанк сылацш ицампәсит.

Ахәымш рзы, амра акыр иохашылахъан, хышык аа-уейт, сылацш нақәшәсит. Ианаасхала, скаршы аасырхә-март. Ацыс анаба, ахыш ахагъежъра иалагәсит. Спазыц-шуаз, сиха-сиха асыштыхуа, жәоанцәы ихаләсит сыла аарла еилнакаауа. Нас асааиднапсалан, ахы ацыжә-оахқәа ирыбжакны, икәкәаза хагәцәиа инталәсит, сцыс иакәкны. Аката иаадыххылоны, алыи-пси рыбжара сцыс акаршлаба ишадхәалаз ақала ацаршәра сахъсит изулакгы. Иара ахыкәалаа еицш ишлеиуаз, аката акны иаазаанза, асазнымкылакәа адгъыл ҫара асыланнакъан, иара уацәкыа ацсы аахшәсит.

Снесин, иаашпытсхит ахы хыхэхеха. Апыцкёа рыб-
жъара ашыа бжыхьхъа, кёац-кёац акатёара иасын.
Слахёацшызар, ашыауардын акёын, асакёа ирсиуан.
Сынтёатёи хыцран. Апыц сикёацёаза, асыркъара нак-
аак иёежъа агёра асаны. Исымлагёышыёит.

Иахъагы сгёалашёарафы инханы икоуп, уи аахыс
аамта акыр шыбжъалахёугы.

Даса ымыш уа сынхсит. Мчыбжык уа стёан. Ар-
хынцштёыла зацёык сцыхашёсит уи ашытахъ. Акада
смоузит. Аоныка сааит.

Ахышкрасы ушыманшёалахо еицш ауп. Шыкёсык
зны енак жёафа хышы скит. Кёарцхъиа Миша сна-
сан днаскъаганы дтёан, жёаа икит. Уи аены Лыхнашта
сырыёран, аха уи хгёалашёозма, асырыёра кажьны,
хышкра хақётёан. Убриакара уаланахалоит. Ускан
Мгёызырхёа хтёан. Хахьтёаз Арнаут Спира ихышкы-
ра хёа иашьтан ахышкцёа уи атыц. «Залатой берег» хёа
иахъашьтоу, амшын апшахёа азааигёара. Акёа амацура
ду далан Спира Лакёаба ихаан, аха ахышкра бзиа ибон,
атыц кацаны иман, данахашёалоз хышкра даалон. 1937
рзы ауаа андырзуаз, иаргы ддырзит. Ицсы ааигагёы-
шыёит. Ианеилгакёа агъимыхкёа дхынхёит Ацсныка,
аха иалоухи, дыбжаны дааит. Дхёыхёикны дыкан, изыб-
жарак ихёазомызт, дагызцёажёомызт. Спира хёа ахъз
изтаз, дыштызхыз лоуп, лара дбырзен цхёысын.

СЫХЫШЬ АЦХЬАХӘ ШАГАЗ

Зны хышккра стәан Ахаҕарра, иара дгъылла Лых-
ны иатәуп. Ахышыцба скит. Искыз ахышыцба
зны ихәыхәыз цысшыан, ацыс смыхәмарзеит, апры-
шыа ус икан. Аха ихагыжуа ианалага, ишыхышыз
здырын, сцыс сырхәмаруа салагеит. Иара зымбо цәә-
нцәы ихалт рацхьа. Ашытахь сыла иеилнакаауоушь
хәа цкьа санцшы, хагәцәиа италан иаауан... Скаршы
аката ашыапахы исыршәит. Иара аката иалахан, ила-
лагәа искит.

Зны иумбазо цәәнцәиа ихалоит, нас хагәцәы илба-
аусит – ахышь жәлабзиа усоуп ишыканацо. Икны аоны
иаазгеит. Акраҕасцеит, ибзианы иеиласхәеит, х-цәцәак
ахасцеит. Инаганы иныкәсыртәеит аонацака аонутка...

Аены ачарахь цатәыс ихаман – Аргәын Цыгырыц
ичкәынцәа ахәсақәа ааргон – таацәала зегы ачарасы
хакан. Сара тааагарагы сыкан.

Убри аены Батымтәык, дчоууп иара, ахышь ааихәара-
зы Гәдоута дааит. Гәдоута ахышкәа ахыртиуаз Герз-
маа Рушы Таниа Васиси дрыкәшәан, сызбахә иархәсит
«ахышь бзиа имоуп» хәа. Иара машынала аоны дааит
Дәрыцшы, хахынхоз. Аоны дахьааиз, ахышь дәылиган,
инапы икәыртәаны ибсит, игәацхсит. Дәрыцшынтә

дхашьталаны ачаракны днесит Көланырхәа. Ачарасы пату икәахцсит.

– Ахьшь бзиа умоуп, исаархә, – ихәан, дсыхәсит.

– Иалудрааи? – схәан, – снапы икәыртәаны избсит, шәыюны сыкан, – ихәсит.

Ачаракынтә хгъежыны аоны хааит. Аоны хахьааиз, ахьшь ыказамызт. Асцыртлианы, идәылцрааны ицахьан, цкьа изсамхәазаарын. Даара ицәымыцхсит иара икалаз. Игәы иалсызшәа анызба:

– Иаабан, иабацари. Игәнумган уиакара, – схәсит сара, уаха исхәози.

Ахьшь халаны иахьцоз агәылацәа ирбазаап, х-цәцәак аханы, абжы рахаит сгәылацәаггы. Ацандарааи Дәрыц-шәааи рхәаасы, Ебырныха хәа иахьашьтоу, убра ик-шеит. Ашьяпцазгақәа амыц иасапан, убра иакит. Гәын-ба Ваниа ичкәын ибеит.

– Ухьшь аоны икоуп, – хәа ааицхаит Ваниа. Адырәае-ны шьыжьымтан сцан, ахьшь аазгеит...

Абатымтәи адырра иахтан, ателеграмма ааишьтын, сычкәын Хьырбеи ахьшь итаны дхашьтит. Ахьшь Батым ианнеига, Махаразе ахьшь сицлабра ыкан ускан, уа иргеит. Ахьшькәа реицлабра иаладырхәит. Ахьшькәа рыбжьара иара аиааира ахьагаз азы, абри ахраәа ар-теит цхьахәык ахасабала. Асасцәа дахькәа ансзааилагь, ацатхь ацынхәрас асы татәаны иалаажәусит, иароуп уажәы иахку абри иубоггы.

Хьырбеи Батымка данцоз, ахьшь изныжь хәа иахәа-ны дсышьтит. Данаауаз, арахь иитеит. Хьырбеи ахьшь инапы иаакәихын, ани Абатымтәи инапы икәэиртәсит. Абатымтә ицәеишьсит, изгом хәа далагеит, аха сычкәын имуит.

– Цыск хабжьамзо хакам. Арахь санаауаз, саб хамтас иустараны иссихәсит, – ихәан, иимтар имуит. Хьырбеи

ადებცა дылбааганы, ауа аоны дганы, ачара изиуит. Хымш уи ионы дыкан. Иара дчоууп. Батымынтә ссы-шықәса даны, Гәдоутә ахышықәа ааихәон, хәонгы даа-лон убри нахыс. Цыцх дсымбсит, дыказамызт.

Кәарцхыа Тач иҳәамтәу. 1917 ш.д.

Ианцоуп 21.08.1986 ш. Дәрытш

P.S. Кәарцхыа Тачи сарси хансицырцуаз, уи иасхәсит ахышыкра иадхәалоу ажәархәтси ахәамтәқәси рнаосан-гы, ахышыкра иазку аматәарқәа реидкыларә сшаеу, урт хәжәлар рышәарыщаратә культура ишахәтаку, Апсуа музеи акны атыц шырзалхтәу, ишцәырғақәцатәу. Исхәаз дазелымхәхсит, исымаирхәсит. Дамк-амшәтзакәа, хыхь зызбахә хәоу ахраәа, иара убас, ахышыкәтә, ахышыцә-пәақәа, ахышь ашьаптазгақәа, акаршлаба, акаршкыга ацәкьа ухәа акыр ситсит. Урт аазган, Апсуа институт ахыбраеы сусуртә уада №18 асы ицәахны исыман, хәыч-хәычы урт рхыцхьазара аццара саеын...

1992–1993 шш. рызтәи акыртуа-апсуа сибащыраан акыртуа гвардиауаа хинститут анырбылуаз, уртгы амца иамтәхәхсит. Ахраәеи арехәацхьызтә шәкәыбгыци ир-ныз атекстқәа аекспедициа аан сусуга тетрад иахьаны-спахьаз иабзоураны, урт сиқәхсит. Ахраәа урысшәала абас анын:

«Победителю IX республиканского соревнования дрес-сированными ястребами 1977 года Кварацхелия Тачу».

Ахраәа иацыз, қыртшәала иоыз арехәацхьызтә шәкәы-бгыц атекст абас ахәон:

ამხ. კვარაცხელია ტაქიმ მიიღო დიბლომი მასზედ, რომ 15-18.10 1977 წ. ქ. მახარაძეში მისმა მიმინომ მიიღო მეცხრე რესპუბლიკურ შეჯიბრება-გამოფენაზე ფრიადი შეფასება. დააგროვა 100 ქულა, დაიკავა I ადგილი.

Аурышпәахь аитага абас икоуп:

«Диплом дан тов. Кварацхелия Тачу о том, что 15 – 18. Х.1977 г. в городе Махарадзе его ястреб на девятом Республиканском соревновании-выставке получил отличную оценку. Набрав 100 очков, занял I место».

Акыртуа текст аурышпәахь еитеигеит адоурыхтә тцаарадырракәа рдоктор, апрофессор Т.А. Ачыгәба.

С.-Петербург.

19 апреля 2000

Дорогой Анатолий Дмитриевич

Благодарю за ценное материальное. Я бы хотел
 взять одну из своих (двух) книг по соколиной
 охоте в вашей библиотеке для ознакомления
 с ^{специальными} подходами к этой одичавшей и
 малодружливой теме. Вторую книгу,
 посвященную скорее практическому аспекту
 охоты, я бы хотел принести, поскольку в
 этот в Бишкеке в 2000 г. воспитание и
 уход за охотничьими животными в основном
 отброшены из жизни. Хотелось бы самому познакомиться
 в вашем охотничьем охоте, но нет
 средств на это. Если вы это
 позволите, я со своей рукой, то бы по-
 сле его и книгу передал Спасскому Дми-
 трию. Называя на более охотничьи свои
 контакты между нами в Бишкеке (моя
 бы и по другим средствам и увиделись в
 сухом или в Бишкеке). Я бы хотел книги
 и материалы нас о вашей охотничьей

Мне лучше писать на курьих лапах
 199034. Санкт-Петербург, Пушкинская
 наб.-2 д. 3. Сидорову Евгению Викторовичу
 мой домашний адрес: ул. Курьих лап 16 к. 2, кв. 4
 тел. или 328-41-82 (вн. линия), или тел. 553-27-82
 Евгений Сидоров

Санкт-Петербург

19 апреля 2002 г.

Дорогой Анатолий Джотович!

Благодарю за ценные материалы. Посылаю Вам одну из своих (двух) книг по соколиной охоте в Средней Азии для ознакомления с принципами моего подхода к этой обширной и малоизученной теме. Вторую книгу, посвященную глубоко практическому аспекту охоты с ловчими птицами, вышедшую в свет в Бишкеке в 2000 г., выслать не могу, ибо не осталось экземпляров. Ксероксы, отрывки из эпосов вышлю чуть позже. Очень хотелось бы самому поспрашивать в Абхазии о ястребиной охоте, но нет средств на экспедицию. Пишу Вам это письмецо на скорую руку, чтобы переслать его и книгу через Станислава Зосимовича. Надеюсь на более основательный контакт между нами в будущем (может быть найдутся средства и увидимся в Сухуми или Питере). По прочтении книги пришлите мне о Вашем впечатлении.

Мне лучше писать на Кунсткамеру:

199034. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.3. Симакову Георгию Николаевичу.

Мой домашний адрес: пр. Культуры, д.16., к.2, кв.4. Раб. тел. 328-41-81.(вт., пятница); дом. тел. 559-27-82.

Искренне Ваш /подпись/

Оглавление

Предисловие	3
Некоторые сведения и комментарии по соколиной охоте на Кавказе	5
Охота с ястребом-перепелятником у абхазов в XX – начале XXI в.....	53
Послесловие	111
Литература	113
Список информантов	117
Морфология хищной птицы.....	119
Приложение – Ацшпы.....	122

Г. Н. СИМАКОВ, А. ЦЬ. ХЬЕЦИЯ
КАВКАЗ АЖӘЛАРҚӘА ХЫШЬЛА
РЫШӘАРЫЦАРА ИАЗКУ
АОЧЕРКҚӘА
атқарадырратә тыжсьымта

Г. Н. СИМАКОВ, А. Д. ХЕЦИЯ

ОЧЕРКИ
СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ
У НАРОДОВ КАВКАЗА
научное издание

*Акьыцхьы – А. Л. Багателья
Акорректор – Н. А. Хьеция
Компьютерла аиқьырицаа – Н. Гь. Гэынба
Ацәа адизаин – Б. Р. Цьапуа*

*Набор – А.Л. Багателья
Корректор – Н.А. Хьеция
Компьютерная верстка – Н. Г. Гунба
Дизайн обложки – Б. Р. Джапуа*

Цветные фотографии сняты Г. Н. Симаковым
Черно-белые фотографии - из личного архива А. Д. Хеция

Формат 84x108 1/32. Тираж 1000.
Физ. п. л. 4,375+0,75. Усл. п. л. 5,688+1,26. Заказ № 64.

Республика Абхазия, РУП «Дом печати». г. Сухум, ул. Ешба, 168